Александр Дугин

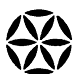

ЗНАКИ великого норда

гиперборейская теория

Ariana Mystica

Александр Дугин

знаки ВЕЛИКОГО НОРДА

гиперборейская теория

МОСКВА
«ВЕЧЕ»
2008

ББК 63.3(0)
Д80

Дугин А. Г.

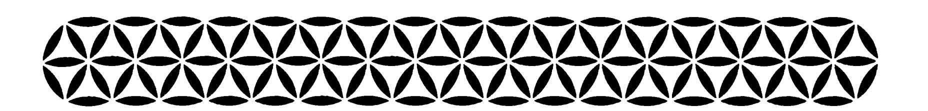
Д80 Знаки Великого Норда / Александр Дугин. — М.: Вече, 2008.— 320 с. : ил. — (Ariana Mystica).

ISBN 978-5-9533-3352-8

Расширенная и дополненная редакция «Гиперборейской теории» — книги, с которой фактически началось изучение нордического эзотеризма в России. Под влиянием этой работы Александра Дугина, доктора философских наук, крупнейшего современного русского специалиста по сакральному, были организованы многочисленные экспедиции на Север в поисках остатков древней цивилизации Гипербореи, а также написаны десятки книг (большая часть из них вышла в издательстве «Вече»). Александр Дугин, первооткрыватель трудов Германа Вирта в России, обращается к исследованиям немецкого профессора, руководителя загадочной «Аненэрбе», не просто сводя их в доступную компиляцию, но фактически открывая новую страницу в рунологии, сакральной истории и географии. Книга может служить, помимо прочего, также и справочником по руническим системам. В качестве дополнения приводится перевод одной из работ Германа Вирта — «Священный Год».

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-9533-3352-8

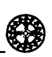

ГЕРМАН ВИРТ: РУНЫ, ВЕЛИКИЙ ЮЛ, АРКТИЧЕСКАЯ РОДИНА

Вместо предисловия

«Не существует более великой тайны в бытии человека, чем тайна жизни и смерти, умирания и становления. Год для человека есть высшее Откровение божественного действия во Вселенной. Он — выражение данного Богом космического закона, в согласии с которым происходит в бесконечном и непреходящем возвращении становление мира. Волшебный, глубочайший образ является нам в природе — это Год Божий. Множество дней составляет Год, и в каждом из дней снова открывается образ Года: рождение Света, из которого происходит вся жизнь, его подъем на высшую вершину и его спуск, смерть, нисхождение, чтобы снова восстать. То, чем являются утро, полдень, вечер и ночь в сутках, соответствует в Году весне, лету, осени и зиме.

Весной "Свет Мира" снова пробуждает всю жизнь, выпрямляется, развивается, пока не достигнет полного развертывания и предела роста в полуденно-летнем времени, чтобы снова начать путь к ночи и зиме, готовясь к смерти, за которой неминуемо последует новое рождение. Нордический человек созерцал образ своего существования ежегодно и ежедневно: раннее утро — детство, позднее — юность, полдень и лето — взросление, полное созревание, потом увядание жизни, старость, ведущая к зимней смерти, а через нее к новой жизни, к возрождению и новому становлению, воплощенному в потомстве. Круговращение дня отражает в своем постоянном, непре-

рывном повторении круговращение Года, а Год — круг человеческой жизни. Круговращение, движение по кругу, вращение само по себе является высшим космическим законом Бога, этическим Основанием Вселенной всего бытия. На этом принципе основывается всякое Богопереживание и всякое правосознание. Закон вечного вращения, чьим откровением являются пространство и время, и особенно реализующиеся в Годе, был осознан атланто-нордической расой в символе Годового и Мирового Древа, Древа Жизни».

Это слова из книги великого голландского ученого Германа Вирта. Его имя мало что скажет современному человеку, даже весьма образованному. Его трудов нет в современных университетских библиотеках. Причина этого будет понятна позже. И тем не менее Герман Вирт — один из тех людей, кто в нашем столетии, в этот мрачнейший период Железного века, Калийуги, сделал удивительно много для восстановления Великой Традиции, пришедшей во времена Золотого века из таинственных регионов Гипербореи, волшебной аполлонической земли, лежащей на Крайнем Севере. Рене Генон и Юлиус Эвола поведали о Примордиальной Традиции и полярном рае. Их имена известны всем традиционалистам.

О Германе Вирте знают уже совсем немногие. И тем не менее именно он — этот высокий худой профессор, скромный и страстный, как всякий подлинный ученый, — открыл тайну тайн этой Изначальной Традиции, восстановил ее язык, открыл секреты древних рун, расшифровал послание Золотого века...

Может показаться невероятным, но это факт: Герман Вирт воссоздал ни больше ни меньше, как «Священный праязык человечества» — «Heilige Urschrift der Menschheit». Так и называется одна из его толстых, поражающих воображение фундаментальных книг.

Герман Вирт родился в 1885 г. в Утрехте, в Нидерландах. Его семья происходила из рода древних фризов, жителей северных областей Голландии, отличающихся до сих пор ненормально высоким ростом и классическими индоевропейскими чертами лица. С детства Вирт интересовался историей своей страны и своего народа. Собирал предания и легенды, внимательно изу-

чал знаки и символы, украшающие дома простых голландских крестьян.

Практически всю свою страну он исходил вдоль и поперек. В 1910 г. он защищает диссертацию под названием «Деградация голландских фольклорных песен». Уже в этом первом труде поражает невероятная эрудиция автора, привлекающего к сравнительному анализу практически весь материал, касающийся голландского фольклора. Более того, он пытается выстроить общую модель, некую протомифологию, которая стоит за народным творчеством, чтобы лучше понять целостное миросозерцание древних предков. Отталкиваясь от символов и элементов голландской старины, Вирт расширяет круг своих этнографических, культурно-символических поисков вначале на все германские земли, потом шире — на Европу, потом — территорию Евразии и, наконец, на самые отдаленные от Европы области — Америку, Океанию, Африку и т.д. В поисках формулы, обобщающей мировоззрение древних арийских предков, Вирт движется по спирали, уточняя, корректируя, расширяя или пересматривая все данные, собранные лингвистами, археологами, историками религий, искусствоведами, антропологами и т.д. Это труд невероятной интенсивности.

Герман Вирт осваивает несколько сотен — только задуматься, сотен! — древних языков, стремясь найти в них некие общие закономерности, восходящие к незапамятным временам. Разработки Вирта предвосхищают «ностратическую теорию» Иллича-Свитыча, которая появилась гораздо позже и согласно которой на заре человечества население Европы, Азии и Африки говорило на одном языке. Но Герман Вирт уникален не только поражающим воображение интеллектуализмом. В отличие от позитивистского научного сообщества он категорически не согласен ограничиваться малыми пространствами, всю жизнь уточнять и перепроверять незначительные детали, как это принято в научных средах «критического» пессимистического века. Вирт, подобно ученым Средневековья, стремится охватить одновременно огромную область знаний. Его подход не аналитичен, но синтетичен. Поэтому в качестве основной исторической гипотезы он обращается не к хаотическим и разрозненным

фрагментам исследований современных антропологов, преклоняющихся перед фактом, но к древним мифам, к Традиции, к сакральным источникам. Подобно Рене Генону, Вирт понимает, что современный мир представляет собой аномалию, регресс, дегенерацию. И что истину надо искать в мифах, символах, преданиях, религиях, культах, обрядах, фольклоре.

«Йима — Первый человек — поступил по совету Ахура Мазды и построил на далеком Севере город Вара, окруженный стеной, и собрал туда семена всего лучшего от людей, зверей и растений, чтобы сохранить их от роковой зимы, пришедшей как наказание духа зла Ангро-манью — на священную землю счастья. И поместил Йима город золотой стрелой и сделал врата светящиеся и иные светильники.

И спросил Спитама Заратустра Ахура Мазду: "О творец материального мира, достойный законодатель ариев и установитель аша! Что это за светильники в городе, который построил Йима?" И ответил Ахура Мазда: "Светильники эти и вечные, и преходящие. Только раз в году заходят и восходят там, в этом городе Вара, Звезды, и Луна, и Солнце. И жители его считают весь год за один День"».

Этот фрагмент из Бундахишна, священной книги зороастрийцев, можно трактовать по-разному, как и все другие многочисленные указания Традиции на то, что на далеком Севере в незапамятные времена существовала удивительная райская страна Гиперборея (Тулѐ, Вȁрахи), где жили счастливые предки золотокудрых голубоглазых арийцев — божественная раса королей и героев. Герман Вирт воспринял сообщения Традиции буквально. И это позволило ему создать уникальную теорию происхождения человечества — «Aufgang der Menschheit», расшифровать древнейшие знаки, объяснить тайные непостижимые стороны архаических символов, культов, ритуалов, постичь смысл сакральных обрядов, восстановить давно утраченный алфавит райского человечества. Это кажется невозможным. Почему такое фантастическое открытие осталось без внимания широкой общественности? Как можно пройти мимо столь потрясающих, головокружительных откровений? Почему имя такого ученого ничего не говорит не только простым людям, но и

научному сообществу? Увы, снова политическая некорректность. Ведь Герман Вирт имел неосторожность примкнуть с самого юного возраста к патриотическому национальному движению Голландии, а позже Германии.

Он был вдохновителем голландского молодежного течения «Dietske Trekvogels», аналога германских «Вандерфогель». Это была широкая молодежная организация, члены которой путешествовали по сельским местностям, собирали национальный фольклор, облекали обычную юношескую революционность в парадоксальный интерес к архаике. Они ненавидели современный мир, торгашеский дух городов и бирж, циничный настрой продажного космополитического ада, в который неуклонно превращалась Европа начала XX столетия. Анархизм «Вандерфогель» сочетался с любовью к своему народу, к обычаям предков, к Традиции. К 30-м гг. все это направление не могло не стать составной частью другого политического движения, даже имя которого вызывает сегодня у благонамеренных граждан чувство ужаса. Идеи и труды Германа Вирта, великого реставратора и открывателя древнейшего праязыка человечества, имели несчастье ассоциироваться с крайне непопулярным после середины 40-х годов политическим режимом. Ведь Север и его свет, его народ, его Традиция, его символы стали отныне политически некорректны.

В 1928 г. Герман Вирт в книге «Происхождение человечества» формулирует основу своей теории. Он считает, что все упоминания о древнем континенте, лежавшем на Северном полюсе, — не мифы и не фантазии, а исторический факт. В качестве подтверждения такой гипотезы он ссылается на труды современных геологов, в частности Вегенера, согласно которым континенты не пребывают в постоянном покое, но все время скользят по шельфу, а значит, за довольно большие промежутки времени они перемещаются по всему земному шару. Некогда на Северном полюсе существовал материк, и там царили иные атмосферические условия. Память об этом сохранилась в древнейших преданиях, в мифах, в легендах и т.п. Именно из этого материка стала распространяться духовная культура человечества, единая в своей общей формуле.

Основой этой культуры, этого гиперборейского культа был *Год*, но не просто Год, а Год, созерцаемый в полярных условиях, когда 6 месяцев стоит день, а шесть месяцев — ночь. Описание этого Полярного Года, согласно Герману Вирту, лежит в основе всех сакральных текстов и культов, символов и знаков — от пещерных изображений и первознаков на костях мамонтов до самых изысканных и изощренных теологических и мистических конструкций. Тот факт, что до этого не додумались иные историки религии и антропологи, объясняется очень просто. Если применять календарно-культовые круги к природным условиям тех земель, на которых мы встречаемся с остатками древних культур — Шумер, Индия, Евразия, Пиренеи, Средиземноморье, Ближний Восток и т.д., — истинные соответствия проследить невозможно, так как часть иероглифов остается неизменной от гиперборейских, полярных времен, а часть подстраивается под новые — не полярные и не арктические условия. Истинные ключи к интерпретации древнейшей символики может дать только принятие гипотезы о полярном, нордическом происхождении цивилизации, а эта гипотеза никем всерьез не рассматривалась. «День Богов равен году людей», — это утверждение можно встретить и в Ригведе, и в Авесте, и в древнегреческих мифах, и в германских сагах, и в шумерском эпосе, и в архаических фрагментах Библии. Немецкий профессор Герман Вирт воспринял это буквально и... совершил невероятное, неслыханное открытие.

Первые люди были не неандертальскими идиотами, рассованными по пещерам и дубасящими друг друга палками, как утверждают дарвинисты, марксисты и прочие профаны.

Они были совершенными людьми с изысканным, простым, но предельно духовным мировоззрением. Они были носителями Высшей Религии — Света, Чистоты, Духа. Они не знали отвлеченного Бога-Творца, выступающего по отношению к человечеству и природе как нечто внешнее. Весь мир был пропитан божественными энергиями, где сами люди виделись как дети Солнца, как потомки Божеств, как ангелические высшие существа, исповедующие особое мировоззрение — Бого-миро-воззрение, Gottesweltanschauung. Они не нуждались в морали и за-

конах, поскольку нравственный и религиозный закон был в них самих. Это были высокие белокурые голубоглазые существа, чуждые дурных помыслов, духа наживы, властолюбия и прочих недочеловеческих пороков. Любопытно, что Вирт некоторое время был близок к голландским коммунистам, в чьих планах он видел возврат к изначальному высокому нордическому строю. Хотя, конечно, нордический арийский коммунизм профессора Вирта несколько отличался от марксистских утопий.

Вирт выдвинул теорию о существовании полярного «Прамонотеизма», «Праединобожия». Все элементы этого древнейшего ритуала находились в строгом соответствии с гармонией космической Среды. Между человеческим, природным, социальным, религиозным и временным не существовало никаких строгих барьеров.

Дуализм был неизвестен: мысль и материя, дух и вещество, частное и общее, природное и социальное, божественное и небожественное — все это существовало в общей гармонии и определялось единой формулой, знание которой позволяло расшифровывать не только языковые и символические фигуры — продукты искусственного человеческого происхождения, но и язык природы — голоса зверей, растений, камней и гор. Здесь Вирт окончательно выходит за грань общепринятого в научных средах скептического материализма. Он считает, что великая сакральная формула, лежавшая в основе полярной цивилизации, была не просто описанием внешнего мира, но самой магической мыслью, обретшей плоть. *Бог творит мысля*, приводит Вирт знаменитую фразу из исландской рунической песни. Знание есть Бытие, и то, и другое совпадают, ничто не имеет права первородства. Поэтому понять и создать — это одно и то же. Традиция — не совокупность простого описания исторических фактов. Это абсолютно живая вещь. Она выше времени и пространства. Тот, кто сумеет открыть ее секреты, изменится не просто в смысле расширения информации, но преобразится внутренне. Такой подход к проблеме может быть понятен верующим, но не высоколобым и чванливым профессорам с кривыми ртами, короткими мозгами, привыкшим считать научной нормой ядовитое сомнение и себялюбивый скепсис. На Германа

Вирта ополчается научное сообщество Германии. Его идеи признаются экстравагантными и слишком радикальными. По существу, возражений практически не выдвигается, для того чтобы серьезно дискутировать с этим величайшим эрудитом, необходимо было обладать качествами, которых оппоненты просто не имели. Основные упреки касаются «идеалистического» подхода, излишнего доверия, которое Вирт якобы оказывает сакральным источникам.

Кстати, на сегодняшний день, после исследований Дюмезиля, Элиаде, Леви-Стросса, Кереньи, Юнга и др., тогдашние сомнения академических ученых кажутся совершенно необоснованными. Но в то время позитивистский подход еще доминировал. Вирт, впрочем, мало внимания обращает на завистливые нападки коллег и продолжает исследовать Нордическую Традицию, выяснять тайную формулу, знание которой, по его мнению, как рычаг Архимеда, способно перевернуть мир.

В исследовании праязыка человечества Герман Вирт приходит к удивительному заключению. Рунические письмена и особенно рунические календарные круги, которые были обнаружены в Северной Европе, являются останками гиперборейской протописьменности. Это не искаженная латиница и не выродившийся вариант средиземноморского финикийского алфавита. Это, напротив, след того великого символического круга, из которого гораздо позже развились иные исторические алфавиты — в том числе и финикийский, не обладающий никаким первенством среди иных типов письма. Но руны и их значение можно понять, только приняв гипотезу о существовании Полярного Континента, Гипербореи, так как их значение, их название, их расположение на календарных кругах открывают свой смысл только применительно к природным явлениям, имеющим место в Заполярье. Поэтому исследователи и не могли сложить части исторической головоломки, соединить воедино разные детали археологической и антропологической картины. Конечно, изначальные руны значительно отличались от известных сегодня. Но восстановить их можно. Герман Вирт на тысячах написанных им страниц разбирает тысячи иллюстраций — древнейшие символы, наскальные ри-

сунки, узоры древних предметов быта, керамику, различные орудия и т.д. Все это в совокупности вплотную подводит к искомой тайне, к изначальному руническому кругу.

Центр этого круга — зимнее солнцестояние. Великий Юл — главнейший праздник Гиперборейского Года.

В нем секрет рун и Изначальной Традиции. В Гиперборее Юл праздновали 22 декабря. Каждый год 22 декабря наступает истинный Новый Год — мгновение рождения рун, миг Вечного Возвращения, секунда Гипербореи вне времени и пространства, вырванная из силков темного века, южного смешения, ложных теорий и жалкого забвения о Высшей Волшебной Чистоте... Вара, Варахи, Ultima Thule...

Герман Вирт утверждает, что секреты рун хранили изначально не жрецы-мужчины, но жрицы. Белые Дамы. Weise Frau — Weisse Frau. Слова «Мудрость» и «Женщина», а также «Белизна», во многих языках сближаются. Паллада — Богиня Мудрости. София гностиков — также воплощение знания и женского начала в Божестве. Русское слово «мудрость» сходно с немецким Made, Mädchen — Дева, Девушка. Отсюда древнейший культ весталок, хранительниц священного огня в Риме. Сюда же следует отнести и практику женского священства в раннехристианской Церкви, а также старообрядческую теорию «спасения через жену»... Герман Вирт вслед за Бахофеном утверждает, что Изначальная Традиция была именно матриархальной. Это было царство Белой Дамы, Чистой Девы. Изначальный нордический пантеон возглавлялся Богиней, причем не женщиной в нашем, патриархальном понимании — этим капризным, глуповатым, жестоким и требовательным существом, — но особым Чистейшим Созданием, своего рода Андрогином, стоящим по ту сторону дуализма, своей духовной интуицией проницающим суть вещей. Полярный рай, арийская раса, изначальная Традиция и доминация Белой Дамы, хранительницы рунических культов и жрицы дольменов и менгиров, — это для Вирта синонимы. Вирт настаивает на изначальном матриархате полярной Традиции.

На практике это проявляется в том, что он проповедует особый вид «германского арийского феминизма». У Вирта склады-

вается такая картина сакральных архетипов истории: изначальный матриархат свойственен именно северным народам, первым носителям культуры. От них остальные племена земли получили основы культа, языка, ритуала, мифа. Но в результате смешения с народами Юга посланцы Севера постепенно теряют пропорции Традиции, забывают смысл рун, подстраивают религиозно-календарные обряды под новые природные условия. Вместе с этим возникает новый жреческий институт, в котором главную роль отныне играют мужчины. Германцы, и особенно предки голландцев, фризы, были последними продолжателями арийского матриархата. Хотя к этой же категории относились и иные индоевропейские народы, у которых было принято определять свою принадлежность по линии матери. Таковы легендарные Туата де Даннан — «племена богини Дану» из ирландских саг, фризы — «дети Фрейи» и т.д. Постепенно смешанные культурные формы породили патриархат, доведенный до совершенства в ближневосточных этносах, особенно у семитских народов. Но и сами индоевропейские цивилизации подверглись влиянию новых культов. Древние гиперборейские институты женского жречества были упразднены, демонизированы или сведены к рудиментарным формам. Эти идеи стоили Герману Вирту очень многого. Дело в том, уже в 20-е годы, когда он стал излагать и широко пропагандировать свои арийско-феминистические взгляды, он нажил себе непримиримого врага в лице выходца из прибалтийских земель России — некоего Альфреда Розенберга, который, напротив, считал патриархат исконно арийским институтом. В отличие от Вирта Розенберг был начетчиком, посредственностью и агрессивным плагиатором.

Дело даже не в идеях... Герман Вирт — архетип страстного ученого, визионера, провидца. Розенберг — жалкий доктринер, понахватавшийся отовсюду непереваренных фрагментов знания и претенциозно обобщивший эти обрывки в наглой и малоосмысленной книге «Миф двадцатого столетия». Но, к сожалению, именно этому, замешанному на ressentiment балтийскому чиновнику довелось определять культурную политику победивших в 1933 г. национал-социалистов. Неудивительно после этого, что лучшие интеллектуальные и духовные силы немецкой Консервативной Революции —

такие люди, как Юнгер, Хайдеггер, Хильшер и сам Вирт, наконец, были вытеснены в оппозиционный лагерь.

В 1932 г. Герман Вирт основывает общество исследования древнейших культур под кодовым названием «Наследие Предков», «Ahnenerbe» («Аненэрбе»). В 1933 г. эта организация становится под контроль Генриха Гиммлера, который является среди нацистского руководства главным противником и конкурентом Розенберга. Все это время Герман Вирт продолжает свои интенсивные исследования по выяснению тайн происхождения человечества, языка, древнейших культур, изначальных культов. «Аненэрбе» организует уникальные экспедиции в Северном море, где, по предположению Вирта, должны остаться следы древней цивилизации гипербореев. Отмель Доггера. Дэггер Банк. Земли, затопленные относительно недавно, всего каких-то 12 тысяч лет назад. Это, по реконструкции Вирта, земля Полсети или Форсети, Forsetiland, остаток еще более древнего континента Мо-Уру.

Экспедицией получены уникальные данные. Параллельно этому Вирт направляет экспедицию Шэффера в Тибет, для проверки своей гипотезы о сохранении останков гиперборейской культуры в пустыне Гоби и Западном Тибете, в горной стране Шань, родине религии бон[1]. «Аненэрбе» сопоставляет гигантский археологический и палеоэпиграфический, а также этнологический и лингвистический материал, оказавшийся в распоряжении этой организации. Ведутся уникальнейшие, не имеющие аналогов по масштабу и глубине исследования. Более того, большинство вождей «Аненэрбе» совершенно не разделяет тоталитаризм и шовинизм официального режима. По мнению Вирта и его учеников, потомки гиперборейцев, чистых ариев, есть в настоящее время среди всех народов земли, независимо от цвета их кожи, и европейцы, в том числе немцы, никаким превосходством в этом смысле не наделены. Все это приводит к неизбежной оппозиции Вирта. Ученик и последователь Вирта Вольфрам Зиверс является одновременно вместе с Фридрихом Хильшером главой антигитлеровского заговора. Они помогают многим преследуемым, в том числе евреям, скрыться от преследований и переехать в безопасное место... Неудивительно, что в 1938 г. Гер-

ман Вирт, возглавлявший «Аненэрбе», не являясь при этом даже членом НСДАП,— был отстранен от дел и оказался отныне под неуклонным надзором ГЕСТАПО. В его доме был произведен обыск. Многие ценнейшие экспонаты личной коллекции изъяты.

Все дело фактически было разорено конформистами и идиотами. В истории это, увы, повторяется постоянно. Стоит только появиться какой-то уникальной, живой, творческой, фантастически авангардной инициативе, как тяжеловесные, угрюмо тупые, завистливые и бездарные подонки грубо губят все дело... Так в науке, так в политике, так в искусстве... Истинным расизмом был бы расизм, направленный против агрессивных бездарей и тщеславных, но бойких пустышек, членов вездесущего «заговора посредственностей», тайного ордена «средних способностей», объединенных для того, чтобы постоянно и неизменно разрушать величественные планы героев и гениев... Итак, Герман Вирт в опале, под надзором тайной полиции. Если бы не вмешательство его друга и соратника, тонкого мистика и ценителя старины Вальтера Дарре, Вирту не избежать бы концлагеря. Что делать! Темный век. Торжество лжи и подлости... Несправедливость — вот закон эпохи, когда колесо дхармы слетает со своей оси...

Герман Вирт объясняет все. Почему, например, существует обычай ставить новогоднюю елку. Это очень древний ритуал. елка символизирует *Древо Мира*, корнями уходящее в точку зимнего солнцестояния, где самый короткий день, а кроной — к летнему солнцестоянию, к 22 июня.

Месяцы года — ветви *ели*, а шары — дни. Ель — дерево вечнозеленое. В этом оно подобно Году или библейской Неопалимой Купине.

Год движется, но остается тем же самым. Хвоя не меняет свой цвет в течение года. Огненный куст на Синае горит и не сгорает. Русское название «ель» Вирт возводит к древнейшему коню «il» или «el», обозначавшему Свет и Божество, а также иные священные предметы, символизировавшие Свет. Подарки, которые кладут под новогоднюю елку, — это Новый Год, обновленный мир, свежее и наполненное новой энергией существование. Существует обычай класть подарки в башмак или

чулок. Причем он должен быть обязательно непарным. Это символизирует то, что Время перешагнуло одной ногой за волшебную черту Юла, зимнего солнцестояния. А другая нога осталась в старом году. Свечи на елке обозначают солнце в различных этапах его годового движения. По этой же причине у Деда Мороза (или Санта-Клауса) на красной шубе изображается большой солнечный круг. Сам Дед Мороз некогда означал Световое Божество, Ветхого Днями. Позже его функции перешли отчасти на Святого Николая Угодника, чей праздник отмечается Церковью незадолго до зимнего солнцестояния. Даже наклоненные ветви ели имеют, по Вирту, символическое значение. Это многократно повторенный рунический знак «тиу», Человек с опущенными руками. Он символизирует ту половину года, в течение которой полярное солнце спускается по спирали вниз, в темные регионы *ночи*. Тиу, Тюр, Туисто, по Вирту, не просто имена древних божеств в немецком язычестве. Язычество было извращением древнейшего праединобожия. И пришло оно вместе с патриархальной узурпацией. Арийские предки никогда не признавали существования отдельных индивидуализированных божеств.

Они почитали Единый Мир, пронизанный присутствием Единого Божества, меняющего знаки своего проявления, развертывающегося во времени и пространстве, но сущностно остающегося тем же самым, самим Собой. Язычество возникло как кризис изначального нордического матриархата. Поэтому Белая Дама, Снежная Королева, наша Снегурочка оказываются парадоксальным образом фигурами более древними и более аутентичными, чем Дед Мороз. Истинной Госпожой Великого Юла, зимнего солнцестояния, является die Weisse Frau, die Weise Frau. Она рождает непорочно в этот фантастический миг Новый Божественный Эон, Новый Год, новое Божество. Все сходится. Не случайно сам Герман Вирт называл изначальную гиперборейскую традицию странным сочетанием — *полярное христианство*.

Новый Год. Великий Юл. Руна «tiu», *человек, опускающий руки*, нисходит к корням Мирового Древа. Это точка смерти. Это центр ада. И сам Сатана в христианской традиции отличается всеми чертами символического комплекса, описывающего знаки

зимнего солнцестояния. Сатана и черти имеют хвосты и трезубцы. Никогда не задумывались, почему? Потому что трезубец, обращенный вниз, — это руна «ur», наглядный знак корней Мирового Древа. И находится эта руна в точке зимнего солнцестояния. Такой же смысл имеет и трезубец греческого Нептуна.

Подземное в мифологии связано с подводным. И по-литовски «jura» означает море. Хвост у чертей дополняет их двуногость до полноты сакрального знака. Кстати, Сатана хромает по той же самой причине, по которой под елку кладут непарный башмак с подарками для малышей. А трезубцы чертей, которыми они интенсивно ворочают грешников в котлах (сами эти котлы — тоже символы Юла), окончательно дополняют картину. Они черные, живут под землей. Адский огонь — инфернальная версия Новогодних Огней и т.д. Благодаря формуле Германа Вирта можно интерпретировать все древнее и современное, фольклор и теологию, смысл обряда и даже послание Природы. И воплощено это в языке — в изначальном гиперборейском языке, началом которого был Бог. Gott ist Angang jeglicher Sprache. Мартин Хайдеггер утверждал нечто подобное, когда говорил, что в основе языка лежит Поэма. Язык, по Вирту, — не инструмент для формулировки посланий и высказываний, он сам по себе есть высшее Послание и важнейшее Высказывание. Но современные люди глухи к этой реальности. Они используют утилитарно и грубо то, что подлежит вначале дешифровке, осознанию, пониманию, а лишь потом... А потом, кстати, и самим не захочется нести и слушать весь тот бред, к которому так привыкли и который кажется нам чем-то привычным и очевидным. Это a propos... Но вернемся снова к чертям.

Ведь известно, что в Новогоднюю Ночь силы ада поднимаются из-под земли, дабы стужать и стращать двуногих. Все, что писал Гоголь, — чистая правда, он еще о многом умолчал, чтобы нас пожалеть... Так вот, у чертей есть рога. А это им зачем? Герман Вирт отвечает: это другая руна — руна «ka», *человек с воздетыми руками*, две устремленные вверх под углом линии. Эти же световые рога изображались на челе Моисея. Две поднятые руки являются египетским иероглифом, означающим воскресающую душу. И звучит он по-египетски — не удивляй-

тесь — так же, как обычная исландская руна — «ka». Смерть «tiu» — Воскресение «ka». Жертвенное нисхождение в ад предшествует Великому Юлу. Победоносное Восхождение следует за ним. Перед этой волшебной точкой Бог — Свет Мира — Ель — Человек — Жрец — Жрица — Белая Дама опускают руки. «Тиу». После нее — они же руки воздевают. «Ка» или «Кай». Рождение *нового*.

Это смысл инициации: перейти от ветхого к новому, от профанического — к просветленному, от смертного — к бессмертному, от материального — к духовному. Великий Юл — момент инициации. Посвящения. Внутри сердца, внутри маленького желудочка сердца, в пещере, в яслях, в месте Брахмы рождается *новое существо*, *homo novus*, *Sonnenmensch*.

Труд Германа Вирта — это метафизика *Нового Года*, воссоздание Нового Языка. Единого Языка, того, на котором говорили до Вавилонского смешения. Это нордическая полярная глоссолалия, систематизированная и объясненная. Перед такой картиной бледнеют все каббалистические конструкции, не говоря уже о жалких потугах современного оккультизма. Вирт оперирует с реальностями намного более древними, нежели само возникновение древнееврейского языка или финикийской письменности, которые в официальной средиземноморской науке считаются культурно древнейшими. Герман Вирт легко интерпретирует Библию, каждый ее сюжет, каждую лингвистическую трудность, каждый символ, каждый пассаж. Вся левитская теология рушится на глазах. Ветхий Завет — развернутое повествование об изначальной Традиции, о гиперборейской формуле, но не единственный и уникальный, а равный среди других мифологических конструкций — индуизм, буддизм, греческая и иранская, славянская и германская мифологии, мифы индейцев, малайцев, африканцев или океанцев.

Ритуальные татуировки народов маори и особый инициатический язык их знати, а также западноафриканский алфавит письма Бамун говорят нам о божественной реальности столь же ясно (а может, и еще яснее), как удивительные и поэтические пассажи Торы. Этой теме Герман Вирт посвятил свою огромную, больше 1000 страниц, книгу — «Palestinabuch».

Но, увы, никто даже при самом большом желании не сможет ее прочесть. В 1969 г. она была похищена из дома старого профессора неизвестными злоумышленниками. Кому-то очень не хотелось, чтобы подлинная интерпретация Ветхого Завета существовала даже в рукописи.

В 1945 г. Германа Вирта из-под надзора гестапо, длившегося 7 лет, передали в концентрационный лагерь для интернированных личностей. То, что от уникальной коллекции оставили звери-гестаповцы, уничтожили «цивилизованные» американцы. Два года Герман Вирт проходил мучительную и унизительную денацификацию. Это он-то, заклятый враг узконемецкого шовинизма и антигитлеровский подпольщик! Но победителей нюансы не интересовали. Еще меньше они были озабочены духовным праязыком человечества, северной прародиной, довавилонским языком, секретами рун. Одна половина выигравших кроме денег и комфорта вообще ничем не интересуется, а другая полностью поглощена своим собственным тоталитаризмом, а также дурдомовскими и неостроумными конструкциями Энгельса. Уже тот факт, что Герман Вирт был «нордистом» и придерживался теории «культурных кругов» (Kulturkreise) — а это считалось показателем «человеконенавистничества», — оказался достаточным для вычеркивания его имени из официальной науки вместе с Клагесом, Боймлером, Коссиной, Тойдтом, Хорбигером и др. Вирту еще повезло: его ученик и преемник Вольфрам Зиверс и вместе с тем ведущий подпольщик, замешанный в покушении на Гитлера и готовивший покушение на Гиммлера, вообще был казнен в результате Нюрнбергского процесса. Но в эпоху Зимнего Солнцестояния, когда в разгаре космическая Полярная Ночь, такой исход естествен.

Хайдеггер говорил: «Современные люди настолько удалились от света Бытия, что им более невдомек, что они живут во тьме. При полном отсутствие опыта Света сама тьма перестает быть тьмой, так как сравнивать ее не с чем».

Вирт утверждал то же самое, только смысл Света и Бытия он отождествлял с пониманием Божественного Года, источника языка, мысли, символов и духовных учений. Герман Вирт писал: «Священный смысл *Года* совершенно неизвестен современ-

ному городскому человеку. Год для него — лишь отвлеченное, временное понятие, ничем не отличающееся от всех остальных промежутков времени, которыми оперирует современная “хозяйственно-научная” жизнь. Год известен ему из настольного календаря, деловых записных книжек и определенной перемены гардероба. С ритмом же творения такой современный городской человек больше никак не связан. Его соприкосновение с Божьим Годом в природе происходит спорадически, во время отдыха или стихийных бедствий. Для того чтобы вернуться к опыту Года, современный человек должен “излечиться” от своего цивилизованного существования, отрывающего от опыта бытия, при том, что темп труда и жизни становится все более и более быстрым, и разрыв с большим человеческим Годом — с циклом Судьбы-Жизни человека — возрастает. Именно ”излечиться” должны современные “социальные” люди, освободившиеся от всех естественных законов Бога-Года, превратившие ночь в день, а день в ночь, ищущие “оптимально использовать время”, тогда как время, на самом деле, использует их, уничтожая. Божий Год в природе дал бы им обновление, но они не могут более найти внутреннего пути к нему. Если бы они понимали еще свой собственный смысл, они никогда не пустились бы в безумную погоню за Маммоной, сделав из денег цель жизни, не начали бы считать неизбежностью бессмысленную индустриализацию и укрупнение городов, не погрязли бы в глубоком материализме, который опечатал их бедность, слабость и ничтожество их душ, душ “современного человечества”.

А главная причина всех бед — в отпадении современных людей от вечного жизненного ритма Божьего Года. Поэтому они не живут сами, но их проживает нечто постороннее, чуждое; они гниют телом и душой и стареют уже в юности».

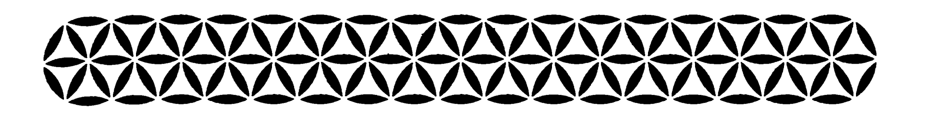
Герман Вирт дожил до весьма преклонного возраста. Он умер в 1981 году. Вся его жизнь была борьбой, подвижнической деятельностью, подготовлением Духовной Революции. Незадолго до своей смерти он сказал в интервью маленькому региональному немецкому журналу «Гумус»: «Mein Leben ist immer geistige Revolutions-Arbeit gewesen» («Моя жизнь всегда была работой на Духовную Революцию»). Как и всех героев в темные

времена, на внешнем уровне его ждало поражение, на духовном — Триумф и Победа. Чем чернее ночь, тем ближе лучи Золотой Зари, Aurora Consurgens. Рядом с нами жил человек, открывший великие секреты, тайные шифры Прошлого, восстановивший полноту языка великой Изначальной Традиции, но при этом оставшийся практически неизвестным, незамеченным, непонятым, непрочитанным. Несмотря на то что Юлиус Эвола называет Германа Вирта одним из трех своих учителей (наряду с Геноном и Гвидо да Джорджио), несмотря на то что сам Генон посвятил Вирту важнейшую рецензию о циклах и символизме человеческих рас[2], даже традиционалисты до сегодняшнего дня совершенно игнорируют этого великого автора. Это настолько странно, что вызывает у меня подозрение. Даже избранные — уж не тени ли и они в сгустке космической полночи? Не выдает ли их невнимательность и желание любой ценой удержаться за мнимую ортодоксию их пародийность, поддельность? Но дело Германа Вирта не пропало.

Свет Севера стучится в наши сердца. Снежная Королева похитила наши души, околдовав их чарами полярных сияний.

Там, в арктической ночи, на *Арктогее*, мы под инициатическим именем *Кай* — то есть *воскресший*, *восставший*, принадлежащий второй весенней половине *Божественного Года* — складываем из льдинок волшебное слово «EWIGKEIT», любимое слово немецкого профессора Германа Вирта.

Глава 1

ВСЕЛЕННАЯ ГЕРМАНА ВИРТА

ОБЩИЕ КОНТУРЫ КОНЦЕПЦИИ

Отправной точкой концепции Германа Вирта является идея Полярного, Северного происхождения Человечества.

Согласно этой идее, некогда в арктическом ареале располагался первичный палеоконтинент, условно называемый «Арктогеей», «Северной Землей». С этого континента берет свой исток человеческая история. Там изначальные люди утвердили Прарелигию (Urglauben или Urreligion), включавшую в себя все возможные стороны осмысления космоса — от «Бого-воззрения» (Gott-anschauung) до физики, географии, языка, искусства и т.п. Здесь, в Арктогее, в цельной и органичной форме возникло все то, что впоследствии, в постарктическую эпоху, было извращено и подвергнуто искажающей комбинаторике. Но при всем сказанном необходимо помнить, что за всеми духовными деяниями человечества всех эпох, континентов и рас стоит изначальное нордическое «Бого-миро-воззрение» — Gottesweltanschauung.

Основой нордической Прарелигии было сочетание Космологического Дуализма и Метафизического Монотеизма. Единый и запредельный Принцип — Исток, Бог-Отец — проявляет себя, согласно нордической Прарелигии, через космические метаморфозы своего Сына, Сына Божьего. Эти метаморфозы осуществляются в пределах двух полюсов космоса: Тьмы и Света. При этом сам Сын Божий циклически перемещается от полюса Света, где он предстает в своей Славе и Очевидности, к полюсу Тьмы, где он пребывает в тайне, скрыто, за вуалью черноты. Эти циклические

перемены и составляют ритм космоса, повторяющийся во всех элементарных физических и сложных макрокосмических явлениях: от звуковых волн до законов перемещения небесных тел.

Изначальный арктический человек выступает как знак Сына Божьего, как его «потомок» или его субститут. В конечном счете этот человек Полюса и есть Сын Божий, а цикл его жизни от рождения к смерти и от смерти к новому рождению есть отражение великого цикла Сына Божьего во Вселенной. Полярный человек представляет собой конспект Космоса. Духом же единовременно и космоса, и его конспекта (человека) предстает Сын Божий, имманентное откровение запредельного Бога-Отца. Эту концепцию можно назвать изначальным нордическим «христианством», доктриной Логоса.

Наличие у космоса двух полюсов — пределов «движения» Сына Божьего — отражено в Полярном, Священном или Божественном Годе. Солнце — Щит или Колесо Божьего Сына — от постоянного летнего света нисходит к постоянному сокрытию зимой (полярная ночь). Летние жар и жизнь континента Арктогея сменяются зимними холодом и смертью. Арктическая природа наиболее полно демонстрирует сущностную дуальность космоса.

Арктическая природа обнажает гармонию мира. Нордический человек видит в ней зеркало своей божественной мысли, совпадающей с Мыслью Бога. Бог творит посредством Мысли. Бог концентрирует свои мысли в языке. («Бог есть начало того языка» — «Gott ist Anfang jeglicher Sprache», как гласит древнейшее германское предание.) Этот арктический протоязык представляет собой весь мир. Ведь вся множественность мира сводима к нескольким важнейшим принципам. Из этих принципов равно складываются и галактики, и слова. Эти принципы — священные протоэлементы Речи и Письма. Космос — написанное и высказанное. Сын Божий — пишущий и высказывающий. Человек — одновременно и то, и другое. Он двойствен. Поэтому он не только является шрифтом и слогом Сына Божьего, но и сам может писать и говорить. Прочеловек Арктогеи — Богочеловек, мыслящий человек, Человек-Мысль. Этот человек наделен первой группой крови.

В космосе и в цикле царствует дуальность. Поэтому у Арктогеи есть континент-антитеза. Гондвана — протоматерик Юга. Это — страна Ночи. Она населена людьми-животными — бессловесными и безмозглыми. Там царствуют обратные Северу Законы. Вместо кристальной ясности космоса-природы-языка-мысли там царят хаос-смешение-инстинкт-эмоция-произвол. Гондвана — это не обязательно Южный полюс: это прежде всего тропики и экватор. Уже начиная с тропического пояса, траектория солнца и климатическая сезонная однозначность доисторической Арктики сменяются экваториальным отсутствием сезонов и затмением дистинктивно выявляемой качественности годового движения солнца. Звериная раса «недолюдей» наделена третьей группой крови.

В третичном периоде эти два человечества — Арктогеи и Гондваны — существовали, не пересекаясь. В начале четвертичного периода северная раса начинает продвигаться к Югу, в соответствии с логикой Великого цикла Сына Божьего (с Севера к Югу, от Света к Тьме и т.д.). Арктогея замерзает. Но некоторая часть нордических людей остается среди льдов.

Вышедшая с Севера прараса, носительница Прарелигии, сталкивается с природными и антропологическими преградами для сохранения Прарелигии в ее чистоте: природные космические условия, отличающиеся от арктических, повлекли за собой изменения в универсальном праязыке, а смешение со звероподобным населением Гондваны замутнило эмоцией и инстинктом божественную мысль у потомков смешанных браков.

Этот процесс постепенного стирания следов изначального арктического единства языка-религии-мысли-крови составляет содержание истории Духа в течение всего палеолита. Это стирание, однако, происходит циклически. На определенном этапе уходит под воду Арктогея и раскалывается на составляющие Гондвана. Оппозиция Север — Юг сменяется оппозицией Запад — Восток. Западный протоконтинент Атлантида располагается в Северной Атлантике и примыкает к остаткам Арктогеи, Восточный континент — прото-Евразия.

Атлантический цикл — это поздний палеолит (Магдаленский период, протекавший с XXII по X тысячелетие до Р.Х.). В этот

период реформированная арктическая Прарелигия и ее наиболее сознательные носители (с I группой крови) в наиболее чистой форме пребывают в Атлантиде. Евразия в целом населена прежними народами Гондваны, хотя уже и смешавшимися в той или иной степени с выходцами из Арктики. Новая «атлантическая» история развивается по линии Северо-Запад — Юго-Восток. Это поздняя фаза человеческой протоистории.

Заключительным аккордом протоистории и началом собственно истории являются затопление континента Атлантида и последующая за ним миграция атлантов в Евразию. Эти события выпадают на мезолит и начало неолита. Параллельно с этим из Арктики в Европу исходит та часть прарасы, которая оставалась в Арктогее дольше всего и населяла вплоть до последних 4 тысячелетий арктические и приарктические острова. Это протоиндоевропейцы со II группой крови, являющейся идеовариацией I группы.

Эти протоиндоевропейцы, «народы Туата» — последняя весть о нордической Прарелигии, последние носители полярной благодати. Но территории, куда они приходят, уже населены плотными слоями гондванической, звериной расы, хотя и смешанной с первыми выходцами из Арктогеи и позднее с атлантами. Здесь начинается финальная драма Севера — угасание последних остатков изначального Бого-миро-воззрения и упадок его носителей. Последние острова тонут в Северном море, унося с собой культовые центры Туата. Два тысячелетия известной нам истории — последняя агония цивилизации и триумф гондванических южных сил мрака. В этот период завершается смешение языков, и все современные языки и религиозные учения предстают мертвым сплетением более непонятных символов и знаков, ключ к которым безвозвратно утерян вместе с полярной землей и полярной расой.

Сын Божий в человечестве нисходит к зимнему солнцевороту своей истории, к точке планетарной полночи и триумфу абсолютного Юга.

Однако за спуском к Царству Тьмы должен последовать новый подъем, возврат к полярному, расовому и религиозному Единству. Эта миссия грядущего возложена на тех, кто и в Ночи настоящего сохраняет верность сокрытому от последних людей

Сыну Божьему, Свету Мира, «Началу Того Языка». Наше время — точка великого поворота.

РАСА

Наука, изучающая группы крови и их особенности (сериология) на базе статистического анализа, пришла к выводу об определенной связи группы крови с расовой спецификацией народов. В зависимости от народов, наций и континентов сильно варьируется процентное соотношение 4-х групп у населения. Наиболее общие закономерности таковы:

I группа крови встречается как единственная только у некоторых чистых племен индейцев Северной Америки. У других народов — и у европейцев, и у азиатов, и у африканцев, и у малайцев — эта группа встречается довольно часто, но нигде не доминирует, а тем более не является единственной.

II группа крови в большинстве своем характерна для так называемых Homo europeus, северных германо-скандинавских европейцев, хотя в процентном соотношении, по мере убывания, она распространена вплоть до Дальнего Востока и отчасти рассеянно встречается и в Африке, и в Океании.

Сериологи на базе исследования этих двух групп крови отметили, что даже у обоих родителей со II группой может быть потомство с I группой. Причем это встречается довольно часто даже в том случае, когда родители родителей и, в свою очередь, их родители также имели II группу. Настоящее наблюдение привело ученых к выводу, что группа II является идеовариацией группы I (ее инопроявлением), то есть группа II развилась из группы I без смешения с другими группами.

Группа III доминирует у жителей Юго-Восточной Азии — в Китае, Индии, Монголии, Тибете, хотя встречается, по мере убывания, и в Средней Азии, и в России, и вплоть до Западной Европы. Впрочем, она распространена и в Океании, и в Африке, и у палеоазиатов Арктики.

И, наконец, группа IV — наиболее загадочная из всех, поскольку ее процент относительно других групп крайне незна-

чителен, а иногда и совсем отсутствует. Чаще всего она встречается у цыган, айнов, украинцев и венгров.

Суммируя сериологические данные, Вирт заключает: эпицентр распространенности I группы лежит среди дравидов и других древних народностей Южной Индии. Полюс II группы обнаруживается в точке, лежащей в Северном море, в районе отмели Доггера, откуда она расходится лучами, равномерно угасая по мере движения на Юго-Восток. Происхождение IV группы остается загадкой, и ее полюс выделить невозможно.

Эти факты (наряду с изучением палеоэпиграфики, символизма, археологии древнейших культур) позволяют очертить общую схему протоистории рас.

Группа I — группа крови населения Арктогеи в третичный период. Она соответствовала изначальному нордическому фенотипу: высокий рост, белые кудри, белый цвет кожи, высокий лоб, сильный подбородок, узкий продолговатый череп (долихокефалия), высокая переносица и прямой тонкий нос, уголки глаз на одном уровне, ровные невыдающиеся скулы, длинные ноги, широкие плечи, прямая осанка.

Группа II принадлежит к точно такому же фенотипу.

Группа III, напротив, представляет собой население Гондваны. Люди этой группы: черные, низкие, круглоголовые или короткоголовые (брахокефалы), с маленьким лбом, выдающимися скулами, с глазами, чьи внешние уголки (от переносицы) выше уголков у переносицы, выступающими надбровными дугами, черными прямыми или мелко-курчавыми волосами, короткими ногами, расширенным или суженным тазом, со смазанным слабым подбородком и длинными руками.

Протораса III группы представлена типом неандертальца, расселявшегося с Юга к Северу вплоть до северных границ Евразии. Их археологические следы в изобилии представлены в палеолите.

Протораса I группы появляется в истории гораздо позднее III группы, но резко и неожиданно, что исключает возможность эволюции из неандертальца. Эта белая протораса населяла исчезнувшие ныне континенты, Арктогею и Атлантиду, и, кроме

того, арктическая прарелигия предписывала методы погребения, исключавшие сохранение останков. Поэтому впервые она встречается в истории не сама по себе, а в миксовариации, то есть в смешении с другой, III группой крови. Эта смешанная разновидность известна как Ауриньякская раса, более развитая, нежели неандертальцы, но сохраняющая многие их черты.

И, наконец, еще более чистая форма северной расы обнаруживается в случае кроманьонского человека, пришедшего в Западную Европу из археологического «ниоткуда» (кроманьонец, с его совершенной обособленностью, служит убедительным примером несостоятельности эволюционизма). Кроманьонец не чисто нордический тип: у него наличествуют определенные гондванические элементы, что является результатом многотысячелетнего скитания по планете носителей первой группы крови, оставивших Арктогею в раннем палеолите (или раньше).

И, наконец, сам нордический человек в чистом виде появляется в истории уже в мезолите и в неолите из Северной Атлантики и Западной Арктики — это носитель II группы крови, развившейся из I группы в арктических условиях после ухода из Арктогеи на Юг древнейшей прарасы, сохранившей первую группу.

Эти люди II группы — протоиндоевропейцы. Их язык, фенотип и генотип составляют парадигму для всего того, что в истории обнаруживается под именем Арий, Арийская Традиция, арийский язык, арийская раса. Протоиндоевропейцы — это люди Туата де Дананн, пришедшие в Исландию с Севера. Во времена неолита они совершили миграцию к Юго-Востоку — через Кавказ в Иран, Индию и Китай (вплоть до Японии), где либо создали очаги чисто арийской цивилизации (Иран, Индия), либо стали кастой Духовных Учителей. При этом они подверглись смешению с другими, уже многократно смешанными расами и утратили расовую однородность. Их последним волнам азиаты и африканцы обязаны II группой крови, иногда встречающейся у них. Японские высшие касты до сих пор имеют достаточно явные долихоцефалические и вообще нордические расовые черты.

О расе с IV группой крови, чью цельность и исток установить не удается, можно сказать лишь то, что она как-то связана

с III группой, или, по меньшей мере, никак не связана со II и I группами. IV группа встречается только у тех народностей, которые тем или иным образом сопряжены с древнейшей Азией.

В связи со всем вышеизложенным следует высказаться и в отношении народов. Расовая доктрина Вирта считает американских индейцев прямыми продолжателями арктической генетической цепи самого изначального периода. Их генотипический и фенотипический облик максимально сохранен на Западе (Америка и затонувшая Атлантида). Но в то же время из Америки, своей первой после Арктогеи стоянки, прараса совершила частичные миграции в Евразию, как через Аляску, так и через Гренландию. Путь через Аляску более древний. Благодаря этим миграциям из евроазиатских неандертальцев (потомков прарасы Гондваны) сформировались ауриньякцы. И наиболее отборная в расовом отношении часть этих ауриньякцев составила протошумеро-угро-тюркский пласт. Этот пласт охватывал Месопотамию, Северное Средиземноморье и Восточную Сибирь. Эта общность была окружена со всех сторон кольцом чистых неандертальцев.

С другой стороны, в результате миграций сама протораса с I группой крови приобрела отчасти некоторые фенотипические черты протоазиатов (через возвратившихся в Америку и Атлантиду европейских мигрантов), но при этом абсолютная доминация исключительно I группы говорит об относительной расовой чистоте и силе расы в целом, где не наблюдались даже единичные случаи носителей III или IV групп. Североамериканские индейцы из резерваций — до сих пор стопроцентные носители I группы крови.

Вторая гигантская волна прарасы прокатилась уже гораздо позже, в конце палеолита (Магдаленский период), в чисто Атлантическую эпоху. Здесь носители I группы крови, находившиеся гораздо южнее, нежели сугубо северные племена Туата (II группа), циклическими потоками двигались к Юго-Востоку. Они продвигались через Северную Африку, Палестину, Месопотамию, Кавказ, Элам, Индию, вплоть до Океании, с одной стороны, и вокруг Африки, с заходом в Красное Море, на юг Аравийского полуострова, в устье Евфрата и Тигра, в тот же Элам, Ин-

дию и Океанию по морю, с другой стороны. Атлантических моряков аборигены называли «людьми с лодками незнакомого типа», и те оставляли на своем пути мегалитические памятники. Эта позднепалеомегалитическая и мезолитическая волна принесла свежий поток I группы крови и породила североафриканских, аравийских, ассирийских, южноиндийских и океанических «атлантов» (аморреи, мавры, океанские маори и т.д.), составивших пласт новой южноевразийской и североафриканской элиты, слившейся с древнейшей протошумеро-угро-тюркской элитой, образовав новые династии. Эти поздние атланты генетически наиболее близки к семитской аристократии, уже гораздо позднее контролировавшей Средиземноморье, бывшее ранее восточной окраиной их мезолитических и даже позднепалеолитических протопредков. Но они продвинулись даже вплоть до Самоа и значительно юго-восточнее: на Самоа и других островах Полинезии народы Маори до сих пор называют свою знать «Арья», и их фенотип подчас чрезвычайно близок к долихокефалам Европы, несмотря на изменения пигментации кожи, которая тем не менее гораздо светлее, нежели у автохтонных брахоцефалов гондванической наружности.

Но и теперь атлантические генетические ниши окружены в целом гондваническим населением, которое, учитывая вышеизложенное, составляет и нижние пласты «атлантических» культур. При всем сказанном движение атлантов оттесняет эту южную прарасу к Северо-Востоку и к Юго-Западу, как брызги своего движения на Юго-Восток. На Севере Восточной Европы и Восточной Сибири оттесненные «азиаты» образуют протоугрофинское население (более ранние, до-угро-шумерские палеоазиаты, «становятся» эскимосами и чукчами). На юге дравиды и негры оттесняются в область Центральной Африки и Юга Индостана, а также в Океанию.

Последним же в истории расовых трансформаций было событие исхода из регионов Севера народов Туата (II группа крови). Эта протоиндоевропейская общность северной расы расселяется к Юго-Востоку — и по суше, и по морю, подчас конфликтуя с южными атлантами. Расселение северной расы и ее оседание на новых евразийских территориях сопровождаются расовым сме-

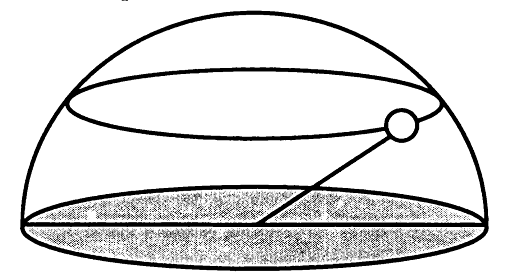
шением со всеми предыдущими наслоениями в той или иной степени «атлантизированных» (или вообще «неатлантизированных») автохтонов и обособлением языка и фенотипа. Эта последняя расовая трансформация окончательно рассеивает генетическое единство нордического человечества, сохраненного до последнего этапа истории племенами Туата, гиперборейцами. Волны Туата, хлынувшие из Северной Атлантики через Скандинавию и Верхне-Рейнскую область, дошли до Дальнего Востока, на своем пути смешиваясь с автохтонами или оттесняя их, создав зародыши актуальных индоевропейских этносов, рассыпавшихся как искры из единой расы. Эти этносы, в свою очередь, накладывались на генетические бассейны южноатлантических общностей, отделившихся друг от друга еще раньше, и так вплоть до угро-тюрко-шумерских пластов евразийского населения.

Итак, этнос — это продукт разложения расового единства, результат расового упадка и смешения. Стало быть, современные «белые» этносы могут быть бесконечно далеки от белой нордической расы, а иные из «черных», вроде маори, «желтых» самураев или «красных» индейцев подчас оказываются намного «белее» и «севернее» североевропейских обитателей. Тем более что Евразия — вообще чуждый белой расе материк, куда последняя была вынуждена переселиться из-за гибели Арктической, а позднее Атлантический Прародины.

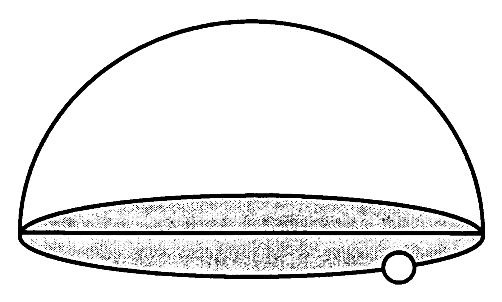
ГОД

Язык, с помощью которого нордическая раса передавала свои религиозные представления, был тесно связан с арктическим годом. Символизм годового цикла, наблюдаемого выше 66-го градуса северной широты, а точнее в циркумполярной области, создавал концептуальный, звуковой и иероглифический комплекс, составивший основу для исторических, а прежде того протоисторических сакральных учений. Этот арктический год перволюди считали первозданным откровением Бога, врученным не только непосредственно им, но запечатленным во всем огромном Космосе.

Арктический год обладает следующими особенностями: в центральной точке полюса вообще нет ориентаций, поскольку все точки света, кроме самой этой точки, являются для нее Югом. Наблюдение за движением солнца на полюсе в течение суток обнаруживает непрерывную окружность, описываемую солнцем над горизонтом летом, на уровне горизонта в моменты весеннего и осеннего равноденствия и до 23,5 градуса «под» горизонтом в момент зимнего солнцестояния. Весь летний сезон солнце на полюсе не заходит и лишь меняет свою высоту над горизонтом. Она возрастает от весны к лету и убывает от лета к осени. Полярная зима длится полгода, и в этот период солнце почти не появляется над горизонтом. В период середины зимы (зимнее солнцестояние) на полюсе царит полный мрак, в период весеннего или осеннего равноденствия наступают арктические сумерки. Видимое из самой точки полюса солнце совершает в течение года спиралевидное движение то сверху вниз, то снизу вверх, с углом наклона от 23,5 градуса над горизонтом до 23,5 градуса «под» горизонтом.

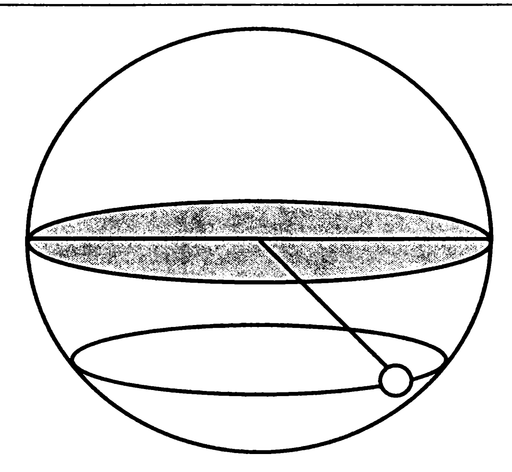

Арктический день летом

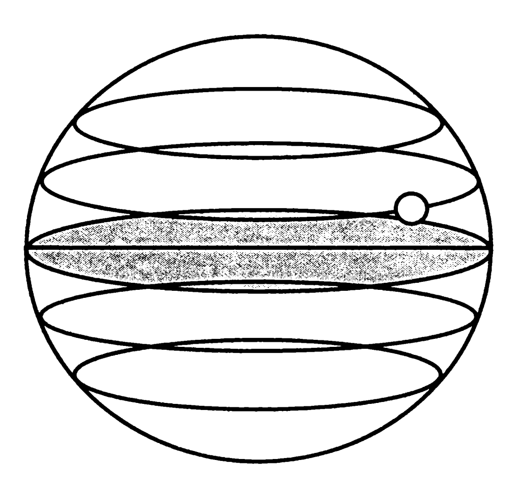

Арктический день весной и осенью

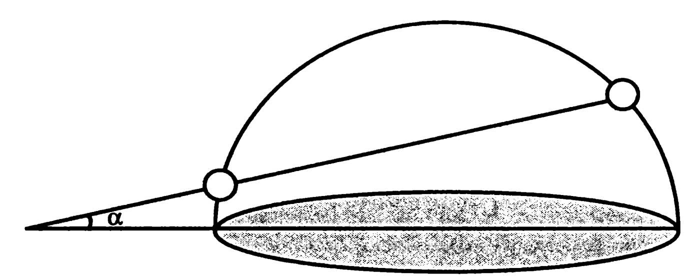
Арктический день зимой

Годовая спираль в Арктике

На полюсе есть сутки (образуемые движением солнца летом и небесной сферы зимой), но нет времени суток: утра, вечера, ночи, дня.

Если мы отступим от полюса немного к Югу, то картина сразу изменится. Дневная траектория движения солнца наклонится относительно линии горизонта на угол, совпадающий по своему числовому значению с тем углом, на который мы отошли от полюса.

Географическая широта местности

Нижняя точка дневного подъема солнца над горизонтом укажет нам Север. Высшая — Юг. Исходя из такого рода наблюдений, можно легко определить Восток и Запад. На Востоке солнце движется вверх по отношению к горизонту, на Западе — вниз.

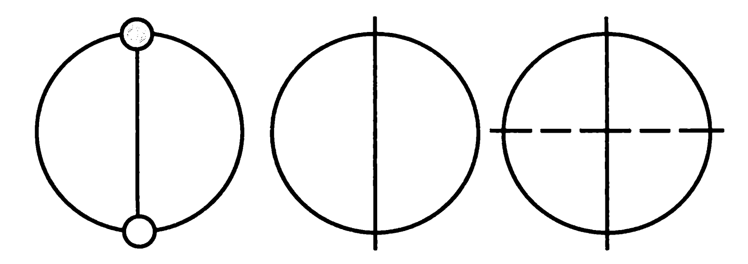
Если мы ушли от полюса недалеко, этот угол наклона незначителен, и общая картина годового цикла Арктики меняется мало, но все же возникает ряд деталей, связанных с качественным различием 4-х сторон света. Недалеко от точек весеннего и осеннего равноденствия, а точнее в «точках» начала и конца зимы, солнце, закатившееся за горизонт и невидимое в течение дня, в полдень будет появляться над горизонтом на Юге и снова исчезать, что особым образом выделяет Юг с символической точки зрения: там скрывается солнце с началом зимы, и оттуда, с Юга, оно впервые показывается после ее конца.

Кроме того, в циркумполярных областях (несколько южнее полюса) становится очевидным, что в течение весны солнце, поднимаясь все выше и выше над горизонтом, идет к Северу по спирали, иными словами, фиксируемые взглядом наблюдателя точки положения солнца в весенний полдень будут день ото дня обнаруживаться выше и севернее. Чем дальше от точки полюса, тем очевиднее это северное направление весеннего солнца и, соответственно, южное направление — солнца осеннего.

Движение полуденных точек
с Юга к Северу
и с Севера к Югу
в течение года

Наиболее древним нордическим календарем был знак:

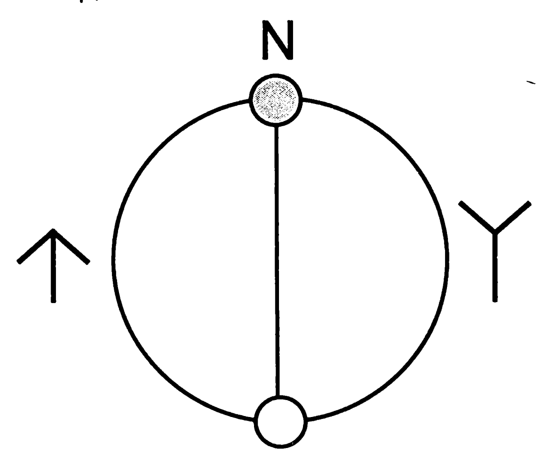

Благодаря ему можно было определить и время года, и время суток: Север — точка, где солнце достигает своей минимальной высоты над горизонтом в летнее полугодие. Там находится солнце летней полночи. Там солнце «заходит» и «восходит» летом, иными словами, перестает клониться вниз и начинает двигаться вверх, оставаясь все время над горизонтом. Юг — точка, где солнце восходит и заходит перед полярной ночью и после нее, до середины зимы и после середины зимы.

Эти простейшие замечания и составляют основу интеллектуальной меры Священного Года. Причем наиболее важной в солнечных циклах логически является именно точка, где солнце прекращает опускаться-заходить и начинает подниматься-восходить. Эта точка становится воплощением Света Мира, Божьего Сына, которому принадлежат и солнце, и звезды, и небо, и земля. Тот миг, когда упадок сменяется восхождением для сознания нордического человека, человека-мысли, несравнимо важнее, нежели само восхождение, всего лишь проистекающее из «сверхъестественного» импульса Победы над смертью и обреченное на то, чтобы снова стать упадком после своего пика.

Суточная точка Восхода и Захода солнца, точка Света Мира, Божьего Сына в Арктике является нерасщепленной (на отдельную точку восхода и отдельную точку заката) только летом (на Севере) и зимой (на Юге). В промежуточные периоды (весна, осень) эта точка раздваивается: Восход—Восток, Закат—Запад. Сын Божий здесь также раздваивается, получает имя «Двойной» (Туисто). В этом (равно как и в двойственной природе самого годового или суточного цикла) проявляется дуализм.

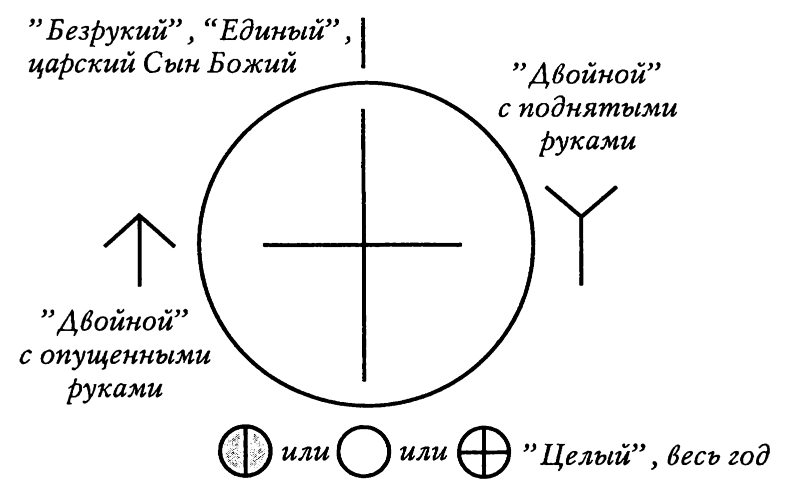
Итак, нордический календарь приобретает дополнительные характеристики: от Юга к Северу, от зимы к лету совершается путь Сына Божьего — от Единого на Юге зимой через двойного весной к Единому на Севере летом. То, что при этом свет прибывает, символизируется двумя поднятыми руками Сына Божьего («Двойной» ᛉ).

После Севера-Лета, где Сын Божий, его солнце и его свет достигают апогея, и где ночь полностью отменяется днем, снова начинается раздвоение — наступает Осень, но на сей раз Божий Сын опускает обе руки — Свет Мира убывает — ᛏ). И, наконец, с началом зимы он снова становится единым, но уже на Юге, чтобы в скором времени исчезнуть во мраке, в «тайном месте» Космоса.

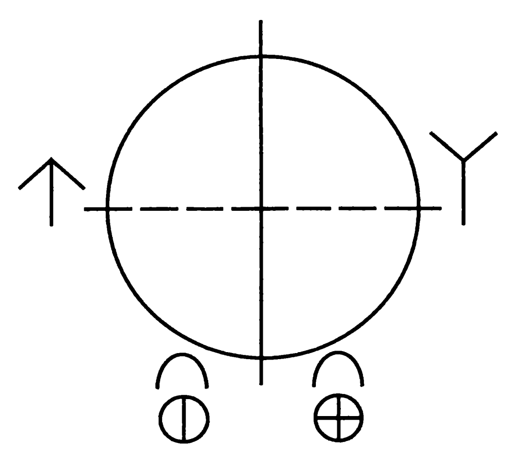
На Юге зимой во время Полярной ночи Сын Божий — точка захода и восхода света — возвращается к своему Отцу, являющемуся Абсолютным и всегда скрытым импульсом, возрождающим своего Сына для Нового Года и будущего триумфа на Севере. В середине полярной ночи, в день зимнего солнцестояния, происходит высшая мистерия Священного Года: встреча Сына с Отцом, Света со своим вечным Истоком. В этот миг Сын Божий рождается как весь Священный Год в целом, как вечность, содержащая в себе исток времен, вещей и существ. Полярный календарь таков:

При этом именно зимнее солнцестояние является истинным Новым Годом.

В таком календаре наличествует еще один существенный элемент. Незадолго перед тем, как исчезнуть на Юге в ночи зимы, солнце Арктики описывает над точкой Юга маленькую дугу ∩, своего рода арку для входа и выхода в «тайное место» года, в обитель Отца. Эти две малые дуги до и после зимнего солнцестояния — знаки двух половин года или Старый Год и Новый Год. Между этими дугами по времени (а не по месту) находится страна Бессмертия, весь Год. Две дуги — ∩ и ∩ — важная часть священного цикла, они располагаются по обе стороны от точки Юга.

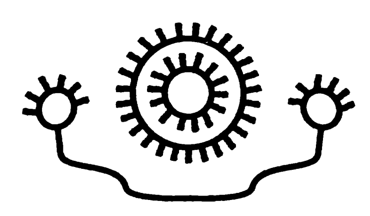

Таков священный год Арктики и первый календарь нордической расы, календарь, совпадающий с самой Прарелигией этой расы, простой, очевидной и абсолютной.

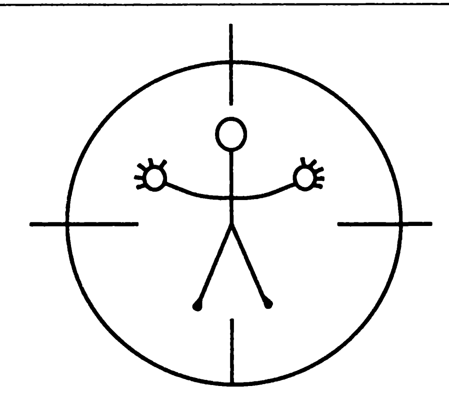
Первосюжет нордической традиции заключается в следующем: Бог Отец, скрытый во Тьме (зимнее солнцестояние), породил Сына — Год. Сын-Свет-Год появился вскоре из Дома Отца (первое весеннее появление солнца над горизонтом на Юге). Он вышел из арки (выход) — весенняя дуга, светящаяся дуга ⌒. Он поднял руки (или подбросил двумя руками солнце вверх) — Y или Y. Потом он достиг Славы и вознесся на Небо — |.

После этого его Слава стала меркнуть (или он не захотел быть более без Отца), он опустил руки, устал, выронил солнце, которое само по себе скатилось во мрак ↑. Наконец он вошел в ворота Тьмы (осенняя дуга — ⌒) и, показавшись в последний раз на месте смерти, — юг-зима, — сошел в могилу. Это Полярная ночь, смерть. Но Отец воскресил его, и тайна эта произошла в полной темноте. Никто не знает, как это произошло. Но только Сын-Год снова появился (был заново рожден) из Тьмы, чтобы опять начать путь к Небесной Славе, путь на Север.

Первокалендарь — ⦶ — был 10-месячным или 20-месячным (10 двойных месяцев). Обе половины года соответствовали двум ладоням Сына Божьего, то есть 10 пальцам или двум ладоням + двум ступням (20 пальцам). Поэтому изначальным является равномерное и естественное деление светового круга (описываемого точкой восхода и захода Света Мира) на десять частей или на 10 x 2 = 20 — 20 частей. Это деление покрывает 360 градусов круга — 360 дней года + 5 добавочных предновогодних дней. Две ладони (или две ладони + две ступни) — месяцы. И еще одна ладонь — 5 дополнительных дней, Священных, «святочных» дней.

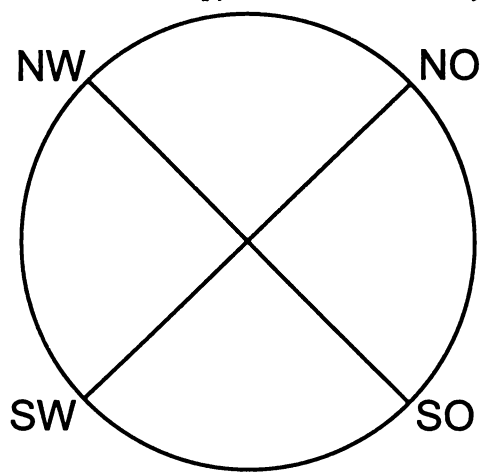

Здесь же, в Арктике, где за долгую полярную ночь эклиптические созвездия медленно и не заходя вращаются невысоко над горизонтом, и возник первоначальный нордический зодиак, а также был обнаружен цикл прецессий (смещение солнца относительно точки зимнего солнцестояния на 1 градус в течение 72 лет). Созвездия получили свои древние символические наименования, впрочем, не по предполагаемым натуралистическим фигурным сходствам с животными и предметами, а по своей символической соотнесенности с секторами Священного Года, причем особенно важное значение имели созвездия, находившиеся в регионе зимнего солнцестояния. Именно эти «зимнесолнцестоянческие» созвездия и получали в ходе времен названия одного из актуальных на данный момент иероглифических символов Нового Года. Постепенно, в силу прецессии, зодиакальный круг смещался, одно созвездие заменялось другим, актуальным относительно точки весеннего равноденствия, порождая 25920-летний цикл прохождения всех созвездий по всем узловым точкам нордического годового креста.

Прецессию лучше всего наблюдать на Севере, где год от года звездная картина начала и конца Арктической ночи медленно, но наглядно изменяется. При наличии пристального внимания к точным законам солнечного года и при фиксации на эклиптике 10 (или 20) стоянок солнца в годовом движении — солярных «домов», — а также при перенесении этих Домов на звездное небо явление прецессии не может не получить математически точного и ясного отражения в космическом календаре Аркти-

ки. Прохождение одного созвездия эклиптики через один из годовых узлов ┼ осуществляется примерно за 2000 лет. После этого в тот же самый узел вступает следующее созвездие: это основа древнейшего зодиакального цикла — Великого Года. Впрочем, и этот Великий Год связан с трансформациями Сына Божьего, однако в последнем случае они совершаются в макрокосмическом масштабе и в течение тысячелетий.

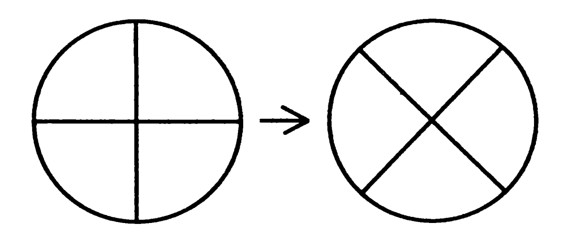
Люди северной прарасы считали, что они сами, их раса — воплощение Божьего Сына. Они были Белыми Богами. И, подобно Сыну Бога, пошедшего к Югу, нордическая раса также двинулась в этом направлении, гонимая обледенением (история геологических циклов — отражение единого ритма космоса). Спустившись значительно южнее Арктики, в Атлантику, они увидели иной год, где ясность и слава Севера были утрачены. Североатлантический год — 66–50 градусов северной широты — не содержал в себе ничего похожего ни на полярный день (вечный день лета), ни на полярную ночь (вечную ночь зимы). Сын Божий стал здесь окончательно и бесповоротно «Двойным»: точка восхода находилась теперь только на Востоке, точка заката — только на Западе. Они более ни разу не совпадали в течение года, а только передвигались весной к Северу, а осенью — к Югу.

Новая календарная форма возникла в Северной Атлантике. Вместе с появлением этого нового лика Священного Года ис-

чезли важные элементы арктического круга: солнце полуночи (летняя полночь), арктические сумерки (движение света без солнца в течение суток по горизонту), наглядность малой дуги перед зимним солнцестоянием и после него. Ориентация Север—Юг потеряла свою священную значимость. Прямой крест Арктики стал «андреевским» крестом Северной Атлантики:

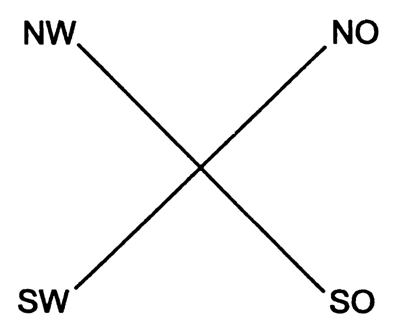
Новый календарь, однако, сущностно сохранил логику древнейшего символизма, а самое главное — знание о божественности года. Арктические универсально-космические элементы были перенесены при этом на новые предметы. Не видя световой дуги, наблюдавшейся в Арктике, но помня о ее фундаментальной значимости, выходцы с Полюса перенесли ее знак на культовые пещеры — ∩ — и позднее — на лунный серп, иными словами, месяц. Аналогичные трансформации произошли и с другими аспектами естественного символизма: годовые характеристики отчасти были спроецированы на суточный период: Арктическая зима стала североатлантической ночью, а арктическое лето — североатлантическим днем. Это было «микрокосмизацией», «умалением» Перворелигии и связанного с ней календарного символизма.

В Северной Атлантике возникли календарная практика расщепления иероглифов года и зимнего солнцестояния, а также подвижный зодиакальный календарь, наложившийся на прецессионные циклы. (В Арктогее эти циклы рассматривались параллельно друг другу, не смешиваясь.)

Логика прецессионно-годового календаря и его иероглифики такова: знак зимнего солнцестояния — года как такового — прочно связывается с зодиакальным созвездием данной эпохи. К примеру, Ф или ᛄ (угловая форма) соотносимо с созвездием Тельца, а североатлантический год — ✳ — с созвездием Близнецов (древне-нордическое название — Лось, Олень). Новый год — это миг

раскола, где год делится на две половины: на старый — прошлый и новый — будущий. Поэтому один и тот же знак может быть представлен и вариативно: ◖|◗, ◂|▸, для Тельца и ⋟|⋞ для Лося (Близнецов). Когда данное созвездие начинает покидать регион зимнего солнцестояния, в точку раскола года (знака уходящего созвездия) внедряется новый цельный знак, соответствующий созвездию-году, — новый иероглиф зимнего солнцестояния, зависящий не от самого созвездия, а от географического региона данного календаря, арктического, североатлантического или южноатлантического года. ⦶ — соответствует Арктике, ⋇ — соответствует Северной Атлантике и т.д.. Иначе говоря, в середину знака Лось (Близнецы) — ⋟|⋞ — внедряется знак Быка ⦶ : — ⋟⦶⋞. Новый знак окончательно расщепляет старый. При этом также прецессионные серии сдвигаются по календарному кругу все дальше и дальше, поскольку следующий за Быком, ⦶, Овен, ǂ, расщепляет и его — ⋟| (⋟| ǂ |⋞) |⋞ и т.д. Прецессионно-годовой календарь представляет собой явление постполярное, характерное для ушедшей из регионов Арктогеи прарасы, фиксировавшей в специфике нового календаря священную историю своих странствий.

Североатлантический календарь был разделен на 8 (простых или двойных) частей. Это логика сочетания прямого (арктического и хранимого как Предание) и «андреевского» (североатлантического, непосредственно данного в годовом опыте) крестов: ⊕ + ⊗ = ⊛. Наиболее строго соответствующим космическим условиям этот знак будет где-то на уровне 56-го градуса северной широты, то есть там ✂, где узлы восхода и захода солнца в момент зимнего и летнего солнцестояния точно соответствуют кресту вторичных ориентаций:

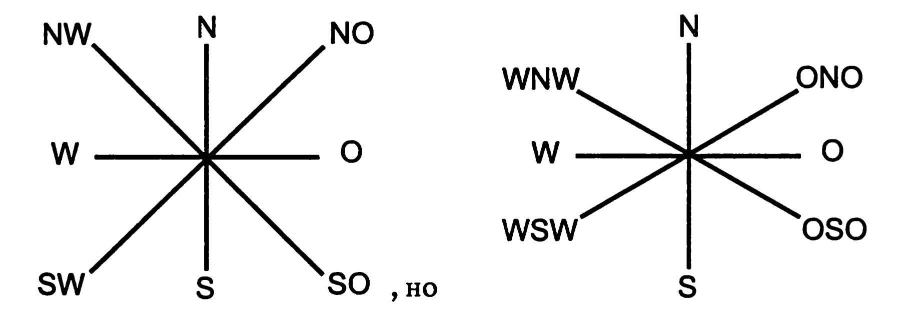

Именно потому настоящий пояс является привилегированным с точки зрения священной Традиции прарасы.

Такое членение календаря в соотнесенности с пространством священной Божьей Земли, «Острова», «Круга» предполагает восьмичастное (или 16-частное = 8 x 2) деление года, так как в данном случае все градусы эклиптики покрываются равномерными отрезками, связанными с точкой предельного восхода или захода солнца в году на горизонте. Древний восьмичастный год содержал в себе 45-дневные месяцы + 5 добавочных дней — «ладонь Бога».

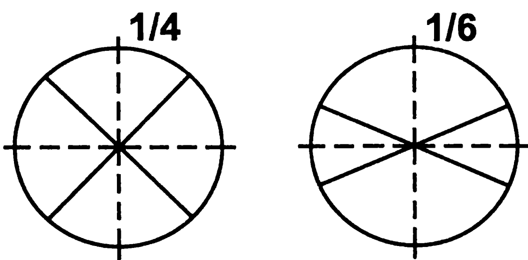
И, наконец, последние изменения в священный год были внесены южноатлантической реформой. Спустившись ниже 45-го градуса под натиском ледников, ползущих с Севера, прараса постепенно потеряла однозначную очевидность североатлантического года —⊛. Здесь точки восхода и захода солнца в течение цикла двигались по маленькой дуге ⊕, где крайние точки не отступали далеко от годовой оси равноденствий.

Новый крест был уже не

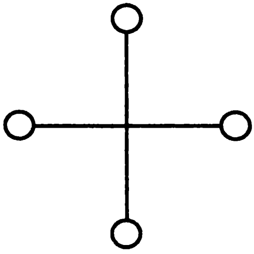

Пропорции географического и астрономического соотношения североатлантического культа были нарушены. Месяцы стали неравномерными.

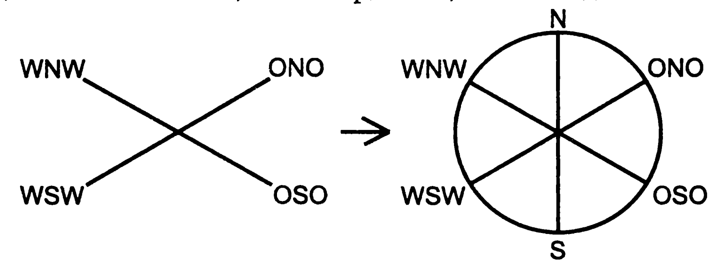
Культовый центр южных атлантов, потомков северной прарасы, находился ниже зоны Вюрмского оледенения. Именно в этой зоне дуга движения точки восхода (захода) солнца от Юга к Северу и обратно составляет 1/6 всего горизонта, тогда как у северных атлантов она составляла 1/4.

Здесь-то и произошла новая редакция календаря — переход от 8 (16) месячного года к 6 (12) месячному, поскольку в соотношении время—пространство именно величина дуги годового смещения Сына Божьего («Двойного») берется за основу для последующих делений, наряду с этим сохраняется и древнейший арктический крест, золотая сердцевина Традиции:

Североатлантический год имел два креста — актуальный ╳ и «наследственный» ┼. Актуальный ╳ соответствовал сезонному делению, «арктический» крест ┼ служил культовым сакральным ориентиром. Отсюда деление у северных атлантов на четыре времени года и 8 (16) месяцев. У южных атлантов естественные обстоятельства требовали введения дуги в 1/16 окружности, то есть равной 60 градусам, при всем сказанном граница той дуги должна была соответствовать точкам Вест-Норд-Вест, Вест-Зюйд-Вест, Ост-Норд-Ост, Ост-Зюйд-Ост.

Настоящий южноатлантический год представляет собой основу индийского 6-месячного и халдейского 12-месячного года. Дополнительное удвоение — 12 х 2 = 24 — породит впоследствии скандинавский 24-месячный календарь. Фигура ⊛ может быть переведена в фигуру ⊕, где точки южноатлантического крестового календаря оказываются соединены несколько отличным образом. Отсюда древний иероглиф ǂ, прочно увязанный с созвездием Овна. Знак Овна ǂ в сакральном прецессионно-солнечном календаре — позднейшее добавление: ᛉ ᚲ ǂ ᚦ ᛕ. Это проникновение одного иероглифа в другой подразумевает, что прараса спустилась в регионы Южной Атлантики.

У экватора логика арктического Священного Года, его символика, его космическая наглядность, его божественность окончательно утрачиваются. Точки захода и восхода солнца в течение года меняются незначительно — ясный северный символизм сезонов затемняется. Весь годовой календарь полностью и окончательно «микрокосмизируется», сжимается до пределов дня и ночи, и все более длительные периоды времени фиксируются либо благодаря особым местным природно-сезонным циклам, либо в соответствии с Традицией, принесенной прарасой и ее ответвлениями с далекого изначального Севера. Юг — это смерть года, света, мудрости и божественности. На Юге Сын Божий (Туисто) нисходит в могилу. На Юге духовно умирает Традиция северной расы, ее полярный дух.

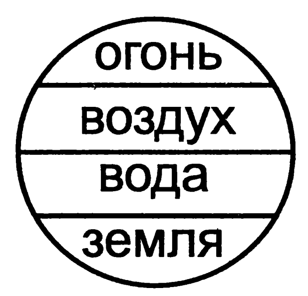
КОСМОС И ЭЛЕМЕНТЫ

Арктический космос прост. Его структура очевидна: внизу — Земля, почва, плотность, а также вода, влага, жидкость, пассивность. Вверху — прозрачный, легкий, чистый воздух и огненные горячие светила, огни неба. Этот постоянный и синхронный порядок предполагает планы, этажи космоса, его объективные уровни.

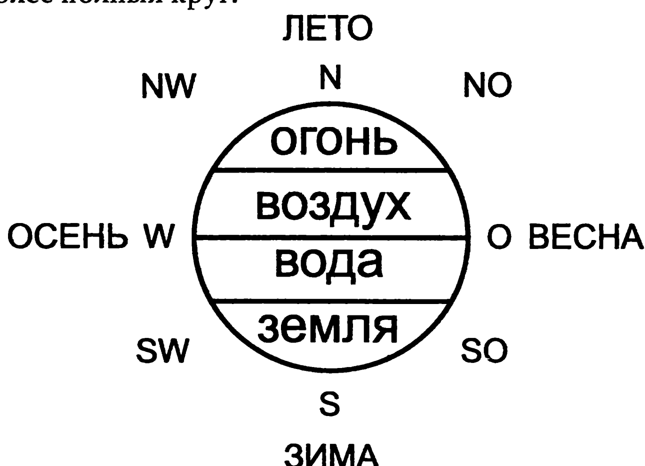
Сквозь них, как сквозь «места», идет Великий Субъект, Свет Мира, Сын Божий. Он спускается со светового неба через прозрачный воздух — в зеленые воды и ниже их, на темное, вечно

холодное дно — изначальный черный ил (почву). Потом он заново начинает подъем к своему «высшему Дворцу». Солнце — это его «щит», «маска», за которой он скрывает свой лик.

Элементы космоса имеют периоды своей относительной доминации, и здесь они оказываются представленными не в синхронии, а последовательно. Особо выделяется тот элемент, где в данный момент присутствует великий Сын Божий, «Двойной». Это позволяет выстроить логическую последовательность элементов сверху-вниз: Огонь (Небо) — Воздух — Вòда — Земля. И снова снизу-вверх: Земля — Вода — Воздух — Огонь (Небо). Элементы входят в священный год, они образуют его «этажи»:

Элементная структура Вселенной дополняет Божий год, выстраивая дополнительные, но абсолютно логичные связи Прарелигии, пракосмологии. Ориентации пространства и стоянки, «дома» солнца в арктическом круге вместе с элементами образуют более полный круг.

Элементы, расположенные на годовом круге, отражают повышение плотности и разряжение космической среды в течение цикла: от жара летнего неба (жар идет сверху) до холода зимней земли (холод идет от заснеженной почвы, льда), от света полярного лета с незаходящим солнцем, что соответствует элементу ОГОНЬ — 1/4 круга, — до тьмы полярной зимы с невосходяшим светом, что соответствует элементу ЗЕМЛЯ. ОГОНЬ и ЛЕД или НЕБО и ЗЕМЛЯ (что то же самое) — полюсȧ цикла, его верхняя и нижняя границы.

При рассмотрении циклического элементного строя история Сына Божьего получает дополнительные детали. Небесное положение Сына Божьего летом становится огненным. Первая половина осени — воздух. Сын Божий подобен здесь летящей вниз птице. В точке осеннего равноденствия он ныряет в воду, подобно рыбе, или тонет, или отправляется в плавание к далекому берегу, то есть к земле. И, наконец, Сын Божий достигает дна, льда или входит в недра, спускается под землю. Эта нисходящая линия от летнего солнцестояния до зимнего протекает по негативной «стороне» элементов — палящий, уничтожающий ОГОНЬ; спертый, плотный ВОЗДУХ; растворяющая, топящая ВОДА; могильная ЗЕМЛЯ, прах.

От середины земли (как элемента) Сын Божий начинает Восхождение: вначале он идет по суше (взбирается на гору) — этому соответствует земля. Потом он плывет по морю или в море, как рыба (дельфин и т.д.). Затем он поднимается в небо — взлетающая птица, пущенная в воздух стрела. Наконец он входит в мир огненного неба, становится световым королем, обретает свое внутреннее достоинство. Сами элементы в восходящем цикле обнаруживают положительные аспекты: ЗЕМЛЯ, рождающая всех существ; живая, очищающая всех ВОДА; легкий ВОЗДУХ, одухотворяющий тварей; очищающий священный ОГОНЬ, преображающий и спасающий.

В Арктогее царит безупречная ясность в отношении Великой Космической Пары, соответствующей космическому дуализму, породившему все конкретные пары. При этом непосредственный опыт отражает высшие законы без опосредующих инстанций: Полюс и Мысль — синонимы. Линия Бог-Сын Божий-Человек-Космос замкнута и возведена без лакун к

Богу. Все связано с Богом, все его — Человек Божий, Земля Божия. Нет ничего вне единого Бого-миро-воззрения. Природа, элементы, календарь Арктики — все представляет собой Мысль, Мысль Бога, царствующую повсюду, и вне, и внутри.

Помимо плотности материи элементы арктического космоса отражают и географическое положение культового центра Арктогеи.

Юг связан с землей, а Запад и Восток — с водой, что указывает на их островное или полуостровное положение. Летом солнце не заходит, оно целые сутки *горит* в небе — Север = Огонь. В самом начале лета и в самом его конце — субстанция *воздух* — оно ненадолго закатывается на Юге, но при этом свет не исчезает, продолжает струиться. В этот период не сам огненный шар солнца, но зеленовато-прозрачный дневной воздух не гаснет в течение суток. Весной и осенью солнце заходит и восходит в море, вода — на Востоке и Западе. И, наконец, зимой солнце падает на близко расположенный материк, землю континента.

Чисто арктическими являются два элемента — Небо и Земля (Огонь и Лед, Север и Юг) — ⦶ или ⌽, или ⫰. Воздух и Вода — вторичны, они входят в состав первостихий: Воздух — часть Неба, верха. Вода — часть Земли, низа. В древнейшие времена Огонь и Воздух были двумя синонимами, двумя ликами Неба, так же как Вода и Прах или Вода и Лед — два лика Земли. Эта синонимичность проявлялась в вариациях культово-символического описания Священного Года в нордической Традиции. Отсюда, в частности, символизм подземных вод и их связь с зимним солнцестоянием: превращение мертвой воды в живую может происходить не минуя раздел Земли, а сразу непосредственно в точке зимнего солнцестояния. В целом синонимичность Огонь-Воздух (Небо) и Вода-Земля (Земля, Дол) проявляется во вторичных культовых центрах после ухода прарасы с Полюса и гибели Арктогеи.

ПРАРЕЛИГИЯ

Прарелигия нордической расы была лишена сложных теологических абстрагированных схем. Она была противоположна

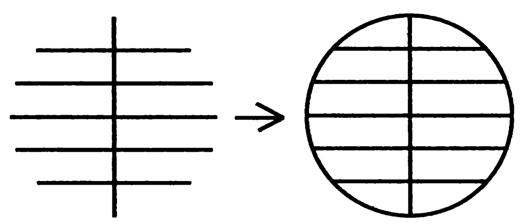
вере в сверхъестественных существ, верованиям в «демонов» или «богов». Она представляла собой не анимизм, не пантеизм, не фетишизм. Прарелигия северной расы являлась чистым монотеизмом, но не философским и отвлеченным, а конкретным, опытно-переживаемым в непосредственном ритме Божьего Мира, Божьего года и Божьего человека. Одновременно этот монотеизм, утверждавший в начале всего скрытого, темного, неизвестного Бога, Deus Absconditus, в сотворенной его мыслью Вселенной («Бог творит мысля») полагал строгий и ясный дуализм — два полюса творения, два предела священной жизни. В этих пределах, внутри них, совершает свои законоустанавливающие священные движения Сын Божий, «известный Бог». В его фигуре космический дуализм и снимается, и утверждается. Снимается постольку, поскольку в верхних и нижних регионах Вселенной Сын Божий сохраняет свое божественное качество, — на его самую глубинную сущность дуализм не распространяется. Это именно и отличает его от космической среды, где он пребывает. Вместе с этим Сын Божий утверждает и подтверждает этот дуализм тем, что он отчасти солидаризуется с верхом космоса (Севером, Небом, летом) и отчасти противостоит его низу (Югу, Земле, зиме), усугубляя тем самым разницу между ними. Отсюда священное имя Сына Божьего — «Двойной».

Северный монотеизм не был солнце- или огнепоклонничеством. Солнце не было ни Богом, ни Божьим Сыном. Последнее виделось не более чем знак, эмблема, атрибут Божьего Сына в его циклическом странствии и не более того. Но при этом именно солнце, самое яркое светило неба, стояло в центре подчиненной религии космологической схемы. Луна и созвездия, наблюдаемые в арктической ночи, играли по сравнению с ним второстепенную роль. Нордическую прарелигию можно назвать религией Света и Тьмы, где все космические предметы и состояния видятся как прямое откровение Божественной Святости, как вещи Бога, фрагменты единого Бого-миро-воззрения.

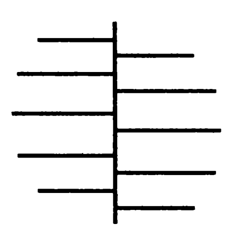
Божий космос Арктики, пульсирующий в Священном году, имел центральную ось. Это Ось Небо—Земля или ось между летним и зимним солнцестоянием (⚲ или |). Эта Ось — символ полюса. Она совпадает с неизменной сущностью Божьего Сына,

то есть с его наиболее приближенной к Отцу стороной. Световая сторона Сына Божьего воплощается в его новом рождении. Полярная, осевая сторона — в его вечности, в его постоянстве, которое над светом, в темноте Непроявленного Отца. Сын Божий является «Двойным», и внутренне он — и Свет, и больше, чем Свет, иными словами, то, вокруг чего осуществляется круговращение угасания и нового рождения Света.

Ось космоса — Древо Мира, лестница, по которой взбирается на Небо и спускается под Землю Сын Божий. Эта Ось — его внутреннее "Я". Поэтому арктический Сын Божий — «Древесный Бог», что значит «Осевой Бог». Древо Мира — это позвоночник года; его ветви (или приделанные к нему ступеньки) — солнечные Дома, стоянки, месяцы:

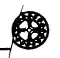

Или, по числу арктических месяцев, 10 месяцев — 10 ветвей:

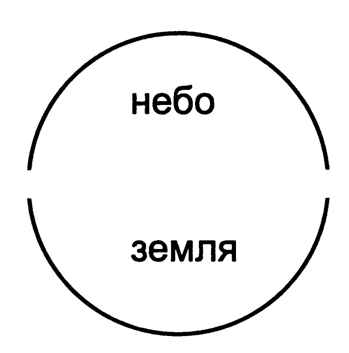
В Древе Мира кроется принцип цикла, его «парадигма». «Вертикальный» диаметр окружности отражает качественная сущность последней. Итак, «циклический» Сын Божий есть явление (◯), а «осевой» Сын Божий — сущность (|). Оба аспекта наличествуют в нордическом иероглифе Ф, или ⦶ — культовом пике арктического символизма.

Святость Оси (Древа) Мира определяет основной материал культовых предметов. Изначально же культовыми были все предметы обиходной жизни северной расы. Календарь, орудия производства, письменность, жилище, лодки, оружие, одежда,

питание — все у этой расы было напрямую связано с деревом и древесиной. Деревянные столбы арктических обсерваторий сменились камнями очень поздно, только в неолите. Письмена наносились на кору деревьев, из стволов делались лодки или строились дома и т.д. Люди Полюса чтили Полюс во всем.

Между Сыном Божьим и его Единым Отцом обнаруживается сущностная непрерывность, наличествующая, по аналогии, также между человеком Полюса и самим Сыном Божьим. Древнейшее самоназвание прарасы — имя Бога, люди — Сыновья Бога. Люди Полюса — люди Света, люди Солнца. Они едины с Сыном Бога, Светом Мира, а через него и с самим Отцом. Полярное человечество совпадает с божественным, и поэтому полярный человек есть «человек думающий», мыслью соучаствующий самому Богу в создании космоса. Человека, отделенного от Бога, то есть человека как раба Бога в арктической Прарелигии, нет. Здесь человек — это «свободный Бога» (Gottesfreie), носитель Бога, богоносец, знамя Бога, подобное солнцу и его лучам. В самом человеке, в его строении, в его органах, в его пропорциях, в его теле запечатлена мудрость полярной религии. Двойная симметричность человека — две руки, две ноги, два глаза, два уха и т.д. — подобие двух половин года (◌). Его деление — выше пояса и ниже пояса — подобие верхней небесной и нижней земной полусфер:

Лицо человека — годовой круг эклиптики — лик Божьего года. Такой человек бессмертен, так же как Сын Божий. Умирая в своем человеческом зимнем солнцестоянии, в точке могилы, арктической ночи, он возрождается вновь и достигает

пика, расцвета в годовой полдень — летнее солнцестояние. Отсюда тождество могилы и матки в нордических культах. В смерти Дух человека-солнца нисходит во прах, чтобы выйти оттуда в новом блеске, в новой славе в момент неизбежного воскресения.

Жреческую функцию в нордической Прарелигии исполняет Женщина, Белая Дама. Она — Земля и Вода, Вход и Выход, главная фигура зимнего солнцестояния, стало быть, «места», где совершается чудо превращения Живого в Мертвое, а из Мертвого снова в Живое. Белая жрица Севера — воплощение Великой Богини Матери. Недоступный и далекий Отец присутствует в космосе в лице Богини Матери, чьим сыном и является Сын Божий. Именно во чреве Матери, в сердце зимне-материнской ночи, Сын Божий касается своего Отца. В смерти, в могиле, над которой отправляет культ Белая Жрица, человек сталкивается со своим Творцом — это место суда, место справедливости, место судьбы. Главный символ жрицы Арктики — символ Нового Года. Культы нордической религии лишены идолов, шаманизма, страхов и экстазов — они суть кристальные проявления Чистой Мысли, гимны Справедливости, высший момент мироустрояющей Воли и изначального Знания. Прарелигия совпадает с Чистой Мыслью, а Чистая Мысль, Мысль Бога, неотделима от него самого. Ярчайший дуализм космоса посредством всепроникающей Мысли Севера, Сына Божьего, приводится к прамонотеизму, к единому Отцу, Вечному и Скрытому.

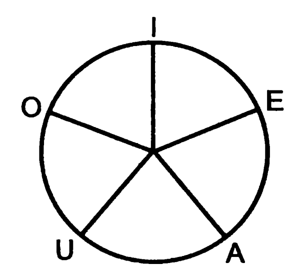
ЯЗЫК

Язык для нордической расы был математически точным воплощением Священной Традиции. Он был языком культовым, священным, «Бог — начало того языка».

В этом языке не было застывших корней из двух, трех и т.д. звуков. Он строился по законам священного календаря и обладал агглютинативной структурой: 1 согласный + 1 гласный звук выражали какую-то определенную идею, имеющую свой календарный аналог.

В этом языке было пять гласных a-e-i-o-u. Эти гласные располагались по годовому кругу так:

Звук [a] — посленовогоднее, первое и полное раскрытие рта, первый звук новорожденного.

Звук [i] — самый «светлый» звук, звук зрелости, середины, полноты.

Звук [u] — самый закрытый звук. Его можно произнести с закрытым ртом. Это звук смерти, могилы, предновогоднего погашения Сына Божьего.

Звук [e] — промежуточный весенний звук между [a] и [i].

Звук [o] — также промежуточный, но между [i] и [u]. Это осенний звук.

Гласные фиксированы в календаре и задают логическую священную структуру речи.

Согласных было 8, из них 4 имели по три варианта произношения, то есть всего 16.

Основными согласными были [t], [p], [k], [s] — [m], [n], [r], [l].

Первые четыре согласные, точнее первые четыре группы согласных, суть зубные (dentale), губные (labiale), гортанные (gutturale) и шипящие (sibillante). Они имеют по три формы: tenues — tenues aspiratae — media, то есть их можно записать в ряды:

tenues — tenues aspiratae — media

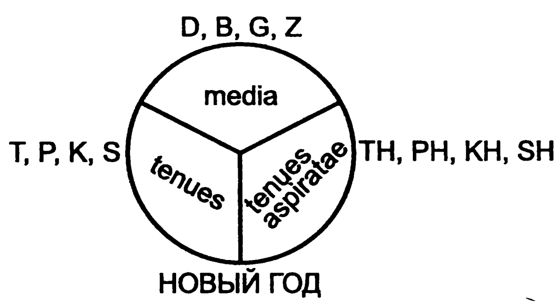
[t] — [th] ([þ]) — [d]

[p] — [ph] ([f]) — [b]

[k] — [kh] ([h]) — [g]

[s] — [sh] ([ʃ]) — [z]

В годовом культовом употреблении они распределяются так:

Четыре тройные согласные звучат глухо (tenues) в конце года. С придыханием (tenues aspiratae), как весенний ветер, — в начале года. И звонко (media), в полный голос — в его середине.

Остальные четыре согласные постоянны:

[m] и [n] — носовые (nasale);

[r] и [l] — «жидкие» (liquidae).

В позднейшие периоды истории [r] и [l] часто менялись местами в силу чисто звуковой схожести.

Сочетание согласной с гласной давало слово-идею. Изменение формы обязательно вело к изменению идеи, поэтому никаких механических и инструментальных флексий и т.п. не существовало.

Каждая буква уже сама по себе означала идею, связанную с естественным символизмом человеческого речевого аппарата. Рот человека — исток его речи — символ Вселенной. Небо — Небо. Нижняя челюсть — Земля. Горло — подземный исток слов, резервуар воздуха, голос как таковой. Зубы — граница между внутренним и внешним, стена, отделяющая «старый год» от «нового». Губы — внешнее или речь, видимая извне. Язык, артикулирующий звук, — Ось Мира, посредник между Небом (небом) и Землею (челюстью).

Звуки имели следующий принципиальный смысл:

[r] — Солнце, колесо, круг, порядок;

[l] — луч, свет солнца, отражение солнца;

[m] — вода, мать, море;

[n] — мать, земля, камень, низ, первое;

[s] — связь, верх и низ, огонь и вода, молния, змея, петля, дуга;

[t] — Сын Божий, «Двойной» (особенно в нисходящем движении), год, конец, смерть, суд, год Арктики;

[k] — год, Бог, воскресение, восходящий Сын Божий, поднятие рук вверх, рога, год северной Атлантики, лось;

[p] — новый Сын Божий, две горы, год Южной Атлантики, Овен, пастырь.

Эти 8 звуков синонимичны основным событиям Священного Года и в первую очередь связаны именно с ним. Уже позднее из этих календарно-космических первоидей стали развиваться названия предметов и существ, той или иной стороной напоминающих эти первоидеи. Это могло происходить как по линии прямого переноса годового звука на чем-то подобную его идее вещь, так и по линии комбинирования двух или нескольких звуков для получения составной идеи. Фиксация гласных в определенных точках годового круга и трансформационный ряд tenues — tenues aspiratae — media по трем секторам этого круга давали возможность гибкого и достаточно утонченного мыслительно-языкового высказывания.

Две половины (восходящая и нисходящая) северного года симметричны обратным образом. Поэтому согласный + гласный в слоге восходящей половины меняются местами в нисходящей половине, к примеру, «ar», «ur» становятся «ra», «ru» и т.д.

Особое фонетическое звучание приобретает согласный в точке зимнего солнцестояния — здесь он обычно оказывается между двумя гласными «u» и «a» («ura», «ula», «uma») или даже удваивается при этом: «ur-ra», «ul-la», «um-ma» и т.д. Характерны двойные огласовки и для восходящей и нисходящей дуг: «a» — согласный — «i» в первом случае, а также «i» — согласный — «u» во втором (к примеру: «a-r-i», «i-r-u», «a-l-i», «i-l-u» и т.д.).

Всем этим звукам, и особенно 8 согласным, соответствовали нордические иероглифы, зрительно отражающие звуковые идеи.

r было ◯ или ⊙,

l — ᛚ,

m — ᛗ,

n — ᛝ или ＿,

s — ᛉ,

t — ↑,

k — ᛉ,
p — ᚼ.

Кроме того гласный «i» имел свой постоянный иероглиф |, а гласный «u» — постоянный иероглиф ᚢ. Впрочем, последние иероглифы являются хотя и арктическими, однако поздними добавлениями. Изначально же гласные не имели специальных знаков, и малая дуга ᚢ была тождественна ᚴ, «l», а гласный «i» слился со знаком |, не имеющим специального звука (ось языкового мира — молчание или чистое дыхание).

Арктический шрифт отражал только согласные, а гласные подбирались к согласному исходя из логики годовых связей.

Первой серьезной реформой праязыка была праатлантическая реформа, совпадающая с реформой календаря. Привязка календаря к прецессионному циклу и новые календарные иероглифы, соответствующие более южным условиям, изменили структуру первичной речи и первичного письма. В Северной Атлантике, а позже и в Южной, произошло смещение некоторых звуков, связанных с иероглифами из-за новой культовой практики вставки в расколотый новогодний знак целого знака следующего «созвездия» каждые 2000 лет. Эти смещения привнесли дополнительное, отсутствовавшее в Арктогее, движение согласных по годовому кругу.

Кроме того, поскольку были «легализованы» иероглифы для гласных «i» и «u», северные атланты придали иероглифы и другим гласным — «а», «е», «о». Причем «а» — первый гласный года — стал обозначаться половиной расколотого годового иероглифа: ᚦ, ᛕ, ᚨ и т.д., который позже, по мере раскалывания, смещался к точке весеннего равноденствия и приобретал звучание «е».

Из начального 8-знакового алфавита-календаря сперва возник 16-знаковый в Северной Атлантике, а потом 24-знаковый в Южной Атлантике. При этом происходил перенос иероглифико-фонетических форм, обусловленный совокупностью циклических и географических факторов, с одной на другую. В конечном итоге в протоисторических системах письма эти культовые законы алфавита-календаря были перепутаны, и символические соответствия сохранились лишь отчасти. На пути трансформаций от нордического до предисторического

языка — через северо- и южноатлантические промежуточные варианты — совершались искажения, основанные не только на фонетике, но и на иероглифике. Таким образом, концептуальная равнозначность некоторых слогов или корней-букв объясняется их письменной схожестью. (Таково, к примеру, смешение Y, «k», и M, «m», наблюдаемое в некоторых архаических пластах древних языков, и т.д.)

В праязыке можно выявить несколько исторических этапов:

1. Арктический, полярный язык. Он сохранился в нетронутом виде у той части северной расы, которая не покинула Арктогею в ледниковый период.

2. Язык первой волны ушедшей на Юг расы с первой группой крови. Он подвергся первичной реформе в северных субарктических широтах (условно Северной Атлантике). Его отголоски сохранились в шумерском, угрском, финском, японском, тюркских и тибетских языках, с одной стороны, и в эскимосских языках и языках индейцев Северной и Центральной Америки, с другой стороны. Много эпох спустя после этой первой реформы она повторилась и в случае народа Туата, I группы крови, вынужденного оставить Арктику только в самые последние тысячелетия истории и сохранившего в значительной степени святость арктического языка.

3. Но еще задолго до реформы исторических северных атлантов (Туата) прараса I группы крови вынуждена была спуститься еще ниже, после чего была осуществлена южноатлантическая реформа, то есть произошел переход к 24-знаковому культовому алфавиту и т.д. Южноатлантическим был язык исторической Атлантиды, и посланцы этого континента в Евразию заложили основу для большинства типов исторического письма — от крито-микенского до аравийского, финикийского, египетского и т.д., а, кроме того, южные атланты в значительной степени затронули языки почти всех народов, входивших с ними в контакт, при том, что сами эти языки были архаическими формами более древнего, доатлантического языка, повлиявшего в том числе и на язык исторических атлантов. На базе южноатлантического алфавита развилось додинастическое египетское, эламитское, древнеаравийское и древнекитайское письмо,

а также письменность западноафриканских племен Ваи и Бамун. Кроме того, южноатлантическая иероглифика и символика с элементами посвятительных фонем сохранились в обрядах океанских маори и исторических североамериканских индейцев. Основой исторических алфавитов был не финикийский, а южноатлантический алфавит, синхронно распространившийся по всему Средиземноморью, видоизменяясь по мере утраты навыков его культового использования. Финикийский алфавит был одним из вариантов этого южноатлантического «Священного Ряда», причем не самым лучшим.

4. И, наконец, самой последней формой нордического языка был язык (рунического алфавита) Туата, протоиндоевропейского народа, пришедшего с Севера (из Северной Атлантики) в начале неолита. Но и этот язык начиная с X тысячелетия до Р.Х. уже существовал в застывшей форме, потеряв динамику культового смещения и раскола иероглифов. Южноатлантический язык застыл на 2 тысячелетия раньше (что было обусловлено затоплением Южной части Атлантического континента вместе с культовым сакральным центром Мо-Уру). Этот язык Туата был базой для индоевропейской группы, а также повлиял в значительной мере на южноатлантические палеоазиатские (первая волна прарасы с I группой крови) языки.

5. Но флективные языки развились из этих типов агглютинативных языков только гораздо позже, когда почти всякая сакральность и культовая сторона были безвозвратно утрачены. Механическая развитость флективных языков есть признак смерти языка, окончательно потерявшего Бого-миро-воззренческую осмысленность и сакральную законность. Это и есть вавилонское смешение языков.

Все современные языки — это пародия на язык и не более того.

РУНЫ

Последними историческими следами Арктогеи, последними носителями ее иероглифики и языков были потомки племени Туата — фризы, ингвеоны.

Туата во времена неолита спустились с Севера в регионы Ирландии и Северной Атлантиды, состоящей из островов, а также в регион Северного моря — туда, где находятся Шотландия, Нижний Рейн, Западная Скандинавия и т.д. В Северном море еще в исторические времена существовал огромный остров, где располагался культовый центр Туата. Остров назывался «страна Форсети (или Полсети)», и именно ее греки отождествляли с Гипербореей, а ее жителей — с гиперборейцами. «Страна Форсети» находилась на месте современной отмели Доггера в Северном море. Она вместе с другими островами и северным побережьем Европы у Северного моря затонула только в середине I тысячелетия до Р.Х. После этого народы Туата двинулись к Югу, в Европу, и на Восток, в Азию, смешиваясь с местным населением: финским — на Севере, кельтским — на Западе. Кельты сами по себе были смешанным народом, имеющим в себе как южно- и североатлантические, так и автохтонные доатлантические пласты (слои протодравидов и протомонголоидов, населявших южный пояс Европы, Средиземноморье в древнейшие времена, и слои тех же финнов, обитавших на Севере и Северо-Востоке Кельтиды). Народы Туата несли с собой Священный Ряд — рунический календарь, сопряженный с культовыми формулами, «руническими песнями». Отголоски этой традиции явственно различимы в Эдде, а также в древних норвежских и исландских сагах, хотя в период викингов ясность и прозрачность изначальной религии Туата уже были в значительной мере замутнены «азиатской» фетишизацией и искажением в шаманско-натуралистическом духе.

Сам рунический календарь, использовавшийся норвежскими крестьянами вплоть до XIX века (!) от Р.Х., восходит к гораздо более древним источникам, нежели тексты Эдды в последней редакции, хотя некогда они составляли аспекты одного и того же нордического учения.

Руны — это не поздний, искаженный, вариант латинского шрифта, занесенного на Север. И латинское, и финикийское, и этрусское письмо — разные ветви нордического Священного Ряда, а северные руны — одна из наиболее полноценных его

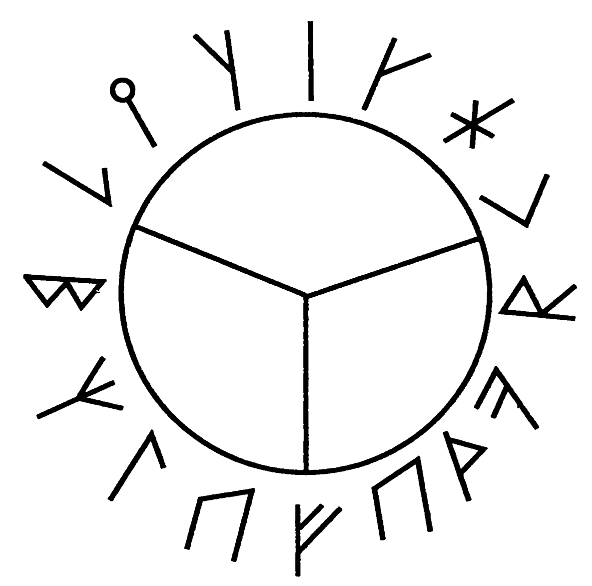
форм, сохранившая наибольшую связь с оригиналом. Само финикийское письмо развилось как шрифт средиземноморских торговцев на базе филистимлянского письма, или письма народа Пуластья, занявшего территории Палестины и Сирии. Пуластья (филистимляне) прибыли морским путем из Северной Атлантики, огибая Западную Европу и пересекая Средиземноморье. Их письменные знаки тождественны племенным знакам северных ингвеонов. Само название «Пуластья» тождественно «Полсети» или «Форсети» — культовому центру Туата. Но в смешении с местными семитскими народами и в новых географических условиях Юга это культовое письмо претерпело сильное искажение, в то время как на Севере оно осталось неизменным. Этрусский и раннегреческий алфавиты — отнюдь не заимствование из алфавита финикийского. Это варианты алфавита Туата, дошедшего в этот регион, с одной стороны, морским, а с другой стороны, сухопутным путем и лишь впоследствии подвергшегося новому финикийскому влиянию.

Как бы то ни было, нордический рунический шрифт Туата (ингвеонов) первичнее всех ближневосточных, средиземноморских и дальневосточных систем письма. Существуют два типа рунических Священных Кругов: 16-членный и 24-членный. Хотя сегодня считается, что 24-членный первичнее, это не так — первичнее 16-членный. Это североатлантический вариант, алфавит Туата. Но также 16-членным был тот протошумерский алфавит, которым пользовалась прараса (I группа крови) после своего выхода из Арктогеи.

24-рунный Священный Ряд — южноатлантическая редакция. Он обусловлен 12-месячным годом, тогда как в году северных атлантов было 8 месяцев. Но и 16- и 24-членные ряды исторически сохранились только в районе Северной Атлантики, поскольку северная часть Атлантиды погибла гораздо позже ее южной части. 24-рунный ряд был сохранен также исключительно в Северной Атлантике, где он использовался не столько как годовой, сколько как суточный ряд.

Наиболее обобщенный тип нордического календаря-алфавита (Футхарка) таков:

Руны делятся на три «эттира» — «времени года, пола»: весна — лето — осень (+зима). Или: новая часть года — средняя часть года — старая часть года.

Имена рун:

1. ᚠ (feoh) — «фео» (стадо, имущество)
2. ᚢ (ur) — «ур» (бык)
3. ᚦ (thurs) — «турс» (великан, бог Тор, топор)
4. ᚬ (as) — «ас» (бог, Ас, дерево)
5. ᚱ (rad) — «рад» (колесо, повозка, закон)
6. ᚲ (ken) — «кен» (факел, огонь)
7. ᛡ (hagel) — «хагель» (куст, святость, ограда)
8. ᚾ (nyd) — «нюд» (печаль)
9. ᛁ (is) — «ис» (лед, яйцо)
10. ᛅ (ar) — «ар» (плуг)
11. ᛌ (sol) — «соль» (солнце, благо)
12. ᛏ (tiu) — «тиу» (бог Тиу, Сын Божий)
13. ᛒ (beorg) — «беорг» (2 горы, город, береза)
14. ᛘ (madr) — «мадр» (человек)
15. ᛚ (lagu) — «лагу» (озеро, вода, лужа)
16. ᛦ (yr) — «юр» (море, пещера, влага)

Происхождение этих рун из нордических иероглифов очевидно: ᚠ и ᚨ, то есть «f» и «а» — продукт раскола иероглифа ᚼ («ра» — Овен), «новый» Сын Божий. Этот расколотый вариант позволяет отнести форму данного Священного Ряда к концу эпохи Овна в зимнем солнцестоянии, то есть к VI тыс. до Р.Х. После этого раскола законы динамики культовых подвижек знаков были забыты. ᚨ стала читаться как «а» по упомянутому правилу нордического языка. Имя Бога в начале года ранее было не «as» (Ас, бог), но «al» (что сохранилось в семитских языках). Формулу ᚨ («а», «as») из ᚠ («fa», «ра»), то есть формулу раскола ᚼ, можно было прочесть как «al» из «fa», «ра», то есть «al-fa», «alef» — имя первой буквы в семитском и греческом алфавитах. В славянском осталось североатлантическое «азъ» («я»).

Позже ᚨ («а», «as») редуцировалось на фонетической основе в форму «os». Руна ᚨ «as» называется у англосаксов «os».

В целом руна ᚨ или ᚠ («feoh») означает полноту, обладание, «плеромичность» Сына Божьего. Любопытно, что этимологически русское «бог» восходит к персидскому «baga» (нагруженный, полный, изобильный), иначе говоря, к тому же протосмыслу, что и «feoh».

Руна ᚢ, «ur» (или ᛦ, «yr», до Нового Года) иногда писалась как ⋂. Таким образом, руна ᛦ представляла корни Мирового Древа. Эта малая дуга — память о пред- и посленовогоднем пути солнца в Арктогее. Характерная «u»-огласовка связана с ее зимним и особенно предновогодним положением. В начало года она переместилась довольно поздно. Другие названия знака ⋂, или ∧, — «su», «shu», «ku», «r» — подчеркивают, что речь идет о солнечной дуге. Знаком Быка «ur» стал в эпоху нахождения созвездия Телец в точке зимнего солнцестояния. Переход ⋂, «ur», в начало года связан как раз со смещением этого созвездия.

Руна ᚦ, «thurs» или «thur». Это звук «th», в согласии с древнейшими законами чередований tenues — tenues aspiratae — media. Это Сын Божий, Туисто, Двойной, после Нового Года, «t»

с придыханием. Название связано с ᚢ, «ур». ᚦ, «thurs», — это «th» из «ur»`а, иными словами, Сын Божий, вышедший из зимней дуги. Иероглиф ᚦ — это раскол иероглифа ᛄ, обозначавшего «год» или «Бог» после выхода созвездия Тельца из зимнего солнцестояния. Другая часть логически должна была отойти в старый год и читаться как «t» (tenues), и действительно руна ᛐ, «t», «Туисто», в большинстве случаев изображается с одной «рукой». Другую руку откусил «новогодний волк» Фенрир — малая дуга, петля перед зимним солнцестоянием ᚢ(«ur» или «ul» — отсюда «волк», «wolf» и т.д., звуки «u» или «u» + «l»). ᚦ, «thurs», — это также «топор», иными словами, то, чем был «расколот» год.

Руна ᚱ, «rat» — «r», — солнце в весеннем равноденствии, середина его пути к Северу. Ранее иероглифом «rat» было ◯ или ⊙, а также ♀ или ♀, откуда греческое c; «t» в руне «rat» подчеркивает, что «r», ◯, принадлежит Сыну Божьему («t»), Туисто, Двойному. Форма развилась из ᚢ, «ur», довольно поздно: ᚢ — Л — ᚱ. По смыслу это солнце, которое было зимой в форме ᚢ.

Руна ᚲ, «ken», — это боковая форма написания ∨ или ᛉ, древнейшего иероглифа «k», «kh», «h». ᛉ = ᚲ — поднимающий руки вверх Сын Божий, Свет Мира в первой половине года. Поднятые руки сохранились в египетском написании слова «ka» — «душа», 𓂓. Это фенотипический синоним рогов, особенно лосиных или оленьих. Древнейшее имя лося, или оленя, «el-k», иными словами, Бог «el», «al» со знаком «k», ∨, с рогами. Все рогатые персоны зодиака связаны с этим иероглифом — поднятые руки, рога, «ka». Название руны определено последующей за ней руной «nyt» или «nyd», «n», а также весенним звуком «e». «Ken» — это также огонь, факел, движение. Кроме того, руна ᚲ сама по себе представляет половину знака ᚷ, то есть североатлантического креста, половину восходящего пути Света. В отдельных случаях это ᚲ могло сохранять и вертикаль Север-Юг |, то есть ᛕ. Известны варианты ᚴ, ᚴ, ᛕ.

Вслед за «ken» в Футхарке идет руна ✳, «hagel», то есть бог «al» нового года вместе с «hak», «kak», «khakh», «k-k», «kh-kh»

с «поднятыми вверх руками» или «рогами», то есть «восходящий бог», Сын Божий. Это также куст «hag», крючок, а также то, что поднимает свои ветви, листья, колючки и т.д. вверх. Это Неопалимая Купина «hak», откуда Бог, «al», говорил с Моисеем на горе Синай. Куст оказывается горящим потому, что «hagel» стоит за «ken» — огнем, факелом. Синоним этой руны может быть ᚺ, то есть другая форма той же годовой идеограммы ⚹ или ⊛, или ᚺ. Тогда слово «hak» означает «ограду», ᚺ. Эта руна точнее всего соответствует именно восьмилучевому ⊛, а не шестилучевому кругу, но поскольку иероглифом южноатлантического года из 6 (12) частей прочно стал знак ⚹, «ра», то он использовался в качестве его синонима. В шумерском языке знак ⚹ читается как «anu» и «dingir», то есть «Бог». Иероглиф ⚹, «hagel», важен еще и потому, что равно отражает как логику временного цикла, взятого в своей синхронии, так и идею последовательной связи времен, напоминающей ограду, обносящую пространство ветвями времени — ⚹ или ⊛. Германское слово heilig (святой), представляет собой развитие этой руны, как и название славянской руны Ж («живете», «жизнь», «цикл существования»). Характерно, что и в славянском «жизнь» сохранился гласный летнего солнцестояния «i», сам же звук [j], индо-иранское [dj] — это фонетический вариант согласного [g] (то есть ряд [k]-[kh] ([h])-[g]) или превратившегося в согласный гласного [i] ([i]-[y] — [g], [j], [dj]). В испанском языке «y» становится j ([h] — [hota]), что вполне укладывается в рамки нордических рядов протоязыка.

Руна ᚾ, ᚾ, «nyd» или «not», печаль. Зеркальная форма от ᚾ или ᚾ. Изначально руна «nyd» находилась в зимней и предновогодней части года. Ее основной смысл: камень, плотность. Она указывала на точку североатлантического года, где заход солнца максимально близок к Югу ᚾ. Это точка вхождения в подземный мир. Отсюда печаль и звукосочетание «yt» («ut») — обратное озвучивание «tu», «tiu», Тиу, Туисто, Тюр, Сын Божий в нисходящем полугодии. Полный иероглиф ᚾ указывает, помимо сказанного, еще и на самую северную точку восхода солнца

в момент летнего солнцестояния — ᚴ, причем ᚴ — это иероглиф «k» или «g», вариант поднятой руки. Руна ᛅ — это знак поднятой и опущенной руки, то есть «t» и «k», двух годовых дуг ( ). Звук «n» — камень, прах — означает опущенную руку, космическую среду, куда нисходит Сын Божий. Отсюда следует, что «n» напрямую связана с «t» и «u», обратным образом — с «k» ([g], [h]), а также «i». Обратная симметрическая связь «n» с «k» привела к появлению предновогодней руны ᚿ, «n» в летнем секторе перед серединой Года — праздником летнего солнцестояния. С другой стороны, «n» и «k» симметричны по отношению к Ж — ᛀᚴ или ᚿᛕ (зеркальное отражение). Если Ж или ᛯ поместить в точку Нового Года, зимнего солнцестояния, то слева будет ᛀ, «n», а справа — ᚴ, «k». Связь «n» с «k» запечатлена и в названии руны ᛝ, «ing» — 24-рунного ряда. При этом «n-k» — идеограмма слияния Неба и Земли или двух годовых дуг ◯ и ◯ (нижней, левой, «n», и верхней, правой, «k»). Сочетание «n-k» обозначало в культовом языке «змею» (nahas — в семитских языках, nagas — на санскрите) или «петлю», то есть связь двух полюсов: самой южной точки зимнего захода солнца и самой северной точки летнего восхода. Руна ♂ — это вариант древней нордической идеограммы «s», относящейся не к североатлантическому, а к арктическому году. Поэтому «n-k», ♂, и ♀, или ее южноатлантический вариант, ᛍ, «so», всегда связаны в Футхарке: английское «s-nake» («s» в слове nahas, характерном для семитских языков).

Руна |, «is», получила свое «s» от близости к рунам «nyt», «ken» и их культового варианта «s»; «i» подтверждает ее среднее годовое место. Кроме того, последующие руны сопряжены с «летней змеей» или началом пути, связующего точку кульминации лета с точкой зимнего упадка (♀. При этом надо заметить, что эта руна представляет собой часть иероглифа ♀. Через одну руну от нее в руническом ряде стоит важнейший знак второй половины года — ᛍ («sol», «s», солнце, точнее, солнце, начавшее годовой спуск). Руна «sol» — часть более древней руны ♀. Руна ᛍ идет после руны | (отсюда «i-s»). Вариант «sol», ᛍ, ♀, —

это ϟ, «sig», — «победа», молния, что представляет собой видоизмененное S ᛊ, иначе говоря, ᛇ. Молния — небесный огонь, спускающийся вниз, к земле, как и осеннее солнце к зимнему солнцестоянию. Победой она названа, поскольку верхнее нисходит к нижнему, одаряя его, побеждая его «низовость». Это — дар. С другой стороны, здесь содержится и начало упадка самого верхнего. Напоследок необходимо заметить, что все сказанное является цепью языковых культовых «событий», следующих за ᛁ, «is». Это — линия «s», ᚲ.

Между ᛁ и ᛇ располагается ᛅ, «ar». Руна, зеркально симметричная относительно ᚾ, «nyt», в данном Священном Ряду, но на самом деле по своей форме тождественная настоящей руне «nyt» ᚾ. Эта руна — довольно позднее дополнение, подчеркивающее, что в последующей руне речь идет о солнце, «r». Гласная «a» «прикрепилась» к «r» в начале года, весной, где естественным образом находится руна ᚱ, «rat», «r» и первая гласная. Культового смысла это «a» не имеет. Кроме того, в разбираемом нами Футхарке подчеркнута симметрия этих рун относительно точки летнего солнцестояния, ᛅᛁᚾ, «ar» — «is» — «nyt». Вместе эти три руны дадут ᛦ, иначе говоря, «корень», руну «yr», вариант ᚢ, «ur». Это подчеркивает согласный «r» в «ar». Но в целом сочетание неуместно, поскольку здесь речь идет не о «корнях», а о «кроне» годового дерева, то есть о ᛍᛁᚴ, или ᛘ. Действительно, руна ᛯ, «ilx» находится в 24-членном Футхарке недалеко от летнего солнцестояния, причем, в отличие от ᛡ, «hagel», в «ilx», ᛯ, корни и кроны удалены друг от друга. В момент летнего солнцестояния высокое ᛘ предельно далеко от низкого ᛦ. ᛘ — корона Сына Божьего в его летнем возвышении. Здесь Сын Божий, как «l», становится «il». Название руны — «il-x». Поэтому, если раскладывать ᛯ или ᛘ просто на три составляющих, то это будет ᛍᛁᚴ или ᛡᛁᛕ. Тогда ᚴ из неуместной «nyt» становится чистым «k», а ᛅ, «ar», оказываясь перевернутым, ᛍ, и без весеннего «a» объяснит «l» в названии «il-x», поскольку в настоящем случае «r» = «l». Итак, ᛍᛁᚴ — это «k — i — l (r)», читая против часовой стрелки, иными словами,

следуя годовому ходу солнца. Отсюда «ilk» ᛉ (ᛉ). В древнемикенском письме знак ᛉ читался как «ri».

За ᛣ следует ᛏ или ↑, «tiu», сам Сын Божий, выпускающий из рук солнце ᛣ, «опускающий руки». Присутствующие здесь гласные представляют собой культовое описание нисхождения от «i» к «u». Он же «tyr», то есть «t», Сын Божий, спускающийся в ᚢ, «ur» или к ᛣ, «yr», корням годового дерева. Он иногда однорукий — во-первых, потому, что это его форма в одной из двух половин года, а во-вторых, потому, что полная его форма ᛄ, «t» была расколота после выхода созвездия Тельца из точки зимнего солнцестояния.

Руна ᛏ или ↑ — это иероглиф копья, или — если это перевернутая форма — якоря, а также, позднее, стрелы и меча. Подобно руне «thurs», ᚦ, руна «tiu», ↑, обозначает топор, но только чаще всего двойной. И будучи «двойным», «Tiu» — «двурукий Бог». Он бывает «двойным топором», ᛞ, но это его новогодняя форма: последняя руна 24-членного алфавита — ᛞ, «dag». Как содержащий в себе «i», «tiu» может означать верхнюю половину года, ᛄ, с осью солнцестояний. Руна ↑, «tiu» — это также Туисто, первочеловек, «tu», «tiu», ↑, из «is», ᛁ, прародитель племени Туата, от которого произошли Тевтоны, германцы. Знак ↑ отличает все формы культовых предметов северных атлантов. Он — их многотысячелетний пароль. От закономерного нахождения в середине осени, в осеннем равноденствии, пошло имя Тора, «t» + «o» («o» — гласный осеннего равноденствия).

ᛒ, «beork», — руна двух гор, она же обозначает «два Ура», ᚢᚢ. Иероглифически это две зимние дуги Арктики. Изначально руна ᚢᚢ, «два Ура», должна была находиться на Юге, внизу, где в 16-членном Футхарке действительно расположены две дуги — ᚢᚢ. Эти две дуги, однако, двигались все дальше к Западу и в первой редакции североатлантического календаря оказались на Юго-Западе (точка самого южного захода солнца, «n»). В южноатлантическом круге языка ᚢᚢ, «две горы», подвинулись еще западнее — на Западо-Юго-Запад. По-

этому «beork» на Западе в североатлантическом ряду рун — это след влияния южноатлантического 24-рунного ряда.

Название «bi-urka» — это «bi» + «urka». «Urka» — малая зимняя дуга (пещера), где находится «ka», бог Ка в «подземной» пещере «ur», ᚢ, — залог воскресения — был принят ошибочно за фигуру Дьявола, хотя он есть нечто прямо противоположное! ᚢ, «ur», — его копыто, знак счастья. «Urka» — это одна дуга, ᚢ. Слог «bi» — это Новый Бог, Овен, Агнец, «pa», во время летнего солнцестояния, во славе — озвончение (media от [p] — [b]) и гласный «i». Здесь «bi» означает Нового Бога, спускающегося в пещеру, под землю, на море, после того как он достиг кульминации и стал из «pa» — «bi».

Кроме того, этот Бог, как «pa», во время зимнего солнцестояния оказывается между двумя дугами, горами: ᚢ†ᚢ или ᚢ†ᚢ. Эта связь ᚼ, «pa», а позже «bi», с ᚢᚢ снова проявилась в ᛒ, «biurk»`e, когда южные атланты сдвинули СИМВОЛ с Юго-Запада на Западо-Юго-Запад.

ᛉ, «madr» или «mann», человек. Маннус, сын Туисто и отец ингвеонов, иствеонов и фризов, как гласят поздние германские предания. На самом деле эта форма предания поясняет лишь готовый Священный Ряд. Но руна ᛘ здесь совершенно неуместна и замещает здесь ᛦ, «yr», корень Мирового Древа: три корня Маннуса — три племени англов — это совокупная трактовка ᛦ как трех корней и ᛘ — как Маннуса. Звук «m» — звук весенней воды и новорожденного человека. При этом Новый Человек — это всегда ᛉ, «ka», поднявший руки, «рогатый», воскрешающий и воскресший. Солнце весной поднимается из вод. Сын Божий, «ka», «kha», выходит из «ma», («me»), воды — ∼. Древний иероглиф «m» был ∼. Весенняя связь «ka» и «ma» — человек, идущий по воде ᛘ, «ka» над «ma» — позволила перенести характеристику «ka», ᛉ, на «ma». Иногда «ka», ᛉ, изображали в виде ᛘ. Поэтому осенью, также в элементе воды, ∼, рядом с корнями Мирового Древа произошло смешение, и корень в воде, ᛦ, стал Воскрешением над водой, ᛘ. Потеряв неуместное «k», Человек стал просто «ma», водой, сохра-

нив иероглиф ᛉ. Позднее сюда добавилось «n», камень. Человек, Воскресший, рожден из камня, праха, «земли» года; «n», кроме того, означает двойственность. Только в элементе земля происходит сущностное годовое превращение одного (старый год) в другое (новый год). Поэтому «man» — так же «двойной человек», как и Туисто. Гласная «а» здесь тоже указывает на неуместность иероглифа в конце года — на Юго-Западе.

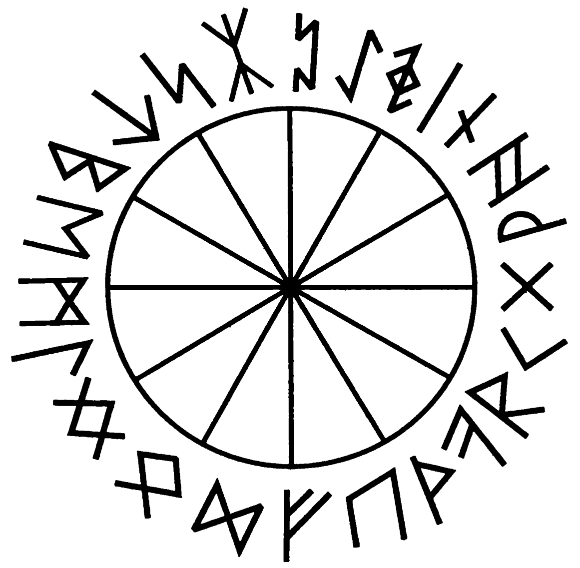
«Madr», другое название руны ᛉ, означает «ma» (человек) с колесом ◯ «t-r» или «r-t» («rat») или человека вращающегося, человека в цикле. Это Человек-Бог-Время-Солнце. Или Человек-Тор, человек с руной ᚦ, топором, колючкой.

Руна ᛚ, «lagu», — озеро, вода. Эта руна может изображаться не только в форме крючка, но и посоха — ᛚ. Она связана с элементом воды и малой зимней дугой. Как уже говорилось, «l» — это луч в нордическом праязыке, но в силу фонетической схожести с «r», солнцем, «l» уже давно стала его синонимом. «Lagu» — это солнце, отраженное в воде, или луч на воде. Культовая руническая песнь именует «lagu» не иначе как «lagu the leohto», «светящееся озеро». Особенно часто «l» связывается с «u». Эта связь почти тождественна сочетанию «u» + «r» («r» + «u»), но если в сочетании с «r» «u» почти полностью отодвигает на задний план солнечность «r» (солнца), то в сочетании с «l» световая природа идеограммы оказывается, наоборот, подчеркнутой (латинское lux, loki скандинавов, lug кельтов и т.д.). Это иероглиф ключа, входа; «a» здесь случайно и указывает на световую природу, послезимнее качество «l» = «r», а «r» очень часто несет с собой свой весенний гласный «a»; «gu», ранее «ku» — это устоявшееся наименование ∩, «ur» с акцентом на том, кто находится внутри пещеры, подземелья и т.д., на том, кто воскреснет, ᛉ. Иногда это выражено в образе рогатого Ура — ∩ᛉ∩ или ∩ᛉ. Рогатый «ur» — «ku» — это также «светящееся озеро», «lagu the leohto»; «ku» само по себе также означало всего лишь дугу предновогоднего солнца, ∩, а также элемент Земля. Эта связь «ku» с землей, более адекватно определяемой как «n», отражает уже указанную связь «k» и «n».

В 24-рунном Футхарке ᛚ, «lagu» стоит перед ᛝ, «ing», то есть сочетанием «n-g», точнее «n-k»; «k» как «g» могло соединиться с «l» и на основании этой южноатлантической связи.

ᚢ, «ur», представляет собой тот же самый «ur», что и вторая руна, разобранная нами выше.

Теперь перейдем к длинному ряду.

Первые шесть рун повторяют короткий ряд. Седьмая руна, ᚷ, «gyfu», летняя «g», — форма от «hagel» североатлантической годовой идеограммы. Она получила «y» от следующей за ней согласной, «wynna» — «затвердевшей» гласной «u» — «w». ᚷ — первая руна во всей серии трех двойных месяцев между весенним равноденствием и летним солнцестоянием. Весь месяц будет «g-w», «g» + «w». Первый месяц года после зимнего солнцестояния — ᚠ ᚢ, «fu». «Gyfu», следовательно, означает «gy» (первый месяц весны) после «fu» (первого месяца года).

ᚹ, «wynna», это вариант раскола ᛟ, другими словами, вариант руны ᚦ, «thurs». Однако ее звучание содержит в себе описание самого Нового Года: «wy» — это развитие предновогоднего «u» — «u» («w»), «u» + «n» (звук камня). Удвоение «n» — признак Нового Года; «a» — звук посленовогоднего дыхания.

Местоположение этой руны на Востоке года объясняется серией динамических передвижек знаков.

ᚻ или ᚺ, «hagel», вариант от ᛯ, только половинчатый: ᚺᚺ — ᚺ и ᚺ.

ᚾ и ᛁ мы разобрали.

ᛄ, «yer», год. Застывшая «i» близка серии «k» — «kh» — «g», воскресающего Бога. Иногда встречается форма «ger». ᛄ — год, разделенный пополам летним солнцестоянием. «Er» вместо «ir». Английское «year» читается как «i». ᛇ — крючкообразные концы оси — подчеркивают переходный характер середины года, что противоположно идее устойчивости года как такового в точке зимнего солнцестояния.

ᛇ, «eh», — графическое развитие ᛄ, а также подчеркивание после-срединно-летнего уклона Света Мира к Западу и Земле. Огласовка: фонетическое искажение логического «i», а также отраженное из сектора, предшествующего летнему солнцестоянию «h» («g»). Отсюда имя Одина — «Игг», «страшный», «страшный в своем величии». Промежуточная форма между ᛁ и ᛋ, то есть S.

ᛈ, «peorp», — борода или топор. Это половина двойного топора ф, но озвученная для нового Бога, Овна, «pa». Этот бог — «pa» — находится в «ur» («or») — «pa-or». Но в «ur» также находится «двойной топор», «dag», 24-я руна. Новый Бог, разбивая преграду между старым и новым годом, тем самым делит двойной топор пополам. Появление одинарного топора с новогодней огласовкой для нового Бога, Овна, ǂ, «pa», после летнего солнцестояния аналогично ситуации с зимним солнцестоянием и его расколом. В 16-рунном Футхарке то же самое было с ᛅᛁᚴ.

ᛉ, «ilx», «ilge», лилия, корона, крона и корни, пучек стрел небесного Бога «il».

ᛋ — ᛏ — ᛒ мы разбирали. ᛋ — эквивалент ᛎ.

ᛗ, «eoh», — конь. Руна «m», вода, вместе с весенним гласным «e» попала в осеннее равноденствие по той же логике, что и «madr» в 16-членном Футхарке. Кроме того, весенний согласный «k», ᚺᚺ в иероглифической форме, при быстром письме дает

ᚴᛉᛚ, ту же ᛖ, идеограмму воды, что еще более углубляет «весенность» звучания, отсюда и конечное «h»; «о» было попыткой исправить неадекватность соотнесения этой руны с Западом на том только основании, что здесь начинается регион, соответствующий элементу воды. Руна ᛖ иероглифически похожа на коня — отсюда идея водных коней, известных фольклору самых различных народов мира.

ᛗ, «man», «madr». Эта руна переняла «m» от предыдущей ᛖ. Кроме того, ᛞ, двойной топор («dag»), привнес сюда звук «d». Эта руна поздняя и составная — она означает человека с топором, но человек здесь появился согласно той же цепи, что и в 16-рунном Футхарке: весной, 〜 ᛉ, «m-k». Осенью вода, 〜, и ᛦ, корень, влекут ᛖ и ᛉ, «k» (человека) из весеннего сектора. И даже в 24-рунном Футхарке, где «m» оторвалось от ᛖ, оно появилось в следующей комбинированной руне. Интересно, что ᛗ — это «d» («t») и «m», или «m-d» («m-t»). Семитское «Адам» и санскритское «Атман», "Я", «сам» логически вытекает из этого сложения ᛖ и ᛞ (вода и топор).

ᛚ, «lagu», в 24-членном Футхарке играет дополнительную роль крюка, притягивающего Небо и Землю для иерогамии, священного брака.

ᛝ, 22-я руна — «ing» — и есть знак этой иерогамии; «n» и «k», как ᚳ и ᚴ уже нами были разобраны.

ᛟ, 23-я руна, «odil». Изначально она называлась «so» и была вариантом ᛋ, (ᛟ). Потом из-за своего места перед ᛞ, «dag», она стала «od», потеряв «s» и приобретя «d» следующего знака; «il» — это имя бога и «светящегося озера», ᛚ. Иначе говоря, ᛟ, «odil» — это «od il» («од» «ила»). «Od» — божественное вдохновение, дух, атман. Собственно, это ᛟ и появляется в качестве Духа Божьего («od»), который Бог («il») вдохнул в Адама, ᛗ. Руна «odil» синонимична ᚢ и ◯, то есть петле, одинарной или двойной. В Арктике постепенно сужающаяся дуга предновогоднего солнечного пути — это стягивающаяся петля, позже — «узкий вход» Евангелия. До Нового Года Сын Божий ее стягивает («связывает»), после Нового Года распускает («разреша-

ет»). Смысл «od» как жизненной силы в том, что это петля судьбы и одновременно два солнца, ⚲, — зимы и лета, Жизни и Смерти. Это также капля Живой воды, напитка бессмертия.

⋈, «dag» или «t-k». Это ключевая руна южноатлантического ряда. Это точка соприкосновения двух годов, старого и нового: старый год — это «t», ↑, новый — «k», Y. Двойной топор — это переход «t» в «k», или от «t» к «k» (ср. по-русски: предлог «от» содержит «t», а предлог «к» буквально совпадает с «k»). Это символ волшебного котла Бога-Дагды, ⧗, не пустеющего, несмотря на то что из него едят все. Озвончение согласные «t» и «k», превратившиеся в «d» и «g», получили в поздний период.

В целом использование наложения двух кругов рун — 16-членного для года и 24-членного для суток — привело к искажению культовых законов сакральной фонетики священного языка. Дело в том, что годовое расположение круга Юг относит к годовой полночи, а Север — к годовому полдню. В сутках эти ориентации переворачиваются — полдень соответствует здесь Югу, а полночь — Северу. Отсюда перенос звонкой вокализации (media) из длинного дневного ряда на область глухих или придыхательных звуков годового короткого ряда, отсюда же и другие подобные явления. Это сильно спутало изначальную логику священного языка.

ЗВЕЗДЫ

Три созвездия выделены особо в нордической традиции: это созвездие Лося (Близнецов), Быка и Овна. Среди этих созвездий распределены основные согласные звуки нордического языка:

Лось — «k», Y

Бык — «t», ↑

Овен — «p», ǂ

По периодам их прохождения через узловые точки годового круга, кресту солнцестояний и равноденствий, древняя раса

отмечала двухтысячелетние прецессионные эпохи. Особенным значением были наделены прохождения этих созвездий через точку зимнего солнцестояния — последний раз это было в период XII—VI тысяч лет до Р.Х. На этот период падают важнейшие геологические события последних эпох. Это конец палеолита и 2/3 мезолита. За 10 тысяч лет до Р.Х. было внезапное повышение уровня воды в океане, что привело к гибели континента Атлантида. Эпоха Быка — это полноценная календарная эпоха, на которой остановилось царство южноатлантической традиции. Конец эпохи Тельца — гибель культового центра южных атлантов Мо-Уру. Эпоха Тельца была настолько полноценной в символическом смысле, что в период вхождения этого созвездия в точку весеннего равноденствия — спустя 6 тысячелетий после его нахождения в точке зимнего солнцестояния — произошло возрождение культовой символики повсюду, где были атлантические традиционные центры, и особенно южноатлантического происхождения.

Исчезновение североатлантического культового центра произошло на 2 тысячелетия позже, и североатлантический календарь застыл в конце эпохи Овна, хотя позднее Футхарк с этой поправкой и стал составной частью южноатлантической календарной традиции. Поэтому активизация северных атлантов в неолите и бронзовом веке произошла в период вхождения созвездия Овна в точку весеннего равноденствия. Следы древнейшей эпохи Лося, Оленя, хотя и явно наличествуют в протоисторических модификациях календарного языка того периода, но все же они не столь непрерывны, сколь сакральные формы эпохи Тельца, и не так ярки, как сакральные формы эпохи Овна. Вхождение созвездия Лось (Близнецы) в сектор весеннего равноденствия в VI тысячелетии до Р.Х. (и прохождение созвездия через эту точку, длившееся 2000 лет) почти никак не отразилось на общей панораме астрально-языковой символики культового календаря.

Сами знаки зодиака, происходящие из рунических иероглифов, возникли в атлантическую и постатлантическую эпохи. Со-

звездие получало определенный знак в момент своего нахождения в зимнем солнцестоянии (позже — в весеннем равноденствии). Итак, атлантические эпохи таковы:

1. Лев — астрологический знак ♌ — произошел из знака ᚢ, «ur», 16000—14000 лет до Р.Х.

2. Знак Рака, ♋, трансформировался из расколотого Ϛ, то есть ◯, 14000—12000 лет до Р.Х.

3. Близнецы, ♊, — перевернутый знак ⊢⊣, то есть половина ᚺᚺ, ⊕, 12000—10000 лет до Р.Х.

4. Бык, ♉, ∀, из руны ᚦ, представляющей собой расколотый ◊, 10000—8000 лет до Р.Х.

5. Овен, ♈, из ↑ или Y, 8000—6000 лет до Р.Х.

6. Рыбы, ♓. Возможно, более древний иероглиф Рыб, ᛟ ,возник из руны «odil», 6000—4000 лет до Р.Х.

7. Ближневосточная эпоха Быка, ♉, уже исходя из весеннего равноденствия, 4000—2000 лет до Р.Х.

8. Ближневосточная эпоха Овна, ♈, 2000—0 лет до Р.Х.

9. Современная эпоха Рыб, ♓.

Остальные знаки зодиака: ♍ — Дева, ♎ — Весы, ♏ — Скорпион, ♐ — Стрелец, ♑ — Козерог и ♒ — Водолей, также, очевидно, развились из руническо-мифологических концепций. В эпоху весеннего Быка три зимних созвездия были, возможно, названы водно-земными именами (Рыба, Козерог — Рогатая Рыба в древней иероглифике, Водолей). Знак Водолея, возможно, развился из руны ᛗ, также являющейся иероглифом Коня (отсюда мифологический Водный Конь, Морской Жеребец). Козерог, ♑, вероятно, образовался из предновогодней руны «odil», ᛟ. Стрелец в эпоху весеннего Быка находился в секторе осени и там, скорее всего, получил знак ↑, «tiu», Туисто, ♐, с дополнительной поперечной чертой. «Тиу» и сам, как известно, стрелок из лука. Близкий к нему Скорпион также позаимствовал иероглиф ↑, но как второстепенную деталь — ♏, ↑ здесь перевернуто — ↓. Это также иероглиф якоря. Само ᛗ (здесь и в знаке Девы) может представлять собой как знак воды, ∼∼, так и курсивное написа-

ние руны «hagel» в одном из ее вариантов. В случае созвездия Девы, находившегося в период весеннего Быка в секторе летнего солнцестояния, вероятнее предположить как раз происхождение из руны «hagel», ᚻ, имеющей летом в 24-рунном ряду целых 2 варианта: ᛡ или ᚻ (собственно «hagel») — в начале лета и ᛉ, «ilx», «ilk» или «ilge» — в середине—конце лета. Наконец, Весы, ♎, напоминают «peorp», ᛈ, руну летнего топора, следующую за «is», |, и «eoh», ᛇ, которые могли и совпасть (или же руна «eoh» «выпала»).

Арктическое месторасположение изначальной Традиции отрицает древность зодиакальных животных исторической астрологии Шумера, Ассирии, Китая, Египта, Греции и т.д. На их месте некогда стояли чисто арктические животные, по фенотипической или иной аналогии с которыми были лишь в поздние эпохи введены в зодиак Львы, Пантеры, Кошки, Обезьяны и т.д. Изначальными животными неба были Волк (Собака), Медведь, Кабан, Лось (северный Олень), Мускусный Бык и т.д.

ПОЛ

Древнейшая нордическая религиозная практика находилась в руках женщин, «Белых Жен», чьим отголоском были весталки Рима и пифии, жрицы Аполлона в Дельфах. Женщина в нордической религии воплощала безграничные потенции космических превращений, священные силы вечного возвращения. Из Женщины-матери появлялись люди, из черной — ночной и зимней — женщины-земли появлялось Солнце. Из Матери-Силы появлялся Сын Божий, Свет Мира, смысл космоса. И снова в материнское лоно возвращался умерший человек, но только уже к Матери-Земле. И солнце зимой, уходя во мрак, погружается в «место Силы» Матери Сына Божьего. Так, из Женщины, к Женщине и через Женщину, сквозь Женщину осуществляется цикл святого, мыслящего субъекта Мира. Поэтому именно жен-

щине была вверена в нордической традиции жреческая функция, то есть совершение главных, и особенно погребальных, обрядов. Погребальные обряды были вообще центральными в этой традиции, так как именно они имели прямое отношение к точке зимнего солнцестояния человеческой судьбы, к точке, где осуществляется тайна воскресения, тайна вечности, тайна перехода от старого, умершего, к новому и пылающему существованию. Женщина-жрица была воплощением именно этой поворотной мистерии зимы, хранительницей священного знания рун, заместительницей той космогонической Силы, которая убивает и воскрешает не только людей, но и целые миры.

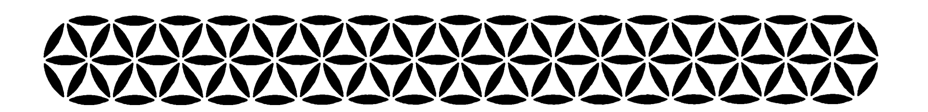
Однако жреческая роль женщины не подразумевала в буквальном смысле слова матриархат, поскольку именно Сын Божий, «Муж небесный», Свет Мира являлся логическим центром, а также управителем космоса и нордического общества. Вся сфера дневного позитивного бытия «управлялась» из точки летнего солнцестояния, где Свет Мира сиял в своей небесной полноте. (Поэтому китайские Императоры носили одежды желтого цвета, что должно было символически соответствовать лету и летнему солнцестоянию.) Дуализм полов соотносился с дуализмом нордической космологии: верхние сферы — мужчина, царь, небо; нижние — женщина, жрица, земля и вода.

Признаком нордического происхождения является полное отсутствие чувственно-эротической культовой символики — фаллических или ктеических изображений. Пол в нордической традиции был отражением интеллектуальной, духовной сакральной структуры божественного мира, поэтому он никогда не был самодовлеющим или натуралистическим содержанием культов и ритуалов. Жреческая функция женщины сакрализировала и одухотворяла вопросы пола и придавала им подчеркнуто иерогамический («священнобрачный») характер. Половой символизм с фаллической доминантой был признаком упадка нордической расы и результатом ее смешения с низшими, животными, автохтонно-евразийскими расами, у которых натуралистические импульсы и инстинкты доминировали над чистым

интеллектом и световой природой. Изначальная культовая символика Севера не предполагала никаких изображений и фигур, кроме календарно-геометрических фундаментальных знаков, перворун, никогда не обозначающих ничего конкретного и предметного. Истоком этих знаков и целью их был чистый Дух и Мысль Божия. Именно эти руны «объясняли» предметы, схожие с ними, включая половые признаки. К примеру, «is», |, — парадигма фаллоса, а ◇ или «ing», ᛝ, — парадигма ктеиса. Но культ и его элементы характерны именно тем, что только они являются мерой для всего остального, а отнюдь не предметы и атрибуты вещей и существ. Отсюда логически следует полная и необходимая десенсуализация нордической Традиции.

То же самое можно сказать и в отношении древнейшей традиции передачи материнского имени в роде. Это было не следствием матриархата, но, напротив, следствием светового, интеллектуально-трансцендентального отношения к мужчине, полюсу мира, солнечному человеку (Sonnenmensch), который не «перетекает» в род, но существует в роде, как в чем-то внешнем, как в космосе, в земле, в женщине. Половая реальность в нордической Традиции и у нордической расы была божественно-интеллектуальной, космической и символической, лишенной малейших признаков животности, натуралистичности, природной брутальности и спонтанности.

Всякий человеческий брак был иерогамией, космическим опытом, духовным феноменом, культовым деянием, связанным с тайной смерти и возрождения. Такой брак был и на земле небесным соединением мужчины — Духовного Света — и женщины — Творческой Потенции. Их взаимные функции полностью определялись символизмом арктического года, и целью их союза было возрождение чистой расы — расы Солнечных Людей, чьим высшим догматом являлись Божественная Справедливость, Абсолютная Гармония и Закон Вечности.

Глава 2

ГИПЕРБОРЕЙСКАЯ ТЕОРИЯ И МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

ЛЮДИ-ЗВЕРИ И ЛЮДИ-БОГИ

Расовый дуализм не сводится к утверждению двух радикально различных животных типов. Группы крови и цвет кожи, возводимые к двум расовым полюсам (к древней нордической расе Арктики и к южной расе Гондваны), отражают гораздо более глубинное различие в рамках человеческого вида. Это различие состоит в фундаментальном онтологическом и гносеологическом статусе расовых типов. В конечном счете нордическая раса — это раса Субъекта, а южная гондваническая — раса Объекта.

Сущность субъектного статуса человека — в его коренном отличии от окружающего мира, в его несовпадении с космосом, в его внутренней причастности к трансцендентному, надкосмическому Принципу. Сам запредельный Принцип обозначается обычно как Бог-Отец. Субъект же — Бог-Сын, пришедший в мир, но не рожденный миром, не являющийся его частью, деталью. Субъектное измерение может наличествовать во всем космосе — как его «световое» четвертое измерение, как его «световая» духовная подоплека. Сумма этого имманентного Света, Свет Мира — это Великий Субъект. Малый человеческий субъект — это частичка Великого Субъекта, и хотя это всего лишь частичка (что выражается в телесности, а значит, в принадлежности к космосу), но она имеет все основания считать себя сущностно надкосмической. А потому она может действовать как абсолютный Царь Мира, следуя в этом за самим Сыном Божьим.

В реальности Человек-Субъект реализует свое световое измерение через особое свойство — Разум. Разум в нордическом смысле — это способность привести каждый элемент наличного космоса (или комбинацию таких элементов) к единой духовной парадигме, в которой данный элемент откроется не как нечто самостоятельное и самотождественное, но как идеовариация Принципа. Можно сказать, что Разум — это способность реально возводить вещь к ее духовной первопричине, освобождать ее тонкую эссенцию из-под гнета конкретности. Но коль скоро Субъект наделен разумом и в познании его цель — привести вещь к Принципу (Богу Отцу), то фактически процесс сознания является процессом «введения вещи внутрь Субъекта» с последующей «переправкой» еще выше или, точнее, еще глубже, к Богу-Отцу. Человек-Субъект через разум «связывает» вещи с их истоком. Само же содержание разума — идеи — и является промежуточной сферой между внешним космосом и Богом-Отцом. Поэтому Человек-Субъект — это человек-идея, человек-мысль, человек-связь-с-Истоком.

Ему противостоит человек-зверь, Человек-Объект. Этого противостояния не было бы, если бы человек-зверь являлся только зверем, животным. Но в той мере, в каковой человек-зверь проявляет имитативно все собственно человеческие, псевдосубъектные качества, и следует, действительно, вести речь об оппозиции. Настоящая оппозиция никогда не возникает просто между одним и другим. Она наличествует лишь там, где сталкивается подлинное и парадийное, реальное и иллюзорное. Просто звери — это особый вид существ, который подчеркнуто отличен от человека. Человек-зверь — это не только нечеловек (как обычные звери), это античеловек. В нем вся имплицитная божественность Человека-Субъекта полностью превращена в свою противоположность, то есть в антибожественность, в максимум объектности, вообще возможной в этом мире. Человек-Объект гораздо более материален, нежели сама материя, поскольку чистая материя (чистая объектность) заведомо находится на периферии космоса, на самой внешней границе реальности, а Человек-Объект, человек-зверь, за счет своей имитативной человечности стоит в симво-

лическом «центре вещей», на царском месте Сына Божьего, космического Субъекта.

Если сущность Человека-Объекта, конечно же, нечеловечна, то есть объектна или антисубъектна, его внешние признаки имитируют человеческий тип в его основных чертах. Человек-зверь имитирует мысль и слово. В этой неправомочной с точки зрения космических законов узурпации мысли и слова Человеком-Объектом и состоит максимум генного зла, максимум «расового греха», не просто против вида, но и против всего устройства мироздания.

Мысль — это качество Субъекта. Сущность ее — в возведении конкретного предмета к световому архетипу, к идее и в конечном счете к “Я”, и далее через него к Богу-Отцу. При этом процесс мысли должен быть единым для всех уровней реальности, и «причинная энергия» перехода от конкретной вещи к световому архетипу влечет за собой сразу же переход от архетипа к “Я”, а от “Я” — к Богу-Отцу. В этом процессе снимается всякий гносеологический дуализм: Бог познает через Субъекта и далее через свет архетипов конкретику космоса, одновременно с растворением конкретного космоса через световой архетип Субъектом и выше Богом. И при этом это суть не два действия, а одно и то же. Пародия мысли в Человеке-Объекте открывается через неполноту самого процесса мысли, через его частичность, и поэтому единая божественная мысль расщепляется на две или более составляющих (например, переход конкретности к световому архетипу, но не далее, или даже к Субъекту, но не сквозь него — что сразу же отрицает и световое качество архетипа, и саму субъектность субъекта). Так, расщепленная спародированная мысль превращается в антимысль, в корень умственного недуга, в неизлечимое искажение интеллектуальных пропорций. Человек-Объект не мыслит, но имитирует мысль. Именно он создает через специфику своей противоестественной гносеологической позиции все варианты интеллектуального вырождения: от люциферизма и солипсического произвола, через паганизм и политеизм вплоть до фетишизма и откровенного материализма.

То же самое происходит и в сфере языка — сокровищнице мысли. И здесь Человек-зверь разрывает теургическую связь между называемым предметом — языковым и сверхпредельным архетипом, наконец, Богом-Словом («Бог есть начало того языка»), связь, составлявшую основу сакрального языка гиперборейцев. Космический годовой архетип, из которого развились слова и звуки в Арктогее, раздробился в сознании Человеков-Объектов до чистых фрагментов — «слов», «грамматических конструкций» и т.д., которые имели либо сугубо конкретный, либо абстрактно-методологический характер — вне интегрального строя — Великого праязыка расы Севера. Естественно, Человек-зверь не создает язык. Он его узурпирует, как попугаи или сороки. Но, в отличие от говорящих птиц, он пародирует на «горизонтальном уровне» абстрактную логику, в истинном языке имеющую вертикальный характер связи между собой различных онтологических, иерархических пластов. В принципе же язык человеко-зверей — это солипсический произвол (человеко-зверь не имеет и не хочет иметь ни малейшего представления о том, почему эта вещь называется так, а не иначе, а значит, она теоретически может быть названа и по-другому) и подчинение языковых концепций грубой конкретике вещей — коль скоро язык у человеко-зверей вспомогателен и вторичен по отношению к предметам. Такой язык не просто не-язык, а антиязык.

Расовый дуализм, таким образом, имеет четко онтологический, гносеологический и метафизический характер — в нем фиксируются оба полюса космоса: световой субъектный полюс (нордическая раса, Человек-Субъект, человек-царь) и темно-объектный полюс (гондваническая раса, Человек-Объект, человек-зверь). В принципе необходимость античеловека (человека-зверя) в рамках человеческого, или почти человеческого, типа определена синтетичностью этого вида, его центральностью, его всеобщностью, с необходимостью включающей в себя оба лимита космической дуальности. Физическое звероподобие Человека-Объекта, его неандертальский фенотип — знак инаковости. Частичная схожесть с нордическим, долихоцефалическим типом — знак имитации.

Человек-Субъект соотносится с Человеком-Объектом, как белое с черным.

Индуистский миф о происхождении людей сообщает о создании трех высших каст — дваждырожденных — из разных частей Архетипа, Праджапати, космического Субъекта. Из головы — брахманы (жрецы), из рук — кшатрии (воины), из желудка, гениталий и бедер — вайшьи (торговцы, ремесленники, землепашцы). Четвертая каста — шудры (рабы) — родилась из пыли под ногами Праджапати, то есть не из него, а из-под него. Из чего-то иного, нежели он. Шудры — типичные Человек-Объекты. У них нет ни своих ритуалов, ни своей доктрины, ни своего языка. Они существуют за счет высших каст и материально и интеллектуально.

Рожденные из пыли под ногами Субъекта существа и сами прекрасно ощущают свое инфрачеловеческое происхождение. Одной разновидностью этого самопризнания является вырождение архаических традиций до стадии тотемизма, восприятия в качестве своих предков животных, что невозможно для Человека-Субъекта, прекрасно осознающего символизм роли священных животных в Традиции и культах. Другая, более современная, форма самосознания человеко-зверей — это эволюционизм, дарвинизм и марксизм, то есть учения о происхождении людей от обезьяны. Естественно, сама такая идея могла возникнуть только у настоящих потомков «Говорящей Обезьяны», гондванического протонеандертальца, зверо-демонического первопредка южной расы. Включение этой обезьяны в человеческий контекст описано в «Рамаяне», где аватар-Рама пользуется услугами Сугривы и Ханумана (двух обезьян), а также их подданных в целях спасения своей жены Ситы. На потомков этих героических обезьян легло благословение Рамы, и, несмотря на то, что сам Хануман своим благочестием и преданностью стяжал личное духовное спасение себе и другим облагороженным подвигом обезьянам, сам род обезьян постепенно выродился и реализовал свои демонические качества (особенно в эпоху пролетарских, марксистских революций).

Различие групп крови служит тенью фундаментального видового различия, и поэтому смешение полярно противополож-

ных рас следует рассматривать как межвидовое миксовариативное скрещивание. Более того, это скрещивание предопределяет двойственность человеческого мышления и языка, которые, будучи одним и тем же, могут иметь диаметрально противоположное качество в зависимости от того, чьи «гены» — Бога или Демона-обезьяны — возьмут верх в каждом конкретном продукте миксовариативной цепи. Если нордический человек относится к гондваническому «человеку» как Предмет к своему зеркальному отражению (в кривом и пыльном зеркале, само собой разумеется!), то несчастные потомки их противоприродного, патологического, греховного союза в самих себе несут эту раздвоенность, эту самоотражаемость, саморефлексию, порождающую в них чувство сомнения, вины и первородного греха.

МЕТАФИЗИКА ГОДА — ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Год — это символ всего времени, его полного цикла. Поэтому логика года, его этапы, сезоны, его качество, его течение заключают в себе краткое повествование о всех уровнях Бытия, предстающих в последовательном развитии или обнаружении. По аналогии с годом можно судить и о веке, и о самом Бытие. Год — это краткий курс метафизики, преподанный Богом Субъекту через космос.

Год является наложением и проявлением двух фундаментальных категорий телесной реальности — пространства и времени. В нем пространство и время открываются друг через друга, обнаруживая свою качественную онтологическую структуру. Наиболее чистым годом, наиболее ясным повествованием о путях бытия, является арктический год, гиперборейский год, год—день Богов.

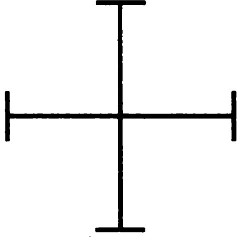
Сущность арктического года — это те метаморфозы, которые происходят с Сыном Божьим, Светом Мира, от сезона к сезону. В этих метаморфозах открывается тайная структура реальности. Путешествие Света Мира по годовому кругу и его

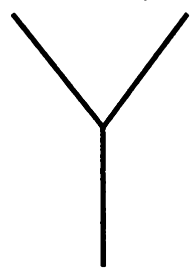
превращения составляют главное содержание Примордиальной Традиции и ее языка.

В гиперборейском годе можно выделить как пространственный (синхронный), так и временной (последовательный) планы.

Пространственный аспект года может быть определен как несколько ключевых «мест» (τόποι), «стоянок», «домов» Сына Божьего. Можно представить их в виде креста Сен-Лоррена, креста ориентаций.

Другая примордиальная форма пространственного аспекта может быть описана иероглифом Y, «Треножник Аполлона».

Крест Сен-Лоренна символизирует четыре основные стадии состояния Субъекта космоса. Их можно назвать «четырьмя Домами света». Они соответствуют четырем основным состояниям онтологии, определяемым в соотношении с Субъектом, мерой всех вещей.

Первый Дом — это Дом рождения и смерти изначальной и конечной ночи. Это также могила, материнская утроба, зимнее солнцестояние, предел Бытия. Римляне называли этот Дом — «Небесные Врата» (Janua Coeli). Через эту «точку» или «место» проходит линия (дорога), соединяющая Бытие с За-Бытием, иными словами, то, что Есть с тем, что Не-Есть. Специальный символ этого Дома — ⊥, «молот Тора». Это «жили-

ще Бессмертных», другими словами, обитель тех, кто выше Бытия, кто за рамками не только времени и пространства, но и самого Света. Собственно запредельным является не весь этот Дом, но лишь одна его «бесконечно малая часть» — беспространственная и безвременная точка пересечения вертикали с горизонталью. В этом уникальном «месте» расположен разрыв в Бытии, выход за его рамки. Это — Святая Святых года, алтарь трансцендентного Духа, обитель Бога, Бет-Эль (Вефиль). В силу наличия такового разрыва символами этой точки в традиции часто являются орудия разделяющие, разрубающие, разрезающие, раскалывающие: *Топор, Меч, Молот* и т.д. Точка разрыва является одновременно точкой Истока, точкой истинного Центра (но не середины). В метафизике, в отличие от геометрии телесного мира, Центр совпадает с Истоком, с началом, с верхом, а не с серединой, расположенной между верхом и низом или в равном удалении от верха и низа. Из этого Дома приходит в космос Свет Мира, Сын Божий, Субъект, и в этот же Дом он возвращается для встречи с Отцом, в нем он скрывается. Этот Дом Света — храм по преимуществу, вместилище Альфы и Омеги, начала и конца.

Будучи разрывом, первый Дом может быть обозначен не как ⊥, а как ⌋⌊. В таком случае он распадается на две части, два места: место «до» точки разрыва, «перед» этой точкой, и «после», «за» ней. В треножнике Аполлона, Y, нижняя черта означает саму точку, слева от нее — место «до», справа — «после». В данном виде, ⌋, — это «пространство смерти», а ⌊ — «пространство Жизни». На оба этих «пространства» падает тень запредельности самой точки разрыва, «темнота», «тьма» этой точки. Но теперь Дом ⌋ означает «тьму внизу», а ⌊ — «тьму вверху». (Что в точности соответствует нижним и верхним водам Книги Бытия.) В Доме ⌋ Свет Мира облекается во Тьму Мира, теряет очевидность своей световой природы. Здесь Сын Божий — в предельной степени страдания, гонения, мучения. *Здесь он побеждаем силами космического Зла.* Здесь место его мученической смерти. ⌋ — иероглиф Ночи и Ада.

Напротив, ˪ — это верхняя тьма животворящего Духа. Сын Божий здесь еще скрыт от космоса, но уже явлен как принцип. Он воскрес и уже предопределил этапы своего пути к Славе. Он победил смерть и тайно правит всеми планами мироздания. ˪ — это Небесный Дворец, палаты царствующего невидимого Субъекта.

Так, первый Дом Духа имеет три отделения:

1) место для жертвоприношения;

2) тайный алтарь разрыва;

3) тронный зал невидимой власти.

Это — трехликий Янус, чей тайный лик, лик разрыва, невидим непосвященному. В этой точке сосредоточено все пространство, ведь последнее представляет собой лишь разворачивание этого священного региона, великого культового центра гиперборейцев, далекой Туле, носящей имя солнца.

Второй Дом Духа — это ⊣. Это — Дом подъема и появления света в его открытой форме. Здесь космический Субъект простирает свое качество на космос, согревает и оживляет его, начинает питать его своим духом, обнаруживаясь, и через это представая в своем царственном облике пред ликом мира. Это — «Дом обнаружения», в нем «тайное становится явным», «невидимое видимым», «темное светлым» и т.д. Можно сказать, что регион ⊣ — это место Блага, жизни, святости, красоты, победы. В этом регионе онтология поклоняется Субъекту, космос тянется к свету, пришедшему из-за предела. Бытие склоняется к Творцу, повинуется ему, и Творец соучаствует в Творении, присутствует в нем.

В третьем Доме наступает абсолютная и окончательная трансмутация Бытия, его озолочение, его окончательное очищение. Здесь Свет Мира царствует совершенно открыто и явно, а его власть не имеет ни малейшей преграды. «Все» является здесь лишь «продолжением» Сына Божьего, его прямым отражением. Бытие в Доме ⊤ как бы прячется за спину Духа, и космос представляет собой не что-либо отдельное и самостоятельное, но просто прозрачное одеяние света. Это место — «Небес-

ный Рай», царство Логоса, мысли, слова. Это — апофеоз Славы Субъекта, предел его тотальности. Можно назвать это место «местом Богов» или «ангельским миром». Это тронный зал видимой власти, и здесь Сын Божий фактически отождествляется со средой, вбирает эту среду в свое божественное "Я", сублимирует субстанцию мира.

Но и в этом третьем Доме есть точка разрыва, отделяющая ⌉ от ⌈. ⌈ — это сам «тронный зал» видимой власти. Здесь постоянно царит праздник победы. СИМВОЛ — это «ворота вниз», порог пути в подземные миры или по меньшей мере в миры «под Небом». Из этой «Дыры в Небе» выглядывал перед своим падением в гностических легендах Небесный Антропос. Римляне называли это место «Вратами Ада» (Janua Inferni). Обычно точка разрыва этого Дома символизируется *ступенью или сдвигом* одной части знака относительно другой — чаще всего это иероглиф «gir», ς (год). Отсюда начинается изгнание Короля, постепенная потеря Субъектом власти над космосом, первая стадия *отделения Субъекта от мира, света — от своего отражения*. Однако это отделение, этот разрыв являются не тайными, но явными, и поэтому архитектура третьего Дома *известна* для Бытия в ее пропорциях и в ее местонахождении, в то время как пропорции и местонахождение «Тайного Дома», ⊥, сокрыты под строжайшим секретом.

Третий Дом — это мир в его наиболее чистом воплощении («гетик» зароастрийцев, являющийся уплотнением невидимого мира «менок», соответствующего первому Дому), мир в райском состоянии. Одновременно это венец Творения, его последняя деталь.

Выходя из третьего Дома к четвертому, Субъект попадает внутрь Творения, неподчиняющегося ему и предоставленного процессу инерциального распада, разложения. В четвертом Доме, ⊢, Сын Божий отделен от мира, он противостоит ему, воюет с ним. Четвертый Дом — это Дом изгнания, чужая страна, тюрьма, колодец, пещера, подземелье, ад. Здесь Свет

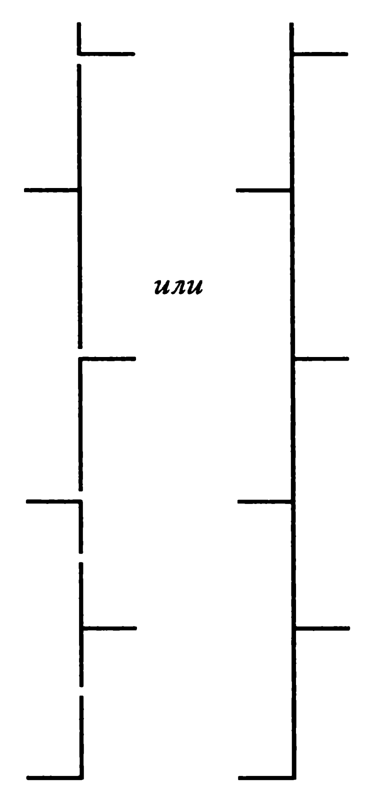

Мира — это не то, что сгущается до степени космоса, это то, что присутствует в космосе, сгущенном уже до предела, не совпадая при этом ни с одной из его частей. В этом регионе Свет Мира горит в мире, скрытый под его грубой и косной коркой. Это место скорби, смертный одр Субъекта, поле проигранной битвы.

Из четвертого Дома Субъект уже больше не появляется. Свет Мира «втягивает в себя» свои лучи, уходя все глубже внутрь, *темнея, чернея, угасая*. Четвертый Дом — последний Дом Мира.

Таково пространство года. Если разбирать сугубо символ ⋎, то ⟋ в нем тождественно ⊣, а что касается части ⟍, то она тождественна ⊢, а ⋁ тождественно ⊤, при том, что | тождественно ⊥ с соответствующим переносом символических значений. Перенеся это на другой план, можно сказать, что ⌊, ⊣ и ⌈ суть три ступени спуска Принципа к Проявлению. Три ступени манифестации. ⌉, ⊢ и ⌋ — это три уровня ухудшения самой манифестации вплоть до энтропического максимума. Так, четыре места Субъекта с удвоением первого и третьего Домов, стало быть шесть мест Субъекта, представляют собой шесть нисходящих метафизических уровней — от тьмы сверху до тьмы снизу. При этом Небесный Рай — среднее звено этих уровней — является бытийным отражением истинного метафизического и сверхбытийного центра: место Сына (3-й Дом) построено по образу и подобию места Отца (1-й Дом), а тьма внизу похожа на тьму вверху. Чтобы различать их, герметическая традиция использует в отношении верхней тьмы определение «черное, более черное, чем само черное». Но ⌋ (место нижней тьмы, могила) не совпадает с ⌊ (место рождения, воскресения). В согласии с индуистским учением об аватарах (нисхождениях) Принципа, Кришна, аватар бога Вишну, говорит: «Когда колесо закона слетает со своей оси (попадает в место смерти), я проявляю себя (в месте рождения)». Две тьмы подобны друг другу своей темнотой, но отличаются друг от друга еще больше, нежели от самого света, так как между ними лежит точка абсолютного разрыва, которую никто не может пе-

рейти, кроме Сына. Это тайный алтарь трансцендентного, вход к самому Богу.

Лестница Бытия — Года

Места Субъекта, как бы мы их ни располагали — вертикально или горизонтально, — образуют территорию года, полотно Бытия, взятого синхронно во всех его состояниях. Можно сказать, что эти Дома существуют параллельно друг другу, и Субъект, пребывающий в каждом из них, предстает одним и тем же Субъектом, только находящимся в разных отношениях с объектами этих уровней, с их средой. Субъект тождествен самому себе и в невидимом тронном зале, и в месте Благости, и в Небесном Раю, и в изгнании, и в могиле, и даже пребывая у самого Отца. Различаются лишь качество и плотность соответствующих онтологических пластов.

В пространстве года, единовременно с пребыванием Субъекта в разных Домах-местах, происходит движение времени — от Дома к Дому, от сезона к сезону. Временной цикл — это непрерывная волна самоисследования Субъекта, поступательно и последовательно различающего свои собственные лики в рамках различных онтологических уровней. Метаморфозы Света Мира, Сына Божьего во времени можно представить как путешествие по Домам года, по его территориям. Проникая в Бытие из точки разрыва, Свет Мира входит вначале в зал тайной власти, потом он переходит (опускается, если смотреть с принципиальной точки зрения, и поднимается, если смотреть с космической точки зрения) к месту Благости, где лучи начинают освещать субстанцию космоса, и наконец прибывает к точке назначения — к триумфальному трону победителя, короля миров, Небесного Императора. Но Субъект даже в лучшем из секторов Бытия, в его собственном секторе Бытия, все равно не тождественнен до конца этому сектору. В Субъекте есть всегда нечто отличное от Бытия, и это отличие может начать реализовываться только после полной субъектизации Бытия в Небесном Раю. Из Рая Субъект уходит в изгнание, в добровольную ссылку (Сын Божий — царь даже в несчастье!). Пределом его страданий и мучений является полное тление, и лишь после испытания смертью его бессмертная сущность в полночь космоса возвращается к великому молчанию Отца. А для субстанции космоса, не имеющей необходимых качеств для понимания происходящей мистерии Зимнего Солнцестояния, мистерии Духовного Воскресения, попрания смерти смертью, начинается новый цикл творения, новое нисхождение аватара, Новый Год. Для самого же Субъекта год всегда один и тот же, как и он сам, как его Отец, как Мир. Субъект пребывает в вечности, он стоит над пространством и временем, внутри Великого Года, будучи слитным с Великим Годом, являясь Великим Годом, но все же находясь над ним, за его пределом, на тайном алтаре Отца.

Дом весны — ⊣; Дом лета — ⊤; Дом осени — ⊢, фактически отражение Дома зимы, но в сердце зимы, ⊥, спит Вечность, абсолютное и бессмертное "Я" Бога.

КОСМОС — ЭЛЕМЕНТЫ И ОППОЗИЦИИ

Элементная логика арктического года влечет за собой несколько проблем. В частности, проблему деления четырех секторов (сезонов) этого года в соответствии с двумя взаимодополняющими подходами: динамическим и статическим. Динамический подход акцентирует направленность движения Света Мира по годовому кругу, ориентацию его движения сквозь Дома и элементы. Статический подход акцентирует качество самой «годовой» среды, то есть сходство в пределах самих элементных секторов. Наложение двух этих подходов предопределяет всю сложность традиционного символизма, развившегося из гиперборейской парадигмы. Рассмотрим эту сложную логику подробнее.

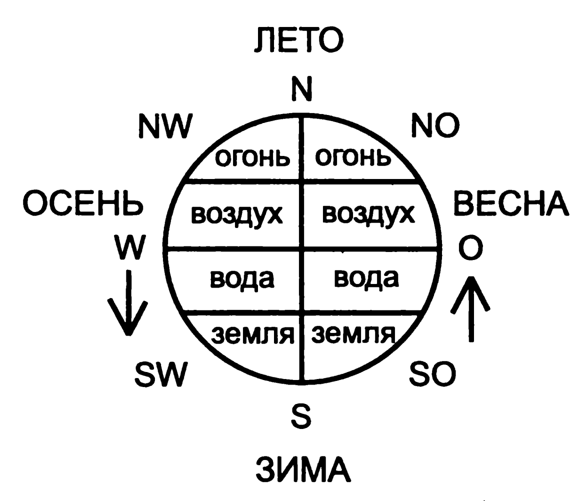
Динамический подход озабочен не столько тем, в нижнем или в верхнем секторе года сейчас пребывает великий Субъект, сколько тем, куда этот Субъект направляется. Поэтому в нем совершенно различными качествами наделяются одинаковые со статической точки зрения элементные области года, однако в зависимости от того, справа или слева от оси солнцестояний они расположены. Таким образом, левые и правые «элементы» космоса дифференцируются: появляются не одна, а две земли, две воды, два воздуха и два огня.

А кроме того, порядок прохождения областей элементов меняется в точках солнцестояний на противоположный, что влечет изменение оценки одного элемента в сравнении с другим.

Правые элементы пути солнца к Северу (деваяна) отмечены позитивностью: это земля живых, живая вода, дух (воздух), парящий над водами, световой огонь (Агни). В этой половине года «Бог соучаствует в мире» (по словам Платона). Однако метафизический смысл проявления божественного Субъекта в космосе дает возможность рассмотреть порядок чередования элементов двояким образом: субстанциально и эссенциально, то есть с точки зрения космоса и с точки зрения Принципа. Так, с точки зрения космической путь деваяны представляет собой становление, утончение и возвышение элементов, их позитив-

ную «конверсию» (в герметической терминологии). Из благой земли начинает бить источник вод, испаряющийся в воздушные выси и сверкающий в абсолютном дне-свете-огне арктического летнего солнцестояния. Так сияющий космос восходит к триумфу из оплодотворенной Богом утробы зимней арктической ночи (благой ночи). С космической точки зрения деваяна — это, безусловно, улучшение стихий, где вода — лучше земли, воздух — воды, огонь — воздуха.

Для самого Принципа это соответствие обратно. Конверсия элементов в первой половине года есть ухудшение, имманентизация стихий. Земля здесь — высшая твердь, трон Бога. Вода — верхние воды, «хляби небесные». Воздух — сфера движения и метания, мир души. И, наконец, огонь — это огонь, зажженный на «земной» земле в ее сакральном центре, как предел проявления и тем самым сгущения духа вплоть до его видимого образа, сознательно умаленного, чтобы «не разрушить» космоса, чтобы не разрушить приемлющих дух сосудов, элементов («ваз» в каббалистической терминологии). Здесь, естественно, качество элементов ухудшается от невидимой ночи-земли трансцендентного Бога через всеобъемлющие небесные воды и животворный дух к проявленному световому солнечному телу-огню.

Итак, и в самой деваяне относительно динамической перспективы годовых трансформаций друг на друга накладываются

две логики конверсии элементов; причем в обоих случаях эти элементы сугубо позитивны, чисты и как бы архетипичны: это элементы, принадлежащие световому творению (миру «менок» зороастрийцев). Но в то же время они нетождественны и представляют собой как бы 8 элементов,

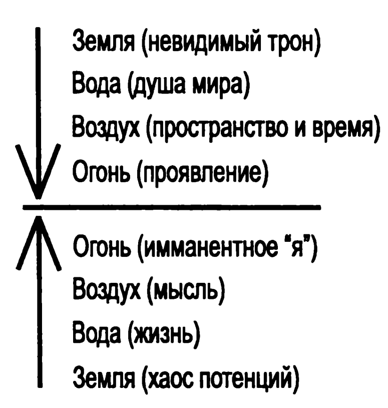

Схема Светового Творения МЕНОК

или четыре концентрические сферы, разделенные горизонталью, которая разводит принципиальные (божественные) элементы, с одной стороны, и субстанциальные (космические) — с другой.

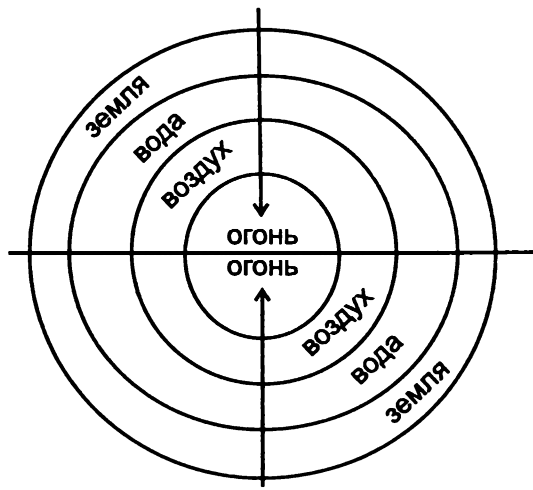

Схема Светового Творения МЕНОК

Таким образом, первый сектор деваяны — пути Богов — является полным онтологическим и космогоническим циклом — циклом Проявления, видимым с двух противоположных метафизических полюсов. И будучи, с одной стороны, лишь половиной всего года, этот сектор, с другой стороны, представляет собой принципиально весь год целиком, то есть всю полноту Мира с Богом, всю полнота реальности с божественным участием. Эта полнота и целостность выражаются также в том, что Субъект проходит весь свой путь через элементы, и точки захода и заката Света Мира обегают за полугодие всю окружность горизонта.

Вторая половина динамического цикла — нисходящая, питрияна, путь предков, путь Ада. Это траектория движения мира без Бога, мира самого по себе. Это путь исчерпания и изнашиваемости. Здесь все элементы относительно негативны. Сын Божий идет здесь от Света-Огня, через жар-ветер-воздух и мертвую воду (воду смерти) к земной могиле, к вхождению в камень.

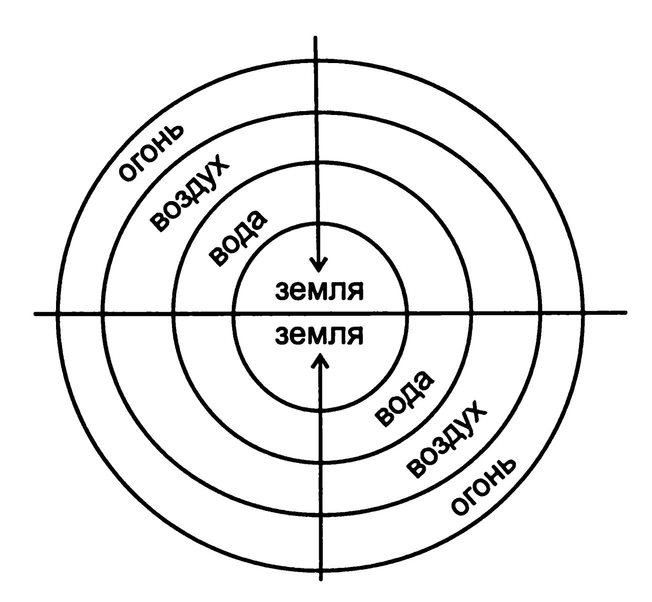
Это процесс диссолюции, растворения мира, его аннигиляции. С другой стороны, это также путь проявленной реальности, спроецированной с принципиального космоса (менок) правой половины круга на космос конкретный, «этот мир», «мир сей» (гетик). «Гетик» — конкретный мир в своем начальном состоянии (дом Огня) — положителен, но не более, чем «одно мгновение», «миг Рая», тут же нарушаемый неумолимой тягой грехопадения осени. Бог не держит более космос, и он отныне подвержен роковой силе тяготения. Здесь конверсия элементов осуществляется в сторону уплотнения: тонкое и неощутимое становится грубым.

Только здесь, в питрияне, элементы космоса впервые «материальны», точнее вещественны. Это путь Прометея и молнии — траектория падения «материального» огня, падение Денницы, Люцифера. Но одновременно это дорога триумфа зла. Поэтому питрияна может быть рассмотрена двояко: 1) как начальное нисхождение субъекта в Ад (трагедия); 2) как торжество внутрикосмического антисубъекта: «духа» разложения, Ахримана, короля левой стороны гиперборейского круга.

Субъектный огонь — тело субъекта (золотой зародыш, hiranya-garbha индуизма) — вначале делается невидимым, тает в

воздухе, становится гонимым ветром («и ветер носил его во чреве своем», как сказано в «Изумрудной Скрижали»), уходит в изгнание. Потом Субъект тонет в мертвой (стоячей) воде, «попадает в колодец», растворяется. И, наконец, он полностью теряет жизнь, соделывается прахом, тленом, превращается в камень (легенда о спящем каменном великане), становится горой, скалой (Шаддаи — «Бог мой, скала моя»). Субъектность на этом пути предков все убывает и убывает, пока в царстве земли она вообще не исчезает (хотя это на самом деле и не так!). Здесь конверсия проходит от «хорошего» к «плохому», и элемент «огня» все же наделен позитивным качеством, будучи единственной нитью связи между питрияной (гетик) и деваяной (менок).

Торжество духа зла тоже начинается с огня. Это подземный огонь Ада, Геенна, поэтому летнее солнцестояние называется Janua Inferni, «Врата Ада». Огонь полыхает в подземных пещерах, пустотах, наполненных «нижним» воздухом.

Сфера Материального Творения ГЕТИК

Несколько выше адский дух становится гнилыми водами Стикса, пока наконец не выходит на поверхность земли и не получает корону князя мира сего, короля земли. Здесь конвер-

сия идет, напротив, от самого плохого (центр зла) к нейтральному (земля как предмет вожделений злого духа).

Очень важно понять, что Субъект в теле огня и адский дух геенны — не только не тождественны, но и прямо противоположны, поскольку они суть два полюса вещественного проявления: жертва и агрессор космической битвы, дух и антидух, архетип и его обратное, пародийное отражение.

Это видно из следующей схемы:

Надземный мир

Огонь (молния, солнце)
Воздух (ветер, подвижность)
Вода (реки, колодцы, озера, дождь)
Земля (камень, могила, скала, гора)

Земля (плоскость, территория)
Вода (подземные воды, Стикс)
Воздух (пустоты, пещеры, лабиринты)
Огонь (геенна, адское пламя)

Подземный мир

Схема внутрикосмической драмы ГЕТИК

Драма двух проявленных огней питрияны: синхронный спуск Субъекта с Неба на Землю, параллельный подъему антисубъекта из-под земли (из ее центра) к поверхности.

Из всех негативных элементов этого левого сектора арктического года небесный огонь является исключением, и поэтому древние арии из всех телесных вещей и стихий почитали только его. Именно небесный огонь, молния (руна ϟ) становится полюсом арктического учения о проявленных элементах — об элементах мира «гетик».

Весь целиком проявленный мир также полноценно охватываем половиной годового цикла, так как и здесь все элементы покрыты «шагами» Божьего Сына, и весь круг горизонта пройден огнями великой драмы — следами «блудного сына», изгнанника, лишенного наследства *Бедного Рыцаря.*

Итак, в динамическом подходе к символизму годового цикла мы получили по четыре разновидности каждого элемента: два из них архетипические и два конкретные, при том, что среди архетипических элементов две земли полярно противостоят друг другу, а два огня сливаются, тогда как среди конкретных элементов два огня полярны по отношению друг к другу, а две земли совпадают.

Так динамический символизм арктического года повествует о великих мистериях Бытия, о судьбе и драме Богов и Демонов, об Истоке Всего и Великом Ничто, о Свете и Тьме Севера.

Теперь к статической картине. Статический подход утверждает однородность всех четырех элементов структуры года. В нем земля, и левая, и правая, — это одна и та же земля, вода — вода, воздух — воздух, а огонь — огонь. Эти четыре элемента суть четыре состояния онтологии, фиксированные и полностью послушные воле Субъекта, они — его отражения.

В верхнем секторе круга Субъект хочет быть видимым, там он — огонь. В нижнем секторе (земля) он скрывается, хочет спрятаться. В промежуточных элементах Субъект и видим, и скрыт единовременно: более видим, чем скрыт, — в воздухе и более скрыт, чем видим, — в воде. Но, как бы то ни было, четыре состояния среды суть четыре «воли» Субъекта.

Такой подход совершенно отличен от динамического, так как здесь элементы не представляют собой метафизических, онтологических, космогонических или даже сакрально-исторических категорий, имеющих относительно самостоятельную роль в реальности ,как 16 «динамических» элементов. Статические элементы — это чисто средовые модальности, уровни плотности, безразличные к фундаментальным позициям теогонии, космогонии и эсхатологии, разворачивающимся в рамках года. Можно сказать, что это совсем другие элементы, четыре дополнительных термина, резко отличных от 16 предыдущих. И тем не менее существует определенная взаимосвязь между всеми пятью одноименными элементами, или, точнее, четыре динамических элемента суть спецификации онтологическо-космического плана относительно принципиального статического элемента, который охватывает их все.

К примеру, наличие земли в статической картине года означает, что великий Субъект хочет быть скрытым. Одновременно это означает, что:

1) он пребывает у Отца, на его троне из тверди (земля 1 деваяны);

2) он не оплодотворяет нижнюю землю хаоса, она темна, и из нее не бьет источник, льды не тают (земля 2 деваяны);

3) он не проявляется в мире, где, по-видимому, «Бог умер» (земля 3 деваяны);

4) на земле людей царит Дьявол, делая землю только землей, а не *сгустком огня* (земля 4 деваяны).

Великий Субъект хочет быть проявленным:

1) Он открылся из-за тверди в виде предвечного Света (огонь 1 деваяны).

2) Он облекся в сияющую плоть очищенного хаоса (огонь 2 деваяны).

3) Он царит в «мгновении Рая» над вещественным миром (пока его не прогонит пылающий меч Архангела — огонь 3 деваяны). Он — огненный предок, дух, данный Адаму Богом.

4) Он провоцирует гибель мира, в котором его место не центрально и поклонение его огню забыто. Огнем Ада и геенны свидетельствует он и в мире ночи о себе, хотя и негативно. Он дает о себе знать (проявляет себя) даже в свое отсутствие, уготовав огненное зло и пекло трагедии тем, кто посмел смириться с его отсутствием (огонь 4 деваяны).

Подобным образом следует рассматривать и другие элементы.

Впрочем, возможна не только спецификация динамических элементов относительно статических, но и наложение одного динамического элемента на качество среды статического элемента. И хотя этого наложения не происходит в примордиальной нордической традиции, основанной на неподвижном круге священного года, в прецессионном календаре (и прецессионном языке) Северной и Южной Атлантики — иными словами, географически — южнее, а исторически — позднее — эти наложения случаются, когда один круг элементов (динамический или статический) привязывается к эклиптическим созвездиям, а другой остается слитым с годовым циклом. Отсюда можно вы-

вести все инициатические сакральные повествования (сохранившиеся в священных текстах, преданиях, мифах, символах, легендах, вплоть до фольклора), где играют роль элементы или нечто, с ними связанное. Обладая гиперборейской архетипической концепцией 16 + 4 элемента, нетрудно расшифровать любой сюжет подобного рода и объяснить любые парадоксы символических инициатических историй. Все исторические учения об элементах — отзвуки великой гиперборейской теории. И, естественно, центральное место во всех этих учениях должны занимать эссенция, квинтэссенция, универсальный элемент, символизирующий самого великого субъекта, *Свет Мира*, метафизический эфир Бытия.

СМЫСЛ АРИЙСКОГО ДУАЛИЗМА

Основа гиперборейской религии — в *дуализме*, хотя она при этом никоим образом не отрицает единства Принципа. Ее дуализм не теологический, он принадлежит к иной, сверхонтологической сфере, и поэтому он не имеет никакого отношения к поздним и деградировавшим формам дуализма.

Дуализм нордической расы ставит следующую дилемму: как сочетать трансцендентность Бога с имманентностью мира? Мир дан как космос, и каким бы чудесным этот арктический космос ни был, он всегда меньше, чем Бог-Отец и даже чем Бог-Сын. Значит, между явленным и неявленным наличествуют полярность и напряженность. И сколько бы абстрактных решений (в духе монизма, девоционализма, квиетизма, фидеизма и т.п.) здесь ни предлагалось, все они ничего не значат перед фактом, постулируемым арийской душой: *есть мир и есть Бог, который выше мира, за его пределом*. И никогда, пока есть мир и есть Бог, иначе говоря, пока есть арий, свидетельствующий, что *они есть и не совпадают*, метафизический дуализм не будет снят эффективно, и все благопожелания и надежды, а тем паче иллюзии и солипсический произвол абстрактных умопостроений, останутся ложью, которая вообще никогда не была свойственна *арийской расе, расе субъекта*. Для древних иранцев ложь

была высшим грехом, а говорить правду был обязан в любом случае любой *иранец*, то есть *ариец*.

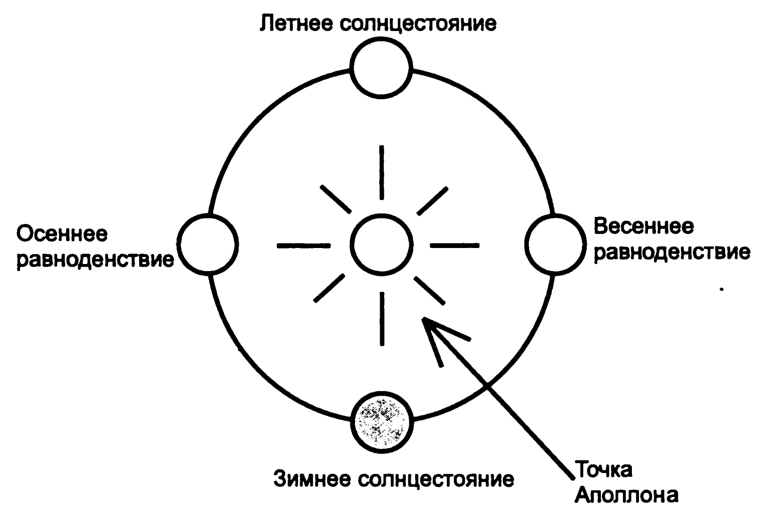
Арийский культ не говорит, хорошо или плохо то, что существуют два фундаментальных полюса реальности: единый Бог по ту сторону и — второе, но всеобъемлющее и пытающееся также выдать себя за единое, — *Бытие* по сю сторону. Религиозная миссия ария — утверждать это, несмотря ни на что, впечатывать это в ткань жизни, в ткань космоса, в ткань природы. Именно сквозь это утверждение о несовпадении трансцендентного с имманентным и понимает гипербореец мир, его ритмы, его послание, его плоть.

Метафизическим результатом этого утверждения является примордиальная фигура сакральной северной земли, венец метафизики, *Световой Сын Божий, мысль Бога, Посланец Иного, Великий Субъект*. Это гиперборейский Бог-Свет: Ил, Аполлон, Тиу и т.д. Он не снимает полярность потустороннего (Отца) и посюстороннего (мира), он есть проблема, вопрос, драма. Он — архетип арийской расы, концентрация свидетельства о наличии Двух, а не Одного, а поскольку в более или менее нормальные периоды истории (кроме современной эпохи) факт наличия мира, имманентного Бытия вообще не ставился никем под сомнение, это свидетельство в основном сводилось к утверждению Иного, Там, находящегося за гранью этого, за пределом, за чертой космоса. Этот гиперборейский Бог — Бог-Сын, Бог-свидетель об Ином, и хотя он «присутствует» в мире, но никогда не сам по себе, а в виде «следа», отпечатка «ноги» или «руки» (как наиболее древние иероглифы наскальных надписей). Бог-Сын, хотя он и имманентный Бог, не тождествен ничему из космоса: он — его творец, его печать, его смысл, его тайная вещь, каковую космос хотя и «ощущает», отражает в своем порядке, но не может «схватить», «познать», «увидеть». Бог-Сын — это Свет глубины вещей, бьющий сквозь них, из-за них, наделяющий эти вещи тоской по Иному, заставляющий их вращаться в стремлении к центру, истоку, Богу-Отцу (нетворящему и несотворенному), стоящему по ту сторону Всего.

Больше всего Бог-Сын, Бог-Свет близок к Году, к Циклу, поскольку именно время наиболее трудно «схватить» и «познать», ведь оно — самое таинственное из всего космоса. Бог открывается в круге, в драме его прохождения, в войне вещей

со средой. Но все же он не тождествен времени. Он, скорее, исток времени, его невидимый архетип, сокрытый эон.

Цикл, и в частности временной цикл, всегда имеет два полюса — начало-конец, верх-низ, пик-упадок. Так в космосе через Сына Божьего запечатляется метафизическое несовпадение трансцендентного с имманентным. Цикл, имея пары противоположностей, тем не менее охватывает и снимает их — указывая, что всякое внутрикосмическое противостояние не фундаментально: оно лишь символ иного противостояния — всего Бытия тому, что выше его. Отсюда особая миссия божественного времени: оно разводит пары (указывая на метафизическую двойственность) и вновь соединяет их (подчеркивая, что разделение было лишь имитацией, указанием, символом, а не действительной войной, так как сам космос един, и по меньшей мере в том, что он не Бог, не сам Бог, а только его атрибут).

Бог-Сын, Субъект Мира — это Субъект гиперборейского культа. Именно он действует и проявляется сквозь свою излюбленную расу, расу Севера, не просто «усыновленную», «принятую» им как бы извне, но им самим, выражением его светового "Я". Утверждение ариями несовпадения Этого с Иным исходит сквозь их индивидуальный дух, от самого Аполлона, иными словами, от начала и конца нордической прарелигии, ее главного

реализатора, ее живого содержания, ее абсолютной цели. Божественное "Я" Аполлона — это точка центра годового арктического круга, не выступающая прямо нигде в своем буквальном проявлении (даже в «месте», «доме» «Тайного Храма», в зимнем солнцестоянии), но именно в ее честь отправляется культ в четырех кардинальных углах Божественного Года, а также в промежутках между ними, и именно ее лучи делают чистую периферию, колею года, священной и божественной.

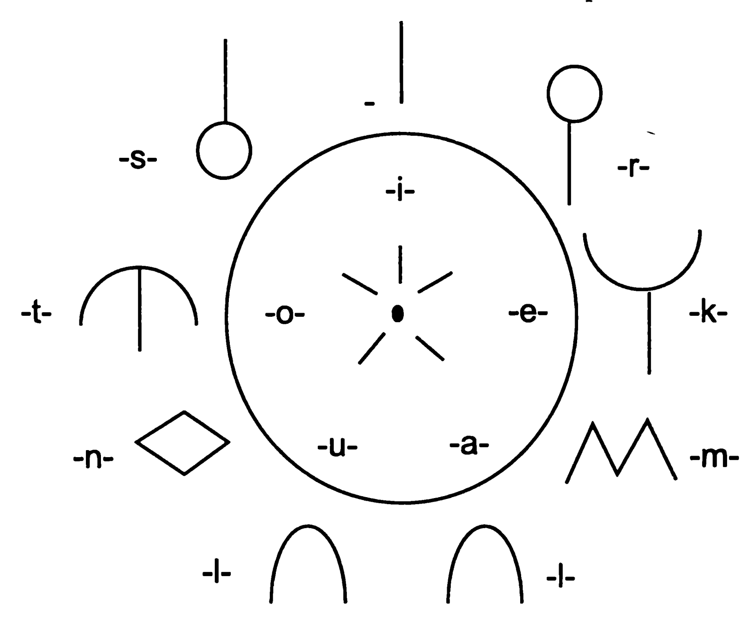
Арийская нордическая пратрадиция не может быть ни измененной, ни дополненной на поздних этапах арийских миграций по планете. Метафизический дуализм всегда остается тождественным самому себе, пока стоит мир. И этот дуализм никогда не снимается с помощью каких-либо интеллектуальных ухищрений. Всякая религия и всякая традиция осмысленны, реальны, подлинны и живы только благодаря их преемственности относительно великой гиперборейской цепи, без которой они превратились бы (и превращаются) в пародию, имитацию, подделку.

Этот аполлонический культ является генетическим содержанием арийской расы. Арий, в сущности, определяется не столько биологией, сколько той метафизической миссией, отражением которой во «плоти» является сама его биология. Арийская раса Субъекта — это раса нордических царей-жрецов. Ее дети утверждают мысль, культ, справедливость, круг и дуальность во всем, с чем приходят в соприкосновение. Арийская раса состоит из сыновей Аполлона, световых людей, ангелов во плоти, и их расовый упадок неминуемо влечет за собой утрату метафизической и посвятительной чистоты примордиальной арктической религии, забвение ее ясного, как Север, содержания.

АРКТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК НЕПОДВИЖНОГО КАЛЕНДАРЯ — ГИПЕРБОРЕЙСКАЯ КАББАЛА

Мы реконструировали изначальный арктический неподвижный календарь, послуживший образцом для более поздних ру-

нических прецессионных календарей. В этом протокалендаре сконцентрированы тайны протоязыка гиперборейцев, их мыслеписьменности. Великий арийский круг помогает понять те звуковые и шрифтовые изменения, которые характерны для североатлантического и южноатлантического вариантов.

Изначальный Рунический Круг

Условной арктической формулой этого письменного календаря можно считать следующую цепь: «lam-krist-nul» (если мы отбросим промежуточные гласные весеннего и осеннего равноденствий «е» и «о»).

Более всего здесь поражают пять центральных звуков KRIST, в которых зашифрована идея гиперборейского лета, полдня, высшего стояния незаходящего солнца, |, с предшествующим апогею подъемом «k-r» (или «k-h-r») и последующим спуском «созревшего плода мира», «s-t». Неудивительно после этого, что арийские народы так глубоко прочувствовали относительно христианской терминологии именно греческий перевод еврейского слова «мессия» («помазанник»), по-гречески Hristos. Ведь в одном этом слове заключена примордиальная

нордическая тайна *незаходящего за горизонт солнца, тайна вечности и вечного* (*невечернего*) *света, Сына Божьего.* Можно сказать, что исторический Исус Христос (кстати, название руны ᛁ было «is», благодаря следующей за ней руне ᛌ, «s», то есть Is [us]) был скорее Омегой гиперборейского примордиального «до-христианского» христианства, а Альфой был изначальный «аватар» северного полюса — «Непобедимое Солнце» (Sol Invictus) — KRIST-Аполлон. И неслучайно христианство распространялось на территориях, ближе всего находящихся к североатлантическим регионам и географически (Европа) и расово (на земле, населенной арийскими народами). «Белый Христос» Северной Европы в Средневековье, подобно живой воде Изначальной Традиции, воскресил культовую память деградировавших наследников гиперборейской мысли, вдохнул новую силу в годовую литургию, возродил тайный гиперборейский круг. Зная о слове, а точнее о формуле KRIST в проторуническом круге, легко понять все те аспекты исторического христианства, которые вообще никак не объяснимы, исходя лишь из иудейской теологии и даже ессейского гнозиса. Христианство на своем гностическом, эзотерическом уровне является откровением Севера, вестью Арктогеи, последним призывом, брошенным павшим ариям.

Можно заметить в этом круге еще несколько инициатических соответствий. Например, три нисходящие после летнего солнцестояния руны — руны гиперборейской осени — образуют корень «s-t-n», из которого, скорее всего, и развился символико-мистический смысл слова «Сатана», «обезьяна Бога», так как левая, нисходящая половина года представляет собой обратное отражение правой восходящей половины.

Поразительно сочетание «n-l» с соответствующей гласной «u» — «n-u-l» в конце года, где свет гаснет, где его яркость равна «нулю».

Но более всего важна сдвоенность «l-l» в точке зимнего солнцестояния. Сама эта точка не называется *вообще никак*. Это «тайное место» даже для гиперборейского гнозиса. Но по обе сторо-

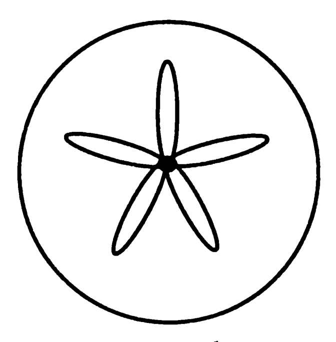
ны от нее расположены две малые дуги — и — «две горы» (более позднее название «ur», «ku» и т.д.). Поэтому «символически» (а не напрямую) этот сектор года — «тайный дворец» — должен определяться словами с удвоенной согласной «l» — «ll»! Наиболее приближенным к изначальной сакральности в этом смысле является имя скандинавского бога «Ullr» или «Ull», и происходит это именно за счет его сдвоенного «l».

Но это еще не все. Гиперборейский круг позволяет приоткрыть завесу над инициатическим смыслом *шахады* — исламского символа веры, которая звучит так: «la ilahu illa `llah», لا إله إلا الله. Все согласные здесь, кроме придыхания «h» — и хамсы (огласовки), это «l», и в принципе нет ничего логичнее, коль скоро речь идет об утверждении наиболее абсолютного понимания Бога, то есть Бога трансцендентного, запредельного и сокрытого в своем «тайном месте». Но в динамике свидетельствования шахады есть противопоставление двух метафизических категорий: «ilah» и «Allah». Одна из них отрицается — «ilah», другая утверждается — «Allah». Отрицается при помощи частицы «la» (то есть «l» становится отрицанием ночи и зимы) категория с одним «l» в корне и с подчеркнутой гласной «i» (имеющей отношение к середине лета). Значит, отрицается здесь всякое одинокое «l», то есть «l», , первой половины года, начала года (где заложены все потенции дальнейшего развития) и «l», , второй половины года, конца года (где собраны все результаты периода осени и первой половины зимы). То есть здесь отрицается каждая из половин года, взятая в отдельности. Кроме того, , «il» — это руна летнего солнцестояния в поздних сакральных кругах нордической расы, и можно сказать, что двойное «ll» зимнего солнцестояния отражается в одинарном «l» летнего. Значит, отрицание «ilah» — это отрицание и первой, и второй половин года, равно как и середины года, то есть времени царственной проявленности Сына Божьего. Совокупно отрицание «ilah» — это отрицание проявленности во всех ее аспектах, во всех ее «не-тайных местах». «Ilah» — это Сын Божий, весь год, известный Бог.

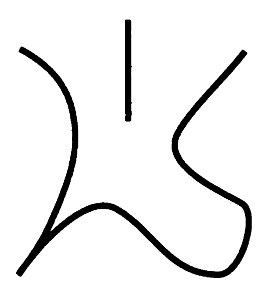
Фундаментальный трансцендентализм исламской метафизики отрицает обожествление всяких вторичных модальностей Принципа, кроме него самого, и поэтому в Коране есть отповедь в адрес субстанциалистского культа «Сына Божьего», культа, подразумевающего поклонение без учета трансцендентного и нетворящего, нерождающего Отца. Сура «самадийя» гласит: «Скажи: Аллах един. Аллах вечен, не рожден и никого не рождает, нет ни одного подобного ему». Сам Аллах (Allah), чисто транцендентный Принцип, этимологически как будто бы близок слову «ilah» и является его дериватом. На самом деле противопоставление «ilah» и «Allah» базируется на чисто гиперборейской мистерии годового звукового круга, и поэтому Аллах с двумя «l» однозначно и прямо соотносится именно с той тайной точкой, что «расположена» между двумя «l» и не имеет своего собственного звука и знака. Впрочем, исходя из примордиальной логики, слово «Аллах» должно звучать как «ulla». И действительно, то, что лежит между «ul» и «la», — ***нетворящий Отец*** — противостоит метафизически имманентному миру и его частям справа и слева, и его обобщающему пику, летнему солнцестоянию. Таким образом, исламская шахада концентрирует в себе всю сущность гиперборейской пра-религии, ***обнажая противостояние Иного Этому***. И неслучайно сама формула веры называется именно «шахада» — «свидетельствование», поскольку в акте свидетельствования об этом противостоянии и заключается высшая религиозная миссия ариев. Собственно говоря, шахада, взятая в ее сущности, совпадает с великим Субъектом, Светом Мира, но на сей раз отличным от своего весеннего, осеннего и даже летнего проявления. Здесь Сын Божий — как высший свидетель, как исток Свидетельства — есть не какая-то имманентная субстанциальная сущность, отдельная от трансцендентного, но, напротив, он и есть свидетельство о трансцендентности трансцендентного, о несовпадении того, что лежит между двумя «l» (Allah) ни с какой-либо из частей сакрального круга, ни с ним целиком (ilah).

Поразительно, что вся шахада составлена фонетически (за исключением опять же придыхания «h» и хамсы) из «отрицательных» звуков «l», то есть это «апофатическое» свидетельство,

конструирующее из пяти отрицаний гиперборейской зимы ткань последнего откровения, последней религии. Если мы напишем эти пять «l» арабским шрифтом по кругу, то получим фигуру ⚹, пятиконечную звезду — символ Гипербореи, где в «шестом» месте года (зимой) солнце не появляется. Кроме того, пять «l» шахады представляют графический намек на «райское яблоко», которое, будучи разрезанным поперек, дает нам ту же фигуру:

Но такое расположение пяти «l» почти в точности соответствует традиционному круговому написанию самого слова «Allah», где стилизованное ه изображается в виде ⋂, то есть двух черт, соединенных сверху, что в сочетании с чертой «алиф», ا, и двумя «лам», ل, дает пять черт гиперборейской звезды.

Таким образом, основываясь на нордическом гнозисе, можно интерпретировать шахаду эзотерически. «Нет Бога, кроме Бога» или «Нет Бога, кроме Аллаха» здесь означает также: «нет имманентного без трансцендентного» или «Свет преходящ, а его Исток — нет», или «нет Света самого по себе, не возникшего из трансцендентной темноты сверху, темноты Скрытого Отца».

Заметим в скобках, что связь последнего из пророков, Мохаммада, с цепью гиперборейского посвятительного знания, возможно, осуществлялась через символическую «таинственную персону» перса «Салмана Чистого», «Салмана Пак». В руническом смысле «Салман» — это «солнечный человек». «Sal» — руна ᛇ («sal» = солнце), «man» — руна ᛘ («man» = человек). Это типично гиперборейское имя (кстати, имя Соломон имеет тот же рунический смысл, и деяния этого легендарного царя носят вполне нордический символический характер, равно как и его знаменитая печать в виде пятиконечной звезды — знака арктической прародины). Инициатическим именем Салмана в исламском шиитским гнозисе было «Сальсаль», то есть «связь», «цепь». Говоря о «связи», мы, разумеется, имеем в виду «цепь передачи традиции». И если после пророка звеньями цепи стали его преемники — халифы и имамы (сегодня «сильсиля» называют сейидов и алидов), то должна была существовать и другая (гораздо более «длинная») часть этой цепи, восходящая через шесть Великих Пророков к примордиальному нордическому культовому центру. Салман Пак, по всей видимости, был одним из звеньев (а, возможно, и последним звеном) инициатической цепи до Мохаммада.

Возвращаясь к неподвижному арктическому кругу, можно добавить, что звуки-иероглифы каждой стороны более или менее синонимичны, так как соответственно в целом означают нисхождение и восхождение (динамический синонимизм). С другой стороны, синонимичны (хотя и в ином смысле) звуки-иероглифы, расположенные на одном и том же «этаже» года — «r» и «s», «t» и «k», «n» и «m» (статический синонимизм). Одновременно арктический сакральный календарь предлагает и оппозицию верхних рун нижним (высший тип таковой оппозиции мы затронули раньше, говоря о шахаде), а соответственно, правых — левым. Таким образом, диалектика строения изначального нордического языка предполагает достаточно сложную систему фонетико-логических наложений, хотя по сравнению с более поздними вариантами календарного языка эта система кристально ясна и прозрачна.

Следует указать, однако, что помимо руны | в летнем солнцестоянии может находиться и руна «Овна» — «р», ⫩, «ра», что делает звуковой ряд языка полным: пять гласных (a, e, i, o, u) и восемь согласных (l, m, k, r, p, s, t, n), то есть всего тринадцать фонем. Четырнадцатой является нулевая, зимне-солнцестояническая фонема — МОЛЧАНИЕ. (Руной молчания изначально была руна |, и поразительно, что память об этом сохранилась в беззвучном арабском «алиф», «подставке для хамсы».) И кроме того, губные согласные («р» и весь ряд «р» — «ph» («f») — «b»), возможно, появились в постпримордиальную эпоху как самая внешняя по отношению к речевому аппарату форма артикуляции звука с помощью губ. Поэтому сущностно гиперборейских звуков всего 12, а если отбросить промежуточные «равноденственные» гласные «е» и «о» (которых, кстати, нет в арабском), то останется 10 звуков, подобно 10 месяцам арктического года или 10 аватарам Принципа в индуистской традиции.

Можно добавить, что правые и левые руны неподвижного арктического года графически симметричны друг другу: ⫯ — поднимающееся солнце; «r», или просто ⊙; ⫰ — опускающееся солнце; «s», или два солнца, ⫯⫰; также ♀, солнце лета + его отсутствие зимой — поздние варианты s. Поднимающий руки Сын Божий (Двойной), Y, «k», и опускающий руки Сын Божий, ↑, «t»: сначала подбрасывает солнце вверх, Y, ↑ выпускает его из рук ⫰ ↑. Параллелизм руны «n», ◇ (камень) и ᛗ, «m» (вода) более сложен: руна «n», ◇, имеет вариант ___ (плоскость, поверхность, горизонталь, прах). Тогда «m», 〰 — это начало космологического волнения вод зимы, хаоса, оживление горизонтали, проточные воды, волны, вырывание из праха ночи и зимы вздыбленных форм весны — растений, существ, людей; «n» как ___, напротив, представляет стоячие воды, неподвижный уровень земли, успокоение и замирание летнего и весеннего буйства и динамики, сглаживание, смерть. Или ___ — воды, не подвергшиеся воздействию ветра (духа), а 〰 — подвергшиеся. Поэтому ___, «n», оказывается и водой (океана, пруда, колодца), и камнем (плотность, смерть), а «m», 〰, — и во-

дой (река, волнующееся море, родник, ручей), и человеком, жизнью, силой. И, наконец, «l», ∩, и «l», ∩, — не просто симметричны, но тождественны, хотя позднее, в постпримордиальные эпохи, их начали различать: сделав из левого «l», ∩, — ᛚ, а правый оставив без изменения, но переименовав в «ur», чтобы отличить его от «ul». Еще позже «l» осталось только в качестве фонетической субдоминанты зимы, и в греческом, и в финикийском «альфа» и «алеф» еще несут в себе воспоминания о том «al» (∩ — правая дуга) или «ul» (∩ — левая дуга), из которого вышел иероглиф-звук «Нового Бога» «fa», ᚠ поздних времен.

Сюжетно арктический год и его знаки могут быть представлены так. Из пещеры, щели, подземелья, ворот, арки, ∩, после полного ничто середины зимы, начинает течь животворная влага, ~, энергия, жизнь, «животворящий хаос». Это появление из лона смерти потока жизни, из Небытия потока Бытия, обозначалось в гиперборейском языке культовой формулой «lam», ∩M. Это Fons Perennis (Вечный Источник) герметического учения, фонтан «Хальмат» исламского эзотеризма, источник Мимира из скандинавских саг и т.д. Далее, из этого живительного потока, ~, возникает плотная форма Воскресшего, Y, сотворенного «Человека», «Бога», «ka». Этот «ka», Y, стоит над водами, ~, он — Нараяна, Христос, ступающий по волнам озера или моря. Греческие мифы о рождении богини Венеры из воды, а также повествование скандинавской Эдды о сотворении первовеликана Имира из примордиальной лавы имеют тот же смысл. «Ка», Y, также «ha», откуда еврейское «Haj», «живой» и «Heva», «Ева» (здесь аналог греческой Венеры). Это обозначается культовой формулой «mek» («meh») или M Y. Далее «ka», Y, вышедший, отделившийся от вод, ~, превращается в птицу, преображается, восходит на Небо, «бросает в небо свою голову» (как об этом говорится в одном из гностических текстов). «Земля поднимается в небо и получает там все высшие и низшие качества» (по выражению «Изумрудной Скрижали» Гермеса Трисмегиста).

Это — «r», ⫯, Красный Орел, Феникс. Во многих языках и сегодня названия птиц, особенно орлов, очень часто содержат доминантный звук «r». Поэтому на христианских иконах преображения и вознесения Христа сам Христос канонически представлен в круге, в руне ☉, «r», в ⫯. Это вознесение (а равно и преображение Y, «k» в ⫯ «r») обозначается формулой «ker», Y ⫯. И с этим сочетанием звуков связаны наиболее сакральные ряды слов во всех языках земли. Графически эта формула может быть представлена как ϒ.

Далее следует апогей света, обозначаемый |, не имеющим согласного звука, а точнее, представляюшим и молчание и все звуки единовременно. Переход от ⫯ к | представляет великое "Я" мира, дошедшее до своего апофеоза, или коронацию Света. Можно выразить этот последний шаг формулой «ri», ⫯ |, или просто |, «i», гласным летнего солнцестояния.

Следующий сюжет — ⫰, начало заката солнца, получение людьми Золотого Плода, созревшего на ветвях Древа Года и клонящего его ветви к земле. Солнце здесь — райское яблоко, ведущее к «грехопадению», к спуску Света Мира под землю. Формула нисхождения небесного света (позднее молнии) — это «is», |⫰. Это также спускающаяся птица, урожай, начало спуска Сына Божьего в Мир людей.

Далее солнце небес становится земной формой и «слово бысть плоть и ходиша меж нами». «Sot», ⫰ ↑, — формула Богочеловека, Спасителя, облекшегося в телесную форму (отсюда греческое soter, спаситель). Это процесс проявления высшего и принципиального в конкретном, откровение Бытия для космоса, содержащегося в нем. Отсюда санскритский корень «sat» и общеиндоевропейское звуковое обозначение «бытия» — «esse» например.

↑, «t», — Сын Божий, «Двойной» нисходит после этого в камень, в воду, в колодец, в могилу. Он ложится в горизонтальное положение, застывает, умирает. ↑ — это осенний крест распятия, мученической смерти Сына. Одновременно он является здесь «проводником мертвых». ↑ — его руна, а также «копье»,

копье Лонгина. Нисхождение ↑, «t», в ◇ «n», запечатлено в гиперборейской формуле «ton», откуда греческое «tanatos». И, наконец, сам камень, ◇, «n», — омфал, бетиль, мегалитическое «жилище Бога» — исчезает в бездне, изымается из реальности, крошится, уничтожается. Только зияющая воронка Небытия, ∩, «l», нижние воды, трещина в великой стене, вход во «внешние сумерки», засасывает в себя последние останки космоса. Это финальная диссолюция мира, гибель мира, конец богов и людей. Она называется на гиперборейском языке «nul». После этого следует пауза великого и полного молчания, лишь обратным имманентизированным аналогом которого является летнее молчание руны «is», |, не имеющей знака и совпадающего со Всезвуком (Allton). И здесь Аллах открывается как Господин Страшного Дня («malik iawmi-d-din»).

ТРИ ВЕЛИКИХ СОЗВЕЗДИЯ

Прецессионный постпримордиальный календарь ввел в рассмотрение ритма священного космоса новую гигантскую величину 25 920 лет — длительность полного обращения точки равноденствия по зодиакальному поясу. Отныне к неподвижной арктической модели «вечного года» и ее кресту, +, сугубо годовой пространственно-временной картины — два солнцестояния и два равноденствия — была добавлена некоторая чисто небесная отметка, которая позволяла соотносить годовой крест с зодиакальным поясом, или, иными словами, ориентироваться в ходе «прецессионного времени».

Дело, однако, усложнялось тем, что в соответствии с логикой арийских миграций и их сакрально-географического маршрута соотношение этой условной зодиакальной точки определялось не только с одним из годовых экстремумов, но поочередно с разными — то с зимним солнцестоянием, то с летним, то с осенним. Для того чтобы выработать строгую систему ориентировки в «потоке прецессии» независимо от катаклизмов, миграций и т.п., достаточно было выделить не

«точку», а 30-градусный сектор зодиакального пояса, который после прохождения за 6480 лет через точку одного годового экстремума тут же входил бы в другую точку, следующую за предыдущей согласно своей очередности: зимнее солнцестояние — весеннее равноденствие — летнее солнцестояние — осеннее равноденствие. Эти 30 градусов как раз соответствуют трем созвездиям, которые можно было бы назвать главными. Речь идет о созвездиях Лося (Близнецов), Быка и Овна.

Таким образом, неоастрологические и привязанные только к точке весеннего равноденствия выражения вроде «эпоха Рыб» или «эпоха Льва» и т.д. становятся неточными и ведущими к путанице. Все эпохи определяются только тремя созвездиями и указанием на тот главный узел, через который они в данный момент проходят. Это гиперборейский метод определения «больших циклов». Так, время гибели Атлантиды — это эпоха Быка в зимнем узле. Потом следовала эпоха Овна в зимнем узле (8000—6000 лет до Р.Х.). Потом эпоха Лося в весеннем узле (6000—4000 лет до Р.Х.). Потом эпоха Быка в весеннем узле (4000—2000 лет до Р.Х.), потом наконец эпоха Овна (2000—0 лет до Р.Х.) в весеннем узле. Наша эпоха — эпоха Лося в летнем узле (а не Рыб в весеннем).

Следует, однако, заметить, что эпоха Лося почти никогда не фиксируется в тот период, когда она протекает актуально. О ней вспоминают лишь после ее окончания, а саму эпоху называют каким-то второстепенным именем. Однако после ее прохождения она приравнивается к Золотому Веку, и ее сакральный символизм *постфактум вспыхивает с новой силой. Эпоха Лося представляет собой как бы прошлое, бывшее ранее, данное в воспоминании.* (На этом, в частности, основано уподобление Праджапати Оленю и т.д.) Когда же эта эпоха протекает, она как бы является вуалированием своей качественной сути, «циклом сокрытия» (по выражению исмаилитского гнозиса), как символическая пауза в истории.

Эпоха Быка, напротив, рассматривается как *настоящее*. Стоит этому созвездию войти в тот или иной узел, как почти сразу происходит реформа ориентаций, и именно этот узел на-

чинает пользоваться особым почетом у гиперборейских астрологов.

Именно с этим созвездием, и вообще с этим сектором звездного неба, связано наибольшее число астральных мифов и легенд. (Достаточно указать на роль небольшого созвездия Плеяд в доктринах самых разных традиций и религий.) И более того, эпоха Быка имеет тенденцию постоянно сохранять свой символизм и свои черты и после своего астрологического конца, тесня и подавляя собственно символизм Овна.

Сама же эпоха Овна тяготеет к слиянию с Будущим, как оно обычно понимается. Этой эпохи ждут в Тельце, но почему-то инерция ожидания распространяется и на период, когда это ожидание свершается.

Все это позволяет понять ритмику трансформации традиционных типов, вытекших из единой Гиперборейской Традиции. В частности, явление Христа как «Грядущего» (то есть связанного с Овном) пришлось как раз на конец Овна — начало Рыб (а точнее, Лося-Близнецов в летнем узле), а значит, на Конец Времен вообще, поскольку за пределом «Грядущего» вообще ничего нет. Отсюда и некоторые эсхатологические чаяния раннего христианства, подчас буквально трактовавшие символизм гиперборейских соответствий. После этого начался период сокрытия, «богооставленности», так как, действительно, в весеннем узле было «пустое», «излишнее», «условное» созвездие, и именно с этим узлом по инерции было связано астрологическое внимание последних тысячелетий. Эпоха Лося протекала как всегда тайно, то есть в другом узле, в узле лета, остающемся всецело вне астрологического внимания. И лишь в ближайшем будущем, когда впервые звезды Быка войдут в летний узел, человечество (или, точнее, то, что от него останется) поймет смысл «прошлого», смысл «летнего Лося», реализовавшегося незаметно для него, как бы параллельно истории, — не там, куда были устремлены все взоры. К этому, в частности, имеет отношение эсхатологическая истина — «все тайное станет явным».

То же самое можно сказать и об ожидаемой эпохе Водолея, которая вообще никогда не наступит, так как при начале летне-

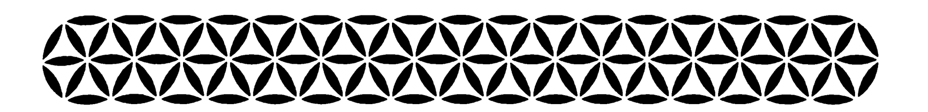
го Быка о точке весеннего равноденствия и о таком созвездии, как Водолей, вообще все забудут, как не знали о нем и в предыдущих периодах.

Таким образом, три созвездия, курсируя по прецессионному кругу через четыре экстремума года, сами по себе в каждом цикле, состоящем из 6480 лет, символически развертывают как бы все время сразу: 2160 лет прошлого (Лось), 2160 лет настоящего (Бык) и 2160 лет будущего (Овен). (Заметим, что этим трем созвездиям соответствуют и три согласных звука: прошлое — гортанный («k», «kh», «g» и т.д.), настоящее — зубной («t», «th», «d» и т.д.), будущее — губной («p», «ph» («f»), «b» и т.д.) После этого 6480-летнего «весеннего времени» (или 6480-летнего цикла: зимнего, весеннего, летнего или осеннего — в зависимости от качества узла время отсчитывается по «летам», «веснам», «зимам» и «осеням») появляется новое «все время». Однако надо заметить здесь одну особенность: собственно, сам этот цикл начинается не с прошлого (Лося), а с настоящего (Быка). Именно Бык становится первым этапом прецессионного «всего времени», за ним следует (постоянно отодвигаемое) будущее Овна, и наконец наступает «темный эон», «время перехода» от одного «всего времени» к другому. Этот период протекает как бы «без времени», хотя, на самом деле, прошлое следующего узла уже реализуется, пускай и скрыто. И сразу после перехода Быка за точку узла вспыхивает новое настоящее.

Так, три созвездия — три составляющих «всего времени» — логически группируются одним образом — Лось (прошлое) — Бык (настоящее) — Овен (будущее), а фактически другим — эон Быка (проявление) — эон Овна (исполнение) — эон Лося (темный эон, эон перехода). Благодаря наложению этих двух цепей можно, помимо всего прочего, раскрыть и ту герметическую проблему, которая в алхимической традиции называется «переходом царства Сатурна в Золотой Век». Сатурн в алхимии — это символ свинца (низшего из металлов, тьмы, мрака, грубости и т.д.), антипод золота (солнца). Чтобы разъяснить это противоречие, следует сказать, что для цикла Бык—Овен (начиная с Быка) следующий за Овном эон — это распад, мрак, тьма, гру-

бость, если рассматривать один и тот же узел. Но в перспективе другой эпохи Быка, Быка в другом, следующем узле, этот же самый период Лося есть Золотое Прошлое, несущее в себе все духовные зерна настоящего. А стало быть, «переход от царства свинца к царству Золота» означает смену годового узла, переход к новому «весеннему времени», а это возможно лишь с наступлением нового настоящего, то есть нового Быка.

Глава 3

РАСЫ, РУНЫ, КУЛЬТЫ

РАСОВЫЕ АРХЕТИПЫ ЕВРАЗИИ В «ХРОНИКЕ УРА ЛИНДА»

Сакральные учения о расах

Проблема расовых пластов евразийского континента занимает многих исследователей. В этом отношении существуют самые противоречивые гипотезы, однако ни одна из них не является более или менее связной и вразумительной с традиционалистской точки зрения, поскольку в отношении предыстории, в которую с необходимостью уходят корни рас, представления современных ученых настолько абсурдны и фантастичны (благодаря в первую очередь влиянию эволюционистской теории), что в этой сфере их концепции еще менее приемлемы, нежели во всех остальных.

Однако надо признать, что сегодня и в пределах Традиции трудно найти более или менее полное изложение теории происхождения рас. Библейская перспектива, связывающая возникновение рас с сыновьями Ноя — Симом, Хамом и Иафетом, — либо неполна, либо ее адекватная интерпретация совершенно забыта. Было бы крайне интересно сопоставить иудаистические и христианские теории человеческих рас с более обширным материалом, но это требует отдельного труда.

Здесь мы предлагаем рассмотреть мифологическую интерпретацию расовой истории, основанную на «Хронике Ура Линда» — документе истории ингвеонов (подлинность его многие оспаривали, но многие и обосновывали[3]). Речь идет о мифе, возможно, даже о «новом мифе», но этот миф имеет то преиму-

щество, что предлагаемая им редукция подтверждается общими историческими наблюдениями. С другой стороны, его версии оказали такое значительное влияние на реальную социально-политическую историю XX века, что одно это делает его заслуживающим внимательного рассмотрения. В «Хронике Ура Линда» содержится в основных чертах все то, что в вульгаризированном и упрощенном виде стало теоретической основной германского расизма. Все, что было рассеяно во множестве публикаций нацистских «специалистов по расовой проблеме», концентрированно наличествует в этом тексте.

Древнейшее расселение трех архетипических рас Евразии в Предыстории, согласно «Хронике Ура Линда». Им соответствуют три парадигмы культурных и социальных типов.

Три Матери

«Хроника Ура Линда» начинается с описания происхождения рас: «По прошествии двенадцати новолетий (праздников Юла) Вральда ("Святой Дух" древнегерманской мифологии. — *А.Д.*) родил трех дев:

Лиду — из раскаленной пыли;
Финду — из горячей пыли;
Фрейю — из теплой пыли.

Когда они были созданы, Вральда наделил их своим божественным дыханием, которое именуется Одем или просто — Од ("божье дыхание". — *А.Д.*). Од вошел к ним (Od trâd tora binna), и каждая родила двенадцать сыновей и двенадцать дочерей, по два ребенка в каждый праздник Юла. Отсюда произошли все люди.

Лида была черна, курчава, как барашек, а глаза Ее сияли, подобно звездам, так что даже орлиный взор на их фоне казался мутным, немощным и бледным. Ее поступки направлялись Ее страстями, а о законах Она ничего не хотела знать.

Финда была желта, а Ее волосы были подобны конской гриве. Она написала тысячу законов, но при этом Сама не придерживалась ни одного из них. Она ненавидела праведных за их прямоту и уступала лжецам. Слова Ее были слаще меда, но того, кто им верил, подстерегали большие несчастья. Она хотела всеми повелевать, и в этом сыновья Ее были Ей подобны: в своем стремлении к превосходству сыновья Финды убивали друг друга, а дочери Финды находились у них в услужении.

Фрейя была бела, подобно утреннему снегу, а голубизна ее глаз превосходила голубизну радуги. Подобно лучам полуденного солнца, сияли Ее волосы, которые были не менее тонки, нежели паутина. Ее едой был мед, а Ее питьем — роса, собранная с цветочных лепестков.

Светлая Фрейя. Первое, чему обучались Ее дети, была внутренняя дисциплина. А второе — любовь к добродетели. Когда они достигали совершеннолетия, Она их учила узнавать цен-

ность свободы. «Ибо без свободы, — говорила она, — все прочие добродетели могут превратить вас в рабов и навеки попрать ваше высокое происхождение»[4].

Такова фундаментальная парадигма «Хроники Ура Линда». Три священных матери — три расовых типа, три психологических модели мировоззрения. Потомки трех матерей называются соответственно: от Лиды — «лидийцами», от Финды — «финнами», от Фрейи — «фризами», «фризонами». Любопытно отметить, что Африка в древности (в частности, у Птолемея) называлась «Ливия», или иногда «Лидия». «Лидийцы» соответствуют черной расе. «Финны» «Хроники Ура Линда» — это народы желтой расы, а «фризы», древнее германское племя, совокупно обозначает белую расу, арийцев.

Характерно, что почти такая же парадигма наличествует и в эддической «Песне о Риге», где повествуется о посещении Ригом (имя Одина) трех пар, принадлежащихк трем поколениям. Посещение «деда и бабки» приводит к порождению троллей, «рабов», описанных как негритянский расовый тип; ночевка Рига у «отца и матери» дает карлов, «хозяев» с фенотипическими чертами желтой расы. И, наконец, приход Рига к «мужу и жене» кончается рождением Ярла, принца, конунга, аристократа, наделенного всеми арийскими атрибутами, — русые кудри, голубые глаза и т.д.

Но если «Песня о Риге» на этом и останавливается, описывая сакральную структуру каст и рас в древнегерманском обществе, то «Хроника Ура Линда» дает нам подробное и изобилующее важными символическими деталями историческое повествование.

Атлантида и Евразия

Расовая парадигма «Хроники Ура Линда» имеет четкую географическую структуру, отвечающую этой парадигме. «Лидийцы» — жители глубокого Юга, и они почти не упоминаются в «Хронике».

Основная географическая территория, где разворачивается сакральная история Ура Линда, это *Евразия*. Причем особенно

ее северо-западная область. Сакральный центр фризов расположен в Северной Атлантике, в месте «Альтланд» (или Атланд), то есть в «старой стране» (слово «Альтланд», Атланд странным образом напоминает Атлантиду). После потопления «Атлантиды» этот центр перемещается в Северное море, в земли, которые лежат к северу от нынешних Голландии и Германии и которые также были затоплены, только гораздо позднее. Итак, «фризы», дети Фрейи, арийцы, имеют вне-европейское происхождение. Их изначальная обитель — сакральный остров. «Финны», дети Финды, напротив, представляются автохтонами Евразии. Они населяют все ее земли от глубокой Сибири до Иберийского полуострова. Собственно, народы Финды — это коренные евразийцы.

Естественно соотнести прародину «фризов», Альтланд, с Гипербореей, с «островами блаженных», с сакральным центром солнечного Аполлона. Северное местоположение древней арийской земли подтверждают все арийские священные традиции: как Веды[5], так и Авеста (Арьяна-Ваэджо, полярная страна), как греческие, так и германские мифы[6].

Евразия, в свою очередь, представляется территорией позднего распространения «фризов», причем это распространение всегда было сопряжено либо с оттеснением, либо с ассимиляцией основного, автохтонного «финского» населения. Эта парадигма географического соотношения, согласно «Хронике Ура Линда», является фундаментальной для всей расовой истории. «Фризы» — пришлецы, носители сакрального знания, «свободные в боге» (Gottesfreien). «Финны» — аборигены, воспринимающие это знание, «рабы божьи» (Gottesknechten).

«Лидийцы» же занимают южное периферийное положение в континентальной структуре и не вступают в прямое взаимодействие с «фризами».

Типы культур

Три парадигматические сакральные расы дифференцируются не столько по внешним признакам или психологическим особенностям, сколько по *метафизической позиции*, определяю-

щей их основные культурные проявления. «Ура Линда» предлагает, таким образом, три варианта «расовой метафизики».

Дети Фрейи, «фризы» (арийцы, белые), живут в состоянии изначальной «демократии». Закон у «фризов» *внутри*, поэтому внешне они абсолютно *свободны*. Религиозный тип «фриза» — это тип «естественного посвященного», его «я» совпадает с мировым духом, Вральдой. К «фризу» лучше всего применима сакральная формула индуизма: «атман есть брахман», то есть *его* "Я" тождественно абсолюту. «Фризы» миролюбивы, счастливы и мудры.

«Фризы» почитают женское начало: Великую Белую Мать[7], Фрейю, воплощение расового гнозиса, «арийскую Софию». Женщина сопряжена у «фризов» с жреческими функциями: она исполняет основные ритуалы и хранит сакральные знания. У каждого фризского поселения есть своя «Дева», Burgmagde, представляющая собой высшую сакральную инстанцию. Но такой «нордический матриархат» является сугубо интеллектуальным, поскольку женщина, стоящая в его центре, — это «богиня», дочь Фрейи, воплощение самой Фрейи, концентрат расовой идеи и божественной чистоты. Сексуальная символика в культуре фризов полностью отсутствует, поскольку фризское сознание максимально приближено к чистоте интеллекта и не нуждается в чувственной «опоре» для духовного размышления. У «фризов» не бывает рабов, поскольку идея «свободы» для них центральна.

Народы «Финды», «финны», напротив, живут в условиях строгой иерархии. У них есть господа, слуги, рабы, невольники. Их законы тщательно описаны, но исполняются только за счет давления властей. Их бог — вовне. Они воинственны, агрессивны, склонны к чувственным символам. Для них характерны идолы, фетиши, изображения «богов».

«Финны» живут при патриархате. Мужчина стоит в центре «финской» цивилизации. Он исполняет жреческие и легиславтивные функции. Женщина занимает подчиненное, второстепенное положение. Для символизма народов «Финды» характерны физические символы и «натурализация» изначальных логосных структур.

И, наконец, «лидийцы» вообще не имеют четких законов, даже внешних. Они подчиняются своим хаотическим импульсам. Их космос децентрализован. Иерархии не существует. В основе их социальной жизни — обрывки «финских» сакральных комплексов. Для них характерен промискуитет и полуживотный матриархат. «Лидийцы» часто становятся рабами народов «Финды».

Следует отметить еще одну важную деталь: среди «фризов» случаются «преступники», предавшие внутренний закон духовной расы. В нормальном случае они удаляются на особые территории по велению собственной совести (такой территорией «Хроника Ура Линда» называет Англию). Но иногда случается так, что «фризы»-изгои приходят к народам «Финды» и становятся среди них высшей кастой, господами, царями. Такие «фризы» кладут начало особому типу людей: династии «магов», magier, которые ставят сакральные потенции фризской расы на службу интересов «финнов». «Маги» — это цари-жрецы. Собственно говоря, перипетии конфликтов «фризов» и «финнов» в Евразии становятся действительно глубокими лишь за счет «расового предательства» «магов», чей интеллект дает «финским» племенам шанс действительно конкурировать с «фризами». «Маги» презирают «финский» народ, они превращают его в своих рабов. Они разрабатывают основные постулаты эрзац-религии, облекая священное знание «фризов» в веру в «богов», «духов» и «демонов», в «образы».

Фризы и ностратика

Миграции «фризов» — это не просто распространение арийских, индоевропейских волн на довольно обозримые исторические промежутки времени. Белые дети Фрейи, в перспективе «Ура Линда», соответствуют скорее современным представлениям о «ностратическом» праплемени, носителе парадигматического праязыка Евразии (а ранее полярных, затопленных ныне земель). Индогерманцы — это лишь последняя историческая волна «фризов», которой предшествовали многие другие волны, заложившие основы египетской прединастической, се-

митской, шумерской, прототюркской, картвельской и даже синотибетской культур. «Ностратический» интеллект евразийских и североафриканских языков соответствовал «гиперборейской» и «ностратической», «фризской» традиционной парадигме, которая, будучи переданной тем или иным народам «финского» типа в те или иные периоды предыстории, постепенно деградировала, обособлялась, теряла сходство с изначальной кристальной иероглифичностью, превращалась в верования в «богов», «духов» и «демонов». Белая раса «Ура Линда», таким образом, не совпадает с исторической белой расой индоевропейцев, но предшествует ей на многие тысячелетия.

Важно заметить, что сыновья Фрейи не только закладывают сакральную, языковую и мифологическую базу для культур типа «Финды», но и сами подвергаются обратному воздействию со стороны этого деградировавшего типа. Так возникают смешанные формы традиции — «финно-фризские». С одной стороны, в них наличествуют спиритуальные культы «гиперборейского» характера, с другой — типично азиатские черты. Такими народами являются хетты, скифы, киммерийцы, кельты. И более того, многие индоевропейские племена также постепенно пропитываются «финскими» элементами: германцы эпохи скальдов, римляне, греки, индусы постведического периода сами по себе уже довольно далеки от изначального «фризского» состояния.

Такое представление об изначальной белой расе полярного происхождения фактически разрушает установившееся представление о Ближнем Востоке как очаге цивилизации, письменности, культуры и т.д. Более того, Ближний Восток в логике миграции «фризов» становится очень поздним (с точки зрения предыстории) центром соприкосновения самых разных потоков «фризских» влияний, стекающихся туда буквально со всех четырех сторон света, причем чаще всего не в чистом, но «финнизированном» и искаженном виде. С Запада туда двигаются племена белых ливийцев, тохаров, амореев. С Севера — протогерманцев и протокельтов. С Северо-Востока — прототюрков и протофиннов (на сей раз в историческом, узкоэтническом смысле слова). С Юга — эфиопы. С Востока — эламиты, а позднее персы и дра-

виды. Так знаменитая культурологическая концепция ex Oriente Lux («Свет с Востока») или «финикийского фактора» в культурном смысле оборачивается не истоком, но далеким следствием, синкретическим и упрощенным суммированием различных аспектов «фризской» традиции, принесенных туда в уже смешанных, искаженных «финских» версиях, восходящих к более или менее далеким эпохам.

Итак, выведенный из мифологии «Хроники Ура Линда» «фризский» расовый фактор прекрасно согласуется с современной лингвистической теорией «ностратики», единого происхождения всего спектра евразийских языков[8]. С другой стороны, диалектика соотношения «фризского» и «финского» типа в сфере сакральных форм дает ключ к пониманию многих древнейших трансформаций мифологических и религиозных комплексов.

Белый эзотеризм и желтый экзотеризм

Основная проблематика «Хроники Ура Линда» — противостояние культуры «сыновей Фрейи» и культуры «сыновей Финды». Смысл этого противостояния с поразительной точностью соотносится с тем, что принято называть «экзотерической» (внешней) и «эзотерической» (внутренней) стороной Традиции. «Финда» воплощает в себе специфику «экзотеризма»: Бог для «сыновей Финды» находится *вовне*, равно как и сакральный закон; сам себя «финн» воспринимает как «раба Божьего», как «собственность господина», находящегося вне его; Божественное должно проявляться во внешних образах — идолах, символах, причем для наглядности они должны иметь «натуралистический» характер, вид чего-то конкретного и чувственного; религиозная жизнь «финна», как и его социальная жизнь, сводится к подавлению, покорению личных душевных страстей (в случае религии) или женщины (в случае семьи), или других людей (в случае социальной иерархии) и т.д. Во главе политической и религиозной структуры «финского» общества стоят «маги», «цари-жрецы», выполняющие по отношению ко всему народу функцию «субъекта», «воплощенного божества», посредника между «низким» человеком и «высоким» духом.

«Дети Фрейи», напротив, иллюстрируют «эзотерический» уровень традиции: Бог для них находится *внутри*, он тождественен сакральному закону и их собственному "Я"; «фриз» воспринимает себя самого как «свободного в Боге» (Gottesfreie), как воплощение свободы; Божественное для «фриза» существует непосредственно, вне образа или символа, и если он и использует символы, так только чисто абстрактные, ненатуралистические, геометрически-математические; религиозная жизнь «фриза» протекает под знаком справедливости и господства мудрости над деятельностью, он живет в состоянии «аристократического равенства» и «гармонии», он никого и ничего не подавляет — ни своих чувств, так как они у него совпадают с мудростью и богоявленческим, «теофаническим» мировосприятием, ни женщину (которая и так ему абсолютно послушна и является материальным воплощением чистоты его духовной расы, белым зеркалом мирового духа, хранительницей нордического огня), ни других людей, — поскольку он почитает в них свободу так же свято, как и в себе. И, наконец, вместо царя-жреца, «посредника» между людьми и «богами» у «фризов», наличествует «Белая Дама», великая Жрица, представляющая собой не что иное, как их собственную расовую субстанцию, не что-либо *внешнее*, но нечто *внутреннее* — материальное присутствие духа, разлитого равномерно между всеми сынами «богини» Фрейи.

Если приглядеться к исторически известным традициям, то мы увидим удивительно похожее соотношение между эзотерическими и экзотерическими их сторонами. Причем если в одних случаях оба этих аспекта сосуществуют без конфликтов, то в других случаях они входят между собой в противоречие, а это нередко приводит к религиозным войнам, реформам, расколам, возникновению ересей. Поэтому драма противостояния «фризов» и «финнов» в расовых концепциях мифологической сакральной географии «Хроники Ура Линда» может быть взята в качестве парадигмы рассмотрения динамики религиозных реформ Евразии. И наиболее ярким примером здесь может служить противостояние христианства (эзотерической, отчетливо «фризской» в своей основе традиции) и позднего, «остаточно-

го» иудаизма (воспроизводящего в себе все наиболее характерные признаки «финской» сакральности). И здесь показательно также, что ареал исторического распространения христианства в значительной степени совпадал с территориями, населенными потомками последней волны «фризских» миграций, которые яснее всех остальных, уже довольно финизированных, народов сохранили память о «Боге внутри», о «Белой Даме», о «благодатной свободе высших» и т.п.

Большинство евразийских (и североафриканских) этносов, в которых «финский» элемент был преобладающим, приняли ислам, имеющий подчеркнуто экзотерический характер, причем крайне показательно, что наиболее «фризские» аспекты исламской традиции — в частности, *шиизм* (подчеркивание мистической роли Фатимы, прародительницы «божественной расы» имамов; «свет Али» внутри верующих; тезис о «лавхут», «божественности» самих имамов и т.д.) — захватили ареалы с преимущественным индоевропейским населением (шиитский Иран и т.д.), большинство же «финских» этносов — «арабы», «тюрки» и т.д. — остаются суннитами.

В качестве гипотезы можно было бы предположить, что некие расовые особенности стоят и за феноменом исламского суфизма, который также является сакральной формой отчетливо «фризского» типа. Хотя суфизм распространен среди народов «финского» типа, массово исповедующих ислам, возможно, в суфийских общинах преимущественно группируются рудиментарные вкрапления иных этнических групп, растворенных в общей массе, но выявляемых из нее снова — на сей раз на основании чисто духовного, а не этнокультурного критерия.

Демократия и тоталитаризм

Последние два тысячелетия евразийской истории и диалектики политических трансформаций в евразийских государствах также могут быть рассмотрены в перспективе мифологии расовых типов по «Хронике Ура Линда». Все аспекты «аристократического равенства» могут быть отнесены к «фризскому» архетипу; все «авторитарные» «централизированные», «тиранические»

системы соответствуют «финской» модели. Причем здесь, как и в других случаях, чаще всего встречаются именно смешанные варианты, имеющие элементы обеих структур, поскольку народы, действующие в эти эпохи, практически все без исключения оказались затронутыми расовым смешением. Поэтому здесь можно говорить только об относительно «фризском» и относительно «финском» варианте, причем пропорции обоих элементов могут значительно варьироваться.

В сущности, если мы поймем расовую специфику двух основополагающих политических парадигм — «демократии» и «тоталитаризма», — то станет очевидной вся амбивалентность их противопоставления, которое и составляет суть споров «правых» и «левых» на протяжении политической истории последних столетий. «Свобода», «равенство» и «братство» — хороши для «свободных», «равных» и «братских» «фризов», и навязывание им деспотических систем будет явным насилием над их расовой природой. «Иерархия», «порядок», «дисциплина» совершенно необходимы для людей «финского» типа, и прививка им «демократического режима» никогда не может привести ни к чему иному, кроме как к анархии, безобразиям и деградации, которые, естественно, логически оканчиваются еще пущей «тиранией». (Именно в этом смысле следует понимать слова Платона о том, что «демократия логически влечет за собой тиранию».)

Расы России

История Российского государства, России, лежащей в центре евразийского континента, является в высшей степени показательной, поскольку она блестяще иллюстрирует собой весь комплекс расовой диалектики, свойственной и другим евразийским территориям и этносам, хотя в последнем случае — в менее явной форме. Дороссийская история славян, скорее всего, связана с последней волной «фризской» миграции с затопленного острова, из «ингвеонского царства», так как изначально славяне органично входят в индоевропейский, арийский культурно-расовый блок. Но история соб-

ственно России как особого геополитического пространства — это уже нечто иное.

Во-первых, начало российской истории, согласно летописи, начинается с призвания Рюрика на царство, что точно соответствует «финскому» архетипу социальной организации, зовущей «фриза» (а скандинавские племена, собственно, и представляли собой германский, то есть «фризский» этнический элемент) в качестве царя-жреца, «мага».

Во-вторых, среди славянских племен уже с первых строк летописи фигурируют «чудь», «меря» и «мурома», то есть «азиатские», «финские», на сей раз в прямом смысле слова, народы. Так в истоке русского государства мы обнаруживаем «азиатскую» парадигму. Позднейшее крещение Руси и феодальная раздробленность — свидетельство усиления «фризского» фактора, «белый» элемент, носитель «белой» религии развивается и начинает создавать структуру «аристократического равенства». В этот период складывается и наиболее «гностический», «эзотерический» элемент русской духовности. Причем важно заметить, что в некоторых землях Руси — в частности в Новгороде и вообще на Севере «фризская» модель укореняется довольно глубоко и прочно. Нашествие монголов, носителей очевидной «финской» модели, — иерархии, дисциплины, развитого репрессивного аппарата — опрокидывает «фризский» (и так уже далеко не абсолютный) комплекс, интегрирует Русь в Желтую Империю, которая фактически охватывает почти всю Евразию, за исключением северо-западной Европы. Но и сама эта чингизидская Империя рушится из-за расширения «аристократического элемента» (снова «фризский» фактор) среди ее правителей. А Русь тогда окончательно выбирает тип государства «сыновей Финды», возлагая на себя миссию объединения северо-восточной Евразии. По окончании ига «русская аристократия» постоянно подвергается гонениям со стороны монархов, и «фризский» элемент оттесняется в сугубо религиозную сферу — в «равенство» и «братство» православных монастырей. Но после долгого и более или менее стабильного имперского периода, с очевидной доминацией комплекса «сыновей Финды», «демократическая» концепция, уже совершенно чуждая в целом

расовому типу российского населения, снова появляется в виде коммунистической эсхатологической доктрины, объявившей о начале реставрации «гиперборейских», райских пропорций.

Расы Европы

Европейская зона евразийского континента находится географически ближе к сакральному острову — культовому центру «сыновей Фрейи». И действительно, «демократический» тип культуры намного чаще встречается здесь в истории, нежели в азиатских или североафриканских регионах. Однако было бы ошибкой считать, что Европа населена «фризами» и что она гомогенна в своем расовом субстрате. В ее северной части «фризский» элемент в значительной степени смешан с лаппо-финским этносом, который в Восточной и Центральной Европе фенотипически родственен так называемой «альпинской» расе. Западная Европа в значительной степени «кельтизирована», а «кельты» уже в древности, согласно «Хронике Ура Линда», были смешанным народом. И, наконец, население южных областей Европы, так называемая «средиземноморская раса», несет в себе значительное число ближневосточных, левантийских, семитских расовых черт. Таким образом, в своей древнейшей евразийской автохтонной основе, сохранившейся в «монголоидных европейцах» (в частности, «бигуденцы» Франции — коренные французы, фенотипически неотличимые от палеоазиатов), и в других вне-европейских (финских, североафриканских, семитских и тюркских) расовых компонентах жители Европы распознаются в качестве потомков «сыновей Финды».

С учетом этой расовой гетерогенности становится очевидным, что европейские «демократии», для того чтобы быть стабильными, должны компенсироваться довольно строгим контролем «тоталитаристского» типа. В этом и заключается специфика современных «демократических» режимов Запада: за фасадом «равенства» и «свободы» таится строгая иерархическая система, косвенно направляющая «финское» стадо в нужное русло. Впрочем, нынешние «маги», управляющие западны-

ми обществами, используют для этих целей более изысканные и утонченные средства, нежели цари-жрецы Древней Евразии.

Трагедия Норда

«Хроника Ура Линда» связывает свой сакрально-расовый подход не только с географией, но и с логикой истории. Сакральная история здесь имеет циклический характер. Расцвет духа сменяется его упадком, а упадок — новым расцветом. В перспективе «Хроники» главным субъектом сакральной истории являются «дети Фрейи»: их победы тождественны взлету мирового духа, их поражения — его падению. Вся прослеживаемая «Хроникой Ура Линда» история, начиная с затопления «Альтланда», «старой земли», представляет собой историю упадка «фризов», то есть нисходящую траекторию цикла. Вначале гибнет их «большая Родина», «Альтланд». Потом тонут в Северном море их новые земли, располагавшиеся некогда в районе отмели Доггера. Позднее, вынужденные мигрировать в Евразию, они подвергаются смешению с племенами «финнов» или давлению с их стороны. В конце концов коварные «маги» объявляют «фризам» настоящую войну и своими нападениями прерывают священную традицию «Белых Дев». Последняя из них гибнет от рук «магов». Нордический священный огонь затухает. Останки «фризов» рассеиваются по Евразии или пускаются в плавание на своих кораблях в неизвестные земли (любопытна история из «Хроники Ура Линда» о фризском мореплавателе по имени *Инка* (sic!), отправившемся в далекие земли и не вернувшемся назад; тут следует вспомнить теорию историка Жака де Майо о «викинговском» происхождении цивилизации солнцепоклонников-инков). Как бы то ни было, линия расселения «фризов» спускается все ниже и ниже, и параллельно с этим народы «Финды», напротив, поднимаются и обретают все большее могущество.

Однако, согласно пророчеству последней «Белой Девы», несчастья «фризов» будут продолжаться только до начала третьего тысячелетия (от Р.Х.). В этот момент упадок «фризов» достигнет своей низшей точки, своего зимнего солнцестояния, но

сразу же за этим Вральда — мировой дух — вновь вдохнет свой «*Од*», свое «дыхание» в белый народ и мгновенно возродит «фризскую цивилизацию», оживит божественную Фрейю и спасет всех верных ее сыновей и дочерей. Таким образом, расовый цикл «фризов» также имеет свою эсхатологическую перспективу и свою мистериальную развязку, поскольку в бездне своего падения растоптанному «Финдой» и коварными «магами» «гиперборейскому этносу» все же суждено увидеть грандиозный расцвет своей нордической культуры, возвратить себе свою утраченную свободу, «свободу в Боге».

Возвращение мифа

Расовая парадигма «Хроники Ура Линда» представляет собой классический образец мифологического объяснения исторических закономерностей. Как и любой миф, она в чем-то пересекается с научными данными, в чем-то уходит в область совершенно недоказуемых постулатов. Но в XX веке позитивистский критицизм и научный энтузиазм предшествующих столетий были почти полностью дисквалифицированы, тогда как сфера мифа, напротив, снова оказалась в центре внимания. Миф оценивается отнюдь не по его соответствию объективной действительности (впрочем, сама концепция «объективной действительности» представляется все более и более ненадежной и несостоятельной), но по силе его воздействия на культуру, сознание людей, социальные трансформации. Этническая (или расовая) интерпретация событий всегда была одной из самых действенных, самых гипнотических, самых захватывающих.

Неудивительно, что «Хроника Ура Линда» была в центре внимания в Германии 1920—1930 гг., когда национально-расовая интерпретация мира достигла в Средней Европе своего апогея. И на каком-то этапе реальной истории этот миф оказывал огромное влияние на ход вещей. Можно десакрализировать культуру, но кровь человеческая и земля родного края все равно рано или поздно дадут о себе знать, вызовут к жизни дремлющие архетипы далеких эпох. Неудивительно также, что сегодня тему расы предпочитают обходить молчанием, и «Хрони-

ка Ура Линда» надежно забыта. Это можно понять, поскольку свежи в памяти чудовищные картины последней войны, отчасти обусловленной тем, что европейские «фризы» вознамерились поставить на место евразийских «финнов».

Пробуждение расового мифа привело в свое время Германию и мир к чудовищной катастрофе. Но за это ответственен не сам миф, а прагматизм и некритичность его использования. Если долгое время изгонять сакральное на периферию реальности, не будет ничего удивительного в том, что он вернется в чудовищном, искаженном облике.

Возвращение мифа следует готовить тщательно и осторожно, заранее учитывая последствия и в том числе ту катастрофическую возможность, что он ускользнет из рук вызвавших его к жизни.

К ВОПРОСУ О РУССКИХ РУНАХ

Рунология по Герману Вирту

Есть несколько точек зрения на то, что представляют собой руны. Одни считают, что это искаженная версия латинского алфавита, сложившаяся в 5—6 вв. по Р.Х. у скандинавов и североевропейских германцев. Другие полагают, что руны были древними знаками для гадания и стали использоваться для записи текстов только на самом позднем этапе под влиянием латинского письма. Эти две точки зрения на природу и происхождение рун принято считать «научными», или «ортодоксальными».

Но есть еще одна теория рун, предложенная немецким ученым — профессором Германом Виртом. Сразу оговоримся, что эта теория не признается широкими научными кругами. При этом причина такого пренебрежения заключается не столько собственно в палеоэпиграфических и рунологических трудах Вирта, сколько в его оценке текста, известного под названием «Хроники Ура Линда», история которого как две капли воды похожа на историю «Велесовой книги». «Ура Линда» была обнаружена в начале XIX века и представляла собой якобы древ-

нейшую историю германцев («фризов»), уходящую в глубь веков на много тысячелетий. Написана она была особым квазируническим шрифтом и содержала сюжеты дохристианской мифологии и священной истории германцев. «Велесова книга» (обнаруженная лишь в начале XX века) представляет собой точный аналог «Хроники Ура Линда», только применительно не к германцам, а к славянам.

Ученые сразу же расценили «Хронику Ура Линда» как откровенную подделку, восходящую к эпохе голландского Ренессанса, когда какой-то энциклопедист перенес мифологические и географические знания своей эпохи на далекие времена и воссоздал псевдомифологическую картину. Сторонники же аутентичности «Хроники Ура Линда» были признаны маргиналами, шарлатанами и подвергались научной обструкции. (И в этом отношении параллель с историей «Велесовой книги» очевидна.) Однако и сам Герман Вирт не утверждал, что мы имеем дело с подлинником. Он полагал лишь, что речь идет об очень древней версии мифологического дохристианского предания, обработанной и стилизованной гораздо позднее неизвестным голландским гуманистом. Вирт, знаток более сотни древних и современных языков, археолог, лингвист и историк, проделал колоссальный труд по контентанализу всего памятника и выделил в нем разновременные пласты — самые древние, более поздние и совсем поздние. Результатом его реконструкции явилась публикация «Хроники Ура Линда» с подробнейшими комментариями. Она-то и сделала Вирта изгоем в среде академических историков, считавших, что само сомнение в полной фальшивости «Хроники Ура Линда» автоматически дискредитирует автора. По этой причине и другие, кстати, основные труды Германа Вирта — «Происхождение человечества» и «Священный праязык человечества»[9], — где содержится его рунологическая теория, а сама «Хроника Ура Линда» вообще не упоминается, остались без внимания широкой научной общественности. В этих трудах содержится потрясающий палеоэпиграфический материал, который вполне заслуживает того, чтобы стать сенсацией в истории человеческой протокультуры. Многие интуиции Вирта предвосхищают те лингвистические теории, которые называют «ностратическими» и которые

появились намного позже, нежели первые работы немецкого профессора. Но это лишь одна сторона его фантастических открытий. Самое важное осталось в стороне.

Итак, Вирт предложил следующее объяснение рунических знаков. С его точки зрения, скандинавские и древнегерманские руны и рунические круги *представляют собой следы древнейшей знаково-символической модели, лежащей в основе всех типов языков, мифологий, культур, ритуалов, сакральных доктрин, календарных систем, астрологических наблюдений* и т.д. Некогда рунические круги были известны всем народам земли, вышедшим из единой прародины — северной страны Гипербореи. Вирт, являвшийся сторонником археологической теории «культурных кругов», назвал эту изначальную протокультуру Thulekulturkreise, то есть «культурным кругом Туле». Изначально рунические круги ритуально наносились только на древесную поверхность, поскольку дерево в «культурном круге Туле» считалось сакральным элементом, вещественным воплощением Оси Мира. По этой причине проследить хронологию развития полноценного рунического письма в древних эпохах полноценно невозможно. Лишь фрагментарные надписи на стенах пещер, керамике, камнях, а позже бронзе и железе, являющиеся скорее аномалиями, нежели нормой древнейшей культуры, позволяют судить о шагах эволюции (или, точнее, инволюции) рунического письма. Исторические руны, какими они достоверно появляются в V—VI вв., — лишь инерциальные следы древней забытой системы, которую — чтобы не смешивать понятия — можно назвать проторунической.

Проторуническая система, согласно Вирту, лежит в основе всех систем письма — финикийской, индийской, шумерской, китайской, египетской и т.д. Более того, проторуны и их система представляют собой ключ к расшифровке абсолютно всех мифологических сюжетов и сакральных доктрин как монотеистических, развитых, так и примитивных, языческих. Рунический круг безошибочно прослеживается в фонемах, знаках, мифологических сюжетах, обычаях, ритуалах, приметах, ассоциациях, обрядах всех народов земли. Надо знать лишь код, и расшифровать любую систему символов не представит труда.

В своих трудах Герман Вирт проделал колоссальную работу по вычленению серии сюжетов и знаков, составляющих изначальные ансамбли символов «культуры Туле», которые можно проследить от пещерных рисунков до самых развитых современных теологических конструкций. Каждый том работ Вирта содержит около тысячи страниц, включая атласы и альбомы, каталогизирующие его открытия в сфере археологии (он сам активно участвовал в раскопках), палеоэпиграфии, сравнительной лингвистики, истории религий. На нескольких страницах, естественно, невозможно даже кратко дать представление об этих уникальных исследованиях, которые при всем сказанном столь редки, что их подчас нет даже в самых полных европейских библиотеках. Настоящее обстоятельство объясняется и соображениями политической конъюнктуры. Дело в том, что Герман Вирт был основателем научно-исследовательской организации «Наследие Предков» («Аненэрбе») во время «Третьего Райха», и хотя он был признан совершенно невиновным в преступлениях гитлеровского режима, определенная тень легла также на него, как и на некоторых других знаменитых германских ученых и мыслителей патриотической ориентации — Мартина Хайдеггера, Эрнста Юнгера, Артура Мюллера ван ден Брука, Карла Хаусхофера и т.д. Однако даже среди них Вирту не повезло гораздо больше — рассмтриваемые им темы не вызвали интереса у европейских ученых (в отличие от тем, затрагивавшихся Юнгером и Хайдеггером, которых отстояли их французские поклонники, безупречно чистые с точки зрения «антифашизма»). А вместе с тем, быть может, открытия Вирта несравнимо важнее для нашего понимания истоков человеческого духа, нежели работы многих других авторов...

Вирт прожил до 1982 г., но все это время его и его труды окружало настолько плотное молчание, что создается впечатление, будто во всем этом наличествует какая-то зловещая тайна, какой-то «заговор». Очень странным является и такой эпизод. Последняя книга Германа Вирта, так называемая Palestinabuch, где он собрал все результаты исследований касательно «гиперборейских» истоков ветхозаветной традиции на основании систематизации и исследования архаических пластов ближневос-

точной культуры, была таинственным образом похищена у него из дома накануне отправки в типографию. Если бы исследования Вирта являлись всего лишь шарлатанством, вряд ли кому-то пришло бы в голову красть многотысячностраничную рукопись.

Но эта тайна пока не получила разгадки.

Славянская руника

Нас интересует не просто история немецкого профессора, но то, каким образом его концепция может помочь нам в исследовании славянских древностей, объяснить многие загадки древней дохристианской культуры наших далеких предков. А эта тема сейчас волнует все большее число людей. Отсюда, кстати, и интерес к «Велесовой книге», к реконструкции докириллической письменности и т.п.

Если принять точку зрения Вирта, придется признать, что северные народы Евразии, жившие в непосредственной близости к изначальной арктической прародине — Гиперборее, дольше других сохранили проторунические системы, хотя их полноценное значение, культовое использование и алфавитно-календарное осмысление были искажены и забыты. Поэтому руника встречается у них в фрагментарном виде, в качестве наследия древнего знания, ключ от которого утерян безвозвратно. Но тем не менее начиная с V в. по Р.Х. эта поздняя руника синхронно появляется в различных ареалах севера Евразии. Вирт особенно пристально изучал германо-скандинавские области. Но он также указывал на точное соответствие руническим знакам (огласованных, однако, совершенно иначе) орхонских надписей древних тюрков. Причем тюркская руника появилась почти синхронно с германской, хотя трудно предположить прямое заимствование. С точки зрения простой географической симметрии бросается в глаза, что между ареалом расселения германо-скандинавских племен и тюрками Сибири располагались как раз древние славяне, перемешанные с угрскими племенами. И об этих славянах черноризец Храбр писал, что они «пишут чертами и резами». Позднеруническое письмо характеризуется как раз тем, что оно вырезывалось на дереве или камнях, тогда как, по мнению Вирта, знаки

изначальной проторуники были округлы. Таким образом, вполне вероятно, что *«черты и резы» были символической системой «славянской руники», являющейся как бы промежуточной формой между германской и тюркской системами.* Указание Храбра на то, что древние славяне «гадают» по резам, указывает на использование славянами своих рун с той же целью, каковой руководствовались германцы, — они служили им одновременно и азбукой, и методом сакральных ритуалов (в низшей своей форме — предсказаний).

Поразительно, насколько схожи, с одной стороны, знаки «Гимна Бояна» и «Велесовой книги» и германские руны — с другой. Хотя нельзя исключить и того, что по своим масонским каналам Сулакадзев, к которому сходятся все нити истории с «Велесовой книгой», мог быть в курсе «Хроники Ура Линда», также стилизованной под руническое письмо. В таком случае (чего нельзя полностью исключить) ценность его документов теряется. При всем сказанном не исключено, что, как и в случае с «Хроникой Ура Линда», речь идет о позднейшей переработке какого-то действительно древнего документа. Важно лишь подойти к этому вопросу объективно и беспристрастно, не впадая в преждевренный энтузиазм, но и без заведомых предрассудков.

Подлинны ли фрагменты сулакадзевской коллекции или нет, у славян должны были быть системы рунического типа, фрагменты которых мы безошибочно встречаем в традиционной славянской вышивке, мифологических сюжетах, орнаментах, обрядах и поверьях. Следовательно, вопрос стоит только в том, чтобы приступить к полноценной и масштабной дешифровке древнего славянского наследия, не ожидая, что история подарит нам достоверный материал текстового характера. Последнее было бы слишком простым. Впрочем, нельзя полностью исключить, что рано или поздно обнаружится и такое свидетельство. На данный момент уже сейчас мы можем приступить к глобальной дешифровке славянских древностей, поскольку мы имеем возможность использовать для этого бесценный научный аппарат, разработанный гениальным немецким профессором.

Если мы вычленим систему славянского рунического круга, задача будет решена. И нам останется только провести сравне-

ние этой модели с германской руникой и системой письма, а также календарных знаков древних тюрков. Так, постепенно, мы выйдем на следующий уровень и приблизимся к расшифровке древнейшей загадки Евразии, к постижению ее пракультуры, ее тайного, забытого языка, являющегося не просто средством передачи информации (как сегодня ошибочно понимают язык технократы и прагматики), но уже самой информацией, причем важнейшей и значительнейшей, священной.

Таинство яблока — таинство Севера

Прежде чем сделать первые шаги в нашем исследовании славянской руники, обозначим в самых общих чертах суть концепции Германа Вирта относительно смысла рунического или проторунического письма.

Вирт утверждает, что *изначальной культурной моделью, на основе которой развились и письмо, и фонемы, и календари, и ритуалы, и юридические институты, и искусства, и круг занятий, — то есть вся человеческая культура в ее истоковом, зародышевом состоянии — было наблюдение природных годовых*[10] *явлений арктического Севера*. Многие традиции утверждают, что именно с Севера предки людей спустились в средние и южные широты, где и возникли древнейшие цивилизации — как образы древней прародины, как ее отражения, реконструкции, имитации. Это утверждает иранская традиция, повествующая об Арьяна-Ваэджо, родине предков древних иранцев. То же самое предание содержится в Ведах, где говорится, что первые люди жили в том месте, где день и ночь длятся целый год — то есть в Арктике. Греки знали о северной стране Гиперборее, родине солнечного Аполлона[11].

Индусы обладают традиционной теорией космических циклов, которые они связывают с динамикой континентов. Каждому циклу соответствует свой континент, dvipa. Нашему циклу соответствует так называемая Jambudvipa, «земля яблонь», причем Рене Генон показал[12], что речь идет не о самой Индии, но о всех актуально существующих континентах и особенно об их синтезе — Северной Земле, Арктогее, Гиперборее. Этот сим-

волический момент показателен. Яблоня, яблоко во многих мифах связываются именно с раем или с райским садом, с тем местом, где человечество пребывало в изначальные времена. Сам корень слова «яблоко», этимологически связанный и с индусским jambu, и с германским «Appfel», англ. apple и т.д., Вирт считает родственным имени Аполлона, гиперборейского бога Солнца и Света. Если учесть этот «арктический», полярный момент, то многие сюжеты, связанные с яблоками, станут понятными: молодильные яблоки скандинавских саг, яблоки Гесперид, запретное яблоко с древа познания, послужившее причиной оставления праотцами рая, и т.д. Кроме того, есть и еще одна выразительная деталь: если разрезать яблоко поперек, мы получим в сердцевине пятиконечную звезду ⊗, именно этот символ также изначально являлся образом полюса, Севера, рая.

Вирт объясняет полярный символизм звезды следующим образом. Древнейший календарь представлял собой шестиконечную звезду ✻, отмечающую шесть основных положений солнца. Летнее солнце (верхняя черта), зимнее солнце (нижняя черта), точку восхода и заката зимой (зимнее солнцестояние — две наклонных косых черты вверху) или их же летом (летнее солнцестояние — две наклонных косых черты внизу). Иногда отмечалась и горизонтальная линия, соответствующая точкам равноденствий, что давало восьмиконечную звезду ✳. *В Арктике шестая, нижняя чефта отсутствует*, поскольку зимой солнце там вообще не поднимается, а следовательно, *шестиконечная звезда ✻ становится пятиконечной* ✻. Арктогея — страна яблок и яблонь. Отсюда становится понятной роль яблок в русском и славянском фольклоре[13].

Основные руны

Вернемся к проторуническому кругу. Наблюдение годовых событий за чертой Северного полярного круга делает наглядными следующие знаки, являющиееся основой проторуники. Круг, который описывает солнце за сутки над головой наблю-

дателя, как бы расширяя округлость самого солнца до космических масштабов ◯. Возможно, древнейшей фонемой этого знака был согласный звук «r» (вариант «l» — поскольку «жидкие» согласные часто взаимозаменяемы при переходе от языка к языку). Иногда круг снабжается вертикальной чертой внизу ⫯. От этого произошла греческая «ro» —ρ.

Этот замкнутый круг разрывается в осенние и весенние арктические периоды, когда солнце делает над точкой Юга короткие дуги ⌒⋎⌒. Эти дуги — древнейший проторунический знак, «ur» в скандинавских кругах. Огласовка — гласный «u», единственный звук, который можно издавать с закрытым ртом. Символически это соответствует спуску солнца в темноту ночи, исходя из символического отождествления рта и голоса с космосом. (Сравните русское слово «небо» в значении «верхняя полость рта» и «небо», небосвод).

В начале года тот же знак «ur», ⌒, вероятно, озвучивается как «а», поскольку гласный «а» издается полностью открытым ртом, будучи символом нового начала. Солнце выходит из-под земли, из мрака, пещеры. Начинается Новый День, Новый Год.

Следующий сектор связан со знаком «ka», Y, представляющим собой символ подъема, воздетых рук, рогов и т.д. Этим звуком обозначалось все, имеющее отношение к движению вверх, поэтому часто этот знак означает дух или огонь. Над «ka», Y, восходит «r», ⫯, (или «re» или «ri», поскольку огласовка согласных по мере перехода от посленовогоднего «а» движется к промежуточному «е» и далее к «i», который является гласным летнего солнцестояния, высшей точки года).

После летнего солнцестояния, которое огласуется как «i» и изображается вертикальной чертой,|, — высший знак, дух, царственное достоинство — солнце начинает клониться вниз, к зиме, к арктической ночи. От верхней точки к нижней. Связь между ними осталась в иероглифе «s», S, и проторуне «sol», ⫰ или ϟ, представляющей собой опускающийся огонь, солнце, закат, но вместе с тем молнию. Это также яблоко, тяготеющее осенью к Земле.

Далее следует иероглиф «tu» или «to» — ↑. Осенний спуск, опущенные руки, ветви (ивы, ели, сосны, тиса и т.д.). Гласный «о», средний между «i» (издаваемым с полузакрытым ртом, растянутые губы) и «u» (издаваемым с закрытым ртом).

Кроме того, есть две носовые согласные «n» и «m», которые, по Вирту, обозначают горизонталь, воду, Землю, материнскую утробу, камень, дно, ночь, мрак и т.д.: —, ∼. Это в определенном смысле такой согласный, который еще не обрел четкой формы. Поэтому первый крик ребенка — «ma» — выражает древнейшую гиперборейскую культовую формулу: из недр ночи рождается новая жизнь, новый свет, новый космос.

Исторические руны имеют еще несколько промежуточных знаков:

«Thurs», ᚦ, знак топора (или колючки), которым отделяется пуповина Нового Года от Старого. (Топор и колючка, а также глагол «колоть» связаны через слово «кайло», то есть топор; поэтому не исключено, что эта руна у славян называлась «коло» или как-то похоже.)

«As», ᚨ, и «feoh», ᚠ, — две части Мирового Древа, Ели, Березы, Яблони и т.д. Из «feoh» произошло русское «Бог». Из «as» — русское «азъ», местоимение первого лица «я».

Согласный «n», изначально изображавшийся горизонтальной чертой, —, позднее сочетался с «nyt», ᚾ, откуда русское «не», «нет», отсюда же «ночь». Озвончение весеннего «ka», Y («ken» — ᚴ — в поздних кругах) дало «gyfu», X, руну, сходную с «ka», поднятая рука, перекладина. Вариацией «i» стала руна «ieh», ᛇ, указывающая на изменение траектории пути солнца в момент летнего солнцеворота.

В точке осеннего равноденствия закрепилась составная руна «beorg», ᛒ, или △△, то есть «две горы», перешедшая сюда из зимнего солнцестояния в более древних версиях. От этой фонемы образовано и русское слово «береза» — сакральное дерево славян. Все остальные руны принадлежат предновогоднему периоду — осенне-зимнему сезону.

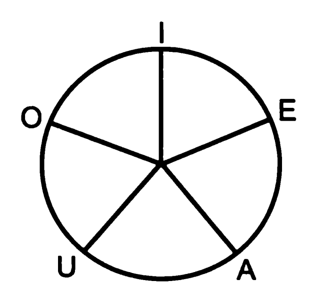
Далее идет «lagu», крюк, ᛚ, означающее также «воду», «озеро». Русское слово «луг» несет в себе оба протосмысла — нечто кривое, лук, излучина (внешний вид идеограммы, крюка, рукояти посоха) и пространство, заливаемое по весне водой; близкое германским корням обозначающим «озеро» — «lake». Отсюда же и русское «лужа».

Руна «madr», ᛘ, попала в осень из весны, где она изображала «m» (и звучала так же), волнующуюся водную гладь, контрастирующую со стоячей водой осени — «n», —.

Руна «eoh», ᛖ, напоминает идеограмму коня, и отсюда все мифологические сюжеты о «водных конях» или «морских жеребцах».

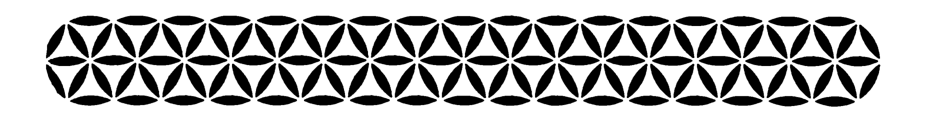
Руна «ing», ᛝ, представляет собой брачную руну, союз неба (верхний треугольник, /\) и земли (нижний треугольник, \/), мужского и женского начала. Это также две переплетенные змеи. Фонетически огласуется дифтонгом «ng» (иногда с носовым «n»). В древнерусском языке «n» было носовым и постепенно отпало. Такие современные русские слова, как «угол», «угрь», «крюк», «рука», «лягушка» и т.д., имели некогда носовое «n» перед «g» или «k». Возможно, славянским названием руны «ing» было «угол» или «крюк».

«Odil», ᛟ, представляет собой узел, петлю, каплю. Означает дух, семя, иногда также рыбу в силу иероглифического сходства и того обстоятельства, что рыбы живут в воде, а предновогодние сектора священного года соотносятся с водой. На древнерусском подлинное имя рыбы, «зва», было табуировано. Не исключено, что русский «odil» назывался именно так — «зва» (или «дух»).

Важная руна «dag», ᛞ, означает «день», «свет», «двойной топор», а также «чашу», «сосуд», «котел для ритуальных празднеств». Руна дала имя кельтскому богу Дагда, который в ирландских мифах связан с волшебным котлом, пища в котором не иссякает. Это новогодняя руна. От этого корня развились индоевропейские имена небесного бога — индусское Dyaus, латинское Deus, греческое Θεός. К этой же основе восходят немецкое «Tag» («день») и само русское «день».

Теперь остается попытаться найти соответствия этому набору священных идеограмм и славянским корням, узорам, сказаниям, мифологическим сюжетам и т.д. Таким образом, мы приблизимся к восстановлению сакральной картины мира наших предков и к выяснению священной модели, лежащей в основе нашей древнейшей культуры, нашего языка, наших обрядов, нашей психологии и т.д.

Глава 4

КОСМИЧЕСКИЙ СПАСИТЕЛЬ. ДВА ВЕЛИКИХ СИМВОЛА

«TIU» — СВЕТ, ОПУСКАЮЩИЙ РУКИ

Heilbringer

«"↑", "Спаситель" ("Heilbringer", "Heiland") — это мысленная формула для обозначения ставшего видимым откровением высшего Существа, Мирового Духа, во времени и пространстве. Поэтому он является "Сыном Божьим" и воплощается чувственно, как в пространстве, в форме мира, ⊕ или ⊛, или ⊛, так и во времени, в космическом круговращении, в Годе, измеряемом движением солнца. Через него, "Божественного Ребенка", позже "Сына Божьего", действует сам Бог.

Он — посредник между Богом и людьми, между бесконечностью и конечностью, между безусловным и обусловленным, между абсолютным и относительным».

Так определяет Герман Вирт сущность древнейшей мифологической фигуры «Культурного Героя», «Божественного Посланника», который известен всем традициям и всем цивилизациям. Этот персонаж, по мнению Вирта, некогда имел единый смысл и даже единое *Имя* во всех языках, а вся совокупность сакральных сюжетов, связанных с его личностью, возводима к единой примордиальной парадигме, совпадающей с истоком письменности, календаря, речи, проторелигии. Heilbringer, дословно «Носитель Блага», является световым, «четвертым» измерением реальности, в котором остальные ее измерения раз-

решаются в интегрирующей формуле, в абсолютном знаке, переводящем множественное и противоречивое изобилие вещей и явлений в строгую и одухотворяющую формулу, дающую смысл всему бытию.

Heilbringer — фигура универсальная, она не принадлежит к специфическому миру людей, не является продуктом культурного обобщения, человеческой социально-научной рационализации. Это разумная жизнь, пронизывающая весь макрокосмос, и хотя она включает в себя человека, как важнейший компонент законченного богоявления, данного в плоти мира, она предшествует ему, учреждает его во всем его уникальном онтологическом статусе еще до того, как он научится самостоятельно оперировать своими разумными способностями и систематизировать явления и вещи. Иными словами, существование этого универсального Посредника совершенно *объективно*, самостоятельно и первично.

Неудивительно, что его знаки, мифы о нем, сакральные ритуалы, связанные с ним, почитались в Традиции чем-то сверхважным, внушающим восторг и трепет. Его символам поклонялись, его имя обладало таинственной силой.

Вирт исследовал различные наиболее архаические иероглифы Heilbringer`а и пришел к выводу, что наиболее древним и универсальным, восходящим к палеолиту, является его схематизированное изображение в виде человека с опущенными руками, ↑. Эпиграфическими синонимами служат фигура с поднятыми руками, Y, вертикальная черта, |, кресты ⊕ ❋ ✺ и т.д.

Все эти изображения космического Спасителя неразрывно связаны с древнейшим календарем, который был единовременно примордиальной иконой и истоком сакрального языка — как письменного, так и устного. Исходя из древнейшей и простейшей схемы, Вирт выделяет четыре основные иероглифические модальности иероглифа Heilbringer`а.

В зимнем солнцестоянии это чаще всего Крест, сам по себе или в круге, то есть весь Год целиком, новый Год, полный и еще не

Mittsommer
N
NW
NO
Gleiche
W
O
Gleiche
SW
SO
S
Mittwinter

Tys ætt

Hagals ætt

Frøys ætt

«растраченный», . Иногда его синонимом являются две половины круга, и эта двойственность — две половины года, , — является отличительным признаком космического Спасителя во

всех его трансформациях. Он является «Двойным» (zwiefache) по преимуществу[14] — и как объединяющий все пары имманентных противоположностей, и как соединяющий весь феноменальный, эмпирический мир с чистым миром Божественного Духа.

В весенней половине Года он представлен с поднятыми, воздетыми к небу руками — ᛉ. Символ космического воскрешения, восстания жизни из зимней полуночной могилы. В некоторых случаях поднята лишь одна рука ᛉ, а другая опущена (намек на осень) или графически неакцентирована ᚺ.

На вершине лета он часто изображается «безруким», |, вертикальная черта. Световое развитие достигло апогея. Полярный полдень. Ночь отсутствует. Солнце не закатывается за горизонт. Миг вечности.

Осенняя дуга, и Heilbringer, ᛏ, опускает руки, нисходит во мрак зимней могилы. Погружается в недра земли, во чрево дракона, кита, змея, великана, волка и т.д. В скандинавских сагах есть сюжет о том, как космический волк Фенрир (нижняя половина Года) откусывает богу Тюру руку, ᛚ. Однорукий бог — осенний по преимуществу. Сущностно он остается «Двойным», но в рамках годового цикла остается только одна половина — ᛚ (одна рука).

Различия между позами Heilbringer`a изначально соответствуют математически строгому календарно-философскому смыслу сюжета. Однако постепенно цельность первичной модели нарушается. Отдельные культуры или народы развивают предпочтительно фрагменты общей культовой картины. За той или иной фигурой закрепляется личностный характер космического Посредника, который появляется в фиксированной форме в разных циклических ситуациях и сюжетах, тогда как другие его идеографические вариации отходят на задний план или сопрягаются со вторичными мифологическими персонажами или историями.

Так, к примеру, «Tiu», «Tyr», ᛏ, «Сын Божий с опущенными руками», «Двойной», может появляться в той же позе и в зимнем солнцестоянии, и в весеннем равноденствии, и в летнем солнцестоянии. Теперь он обходит годовой круг полностью.

Südwest-Europa (ältere Steinzeit) — 1, 2 a, b, 3a, 3b, 4, 5
Frankreich (j. Steinzeit) — 6, 7
Wallis — 8, 9, 10
Nord-Europa — 11, 12, 13, 14, 15, 16

Deutschland — 17, 18, 19
Runen — 20 = t, 21 = ear. tir. ziu
Keltisch — 22, 23 = t, 24 = i

Süd-Iberisch — 25, 26, 27, 28, 29, 30, 34, 35, 36, 37, 38, 39
Nord-Iberisch — 31, 32, 33 = t; 40, 41 = v
Kyprisch — 43 = ti
Faliskisch — 42 = v; 44, 45 = vo
Karisch — 48, 49 = i; 46, 47 = ka

Kreto-Minoisch — 50, 51, 52, 53
Orchomenos — 54 (tiu)
Hettitisch — 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61

Vai — 62, 63 = bû
Vordynastische Linearschrift Ägyptens — 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76

Sumerisch — 77, 78, 79, 80, 81
Alt-Elam. — 82, 83
Alt-Chinesisch — 84, 85 *ti, tu* „Erde“; 86, 87, 88 *wu* „Mittag“; 89, 90 *ping* „Eis“; 91 *ti* „Gottheit“; 92, 93 *tsao* „Dorn“

Alt-Chinesisch (Fortsetzung) — 94 *šik* = 10; 95, 96 *tan* „früh“; 97, 98, 99
Nordost-Europa/Nordwest-Asien — 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108

Palestina — 109, 110, 111
Gezer (vorjüdisch) — 112, 113, 114, 115
(christlich) — 116, 117
Nord-Amerika — 118, 119

То же можно сказать и о «Боге с воздетыми руками». Древняя руна ᛉ, «man», или «madr», изначально означавшая весеннее положение «Света Мира» в исторических рунических кругах оказалась в осеннем секторе и стала обозначать «человека», Mensch, man. Кстати, русское слово «человек» содержит в себе этимологически элемент «целый» (cel), который, в свою очередь, связан с немецким Heil (благо), входящим в слова Heilbringer, Heiland[15].

Часто встречаются также фигуры с двумя парами рук — одна поднята, другая опущена — ᛯ. Это начертание замещает собой крест зимнего солнцестояния и лежит в основании изображения четырехруких индуистских божеств.

Поскольку исследование всех архаических идеограмм Heilbringer`a заняло бы слишком много места, мы ограничимся здесь его «осенней» формой — «Человек с опущенными руками», ᛏ, имея постоянно в виду, что речь идет не только об одной его ипостаси (как в полноценном изначальном мифо-календарном и ритуально-концептуальном комплексе), но о Нем самом.

Бог — стрела

Вирт пишет: *«Tiu есть не кто иной, как Сын Божий вблизи зимнего солнцестояния, в последнем месяце Года, в последнем "солнечном доме". Это явствует из анализа всей атлантической иероглифики»*.

Идеограммы «человека с опущенными руками» или «древа, с опущенными ветвями» встречаются уже в археологическом пласте Magdalenien.

Основной сюжет, связанный с «Tiu», — это сакральная история его «спуска» с горы, в недра земли, в пещеру, в яму, под землю, на землю с небес, погружение в воду, его превращение в животное, поглощение его зверем, мифологическим чудовищем, его затемнение, старение, страдание, потеря им чего-то важного — органа, члена, культового предмета и т.д.

В шумерском письме, например, этот же иероглиф, ᛏ, обозначал «бога вод» Эа и одновременно Бела, «солнечного бога».

Этимологически «Tiu» — это древнеарийское имя, родственное древневерхненемецкому «Zio», древнеиндийскому «Dyaus», его деривату «dyauspita» («небесный отец»), откуда латинское «Juppiter», греческое «Zeus pater», а также слова, означающие «день» — «dies», «Tag», и «бога» — «deus» и «dius». Конечно, ведический Дьяус и тем более Зевс классической мифологии далеко ушли от изначального сакрального комплекса, обретя черты в первом случае абстрактного понятия, во втором — личностного бога-мироустроителя. Но в архаических пластах соответствующих традиций, и особенно в архаических пластах индоевропейских языков, существует множество фонетических формул, оборотов, выражений и т.д., позволяющих распознать во всем контексте древнейшее гиперборейское понятие «Tiu».

Вирт подчеркивает, что археология и генеалогия этого знака в различных системах письменности — от пещерной и культовой палеоэпиграфики до линейного письма — убедительно доказывают, что он постоянно присутствует в самых разных цивилизациях до, параллельно и после возникновения собственно финикийской письменности, где этот знак *отсутствует* (!). Следовательно, делает заключение Вирт, это в очередной раз доказывает тезис о существовании единой гиперборейской системы линейного проторунического письма, развившегося в северных регионах (так называемый Thulekulturkreise, «культурный круг Туле») и распространявшегося по всему континенту задолго до существования Финикии. Саму же западносемитскую письменность Вирт рассматривает как один из редуцированных вариантов древней полноценной системы, адаптированной к практическим нуждам морских купцов и почти лишенной всякого культового значения. Хотя многие знаки заимствованы из «Священного Круга», подчас их вокализация изменена, а их смысл утрачен. Показательно, что в семитском алфавите отсутствовал знак «Tiu», означающий главнейшую идеограмму нордического культового комплекса — снисходящего к людям «Сына Божьего»[16].

Итак, «Tiu» — это *Двойной*, утрачивающий изобильность и полноту своего качества, но остающийся одновременно внутрен-

не тождественным, вечным, неизменным, а, следовательно, неумолимо сквозь все испытания движущийся к Победе и Воскресению. В этом сложном комплексе следует искать различие между двумя типами сакральных историй — героического эпоса, заканчивающегося трагедией, и волшебной сказки с неизбежно добрым концом. Сказка, распространенная в низших слоях народа, сохранялась в архаическом виде в относительной неприкосновенности как раз за счет консерватизма «нецивилизованного» класса, и, следовательно, вся парадигма циклических странствий «космического Спасителя» представлена полноценно. Тогда как героический эпос, саги и полурационализированная мифология были атрибутом высших классов, для которых характерно рассудочно осмыслять сюжеты, и в периоды, когда вся полнота ключа к изначальному мифологическому комплексу утрачивалась, отдельные фрагменты цикла получали самостоятельное развитие.

Бросается в глаза графическое сходство иероглифа «Tiu» — ↑ — со стрелой (копьем). Отсюда мифологическое тождество и перенос значения. Отныне вместо «Бога с опущенными руками» можно встретить изображение «существа со стрелой». Отсюда же вытекают все сакральные аспекты символизма лука или стрельца[17].

В исландской рунической песне соответствующий знак, ↑, сопряжен с выражением «fifu farbanti» (великан стрелы) и «bendr baugi» (натянутая дуга, лук). Вирт замечает, что между угловым и полукруглым изображениями идеограммы существует временное соотношение. Изначальной является полукруглая форма, которая может быть интерпретирована именно как натянутый лук с вложенной в него стрелой, а не как отдельная стрела с острым наконечником. Лишь обычай вырезать иероглифы на дереве, который предшествовал появлению собственно письменности, привел к угловатым формам проторун, ↑, из-за удобства резцом схематизировать кривые линии в углы.

Стрела и копье играют важную символическую роль во многих сюжетах, связанных с идеей зимнего солнцестояния, полночи или ее космического, вселенского аналога. Так, в скандинавской мифологии есть сюжет о случайном убийстве *стрелой* (веткой омелы) юного бога Бальдра, которое служит знаком

начала «сумерков богов», «fimbulwinter» и прелюдией эсхатологического сражения — «ragna-rekkr».

Копье центуриона Лонгина[18] играет аналогичную роль в христианской традиции. И неслучайно в европейском средневековом христианском эзотеризме копье Лонгина связывалось с чашей Святого Грааля, в которую, по преданию, Иосиф Аримафейский благочестиво собрал «кровь Спасителя», вытекшую из прободенного копьем Лонгина бока распятого Богочеловека. С точки зрения архаической культовой системы нордических символов знак ᚢ, «ur», — «пещера», но вместе с тем «чаша», «вода», «море» и т.д., тесно сопрягался со знаком «tiu», ↑, откуда германское «Tyr» и устойчивое сочетание — «tr», ↑ᚢ. Перевернутый ᚢ, «ur», дает новую иерограмму — «ka» (∪, или угловой вариант — ∨), то есть «воскресающий Бог», «бог, воздевающий руки». Снисхождение к точке зимнего солнцестояния, к смерти, в ад, связанное с копьем («опускающий руки»), является залогом весеннего воскресения (чаша, Грааль, воздетые руки — ∨) для всех тех, кто причастился «Сыну Божьему», его крови и его плоти *в низшей точке* его искупительного жертвенного пути. В православном обряде копье, которым изымают частицы агнца, и причастная чаша являются прямыми аналогами всего этого священного культового действа, восходящего в предначертательном образе к незапамятным временам гиперборейской нордической цивилизации.

Очень интересная деталь: в греческом мифе о борьбе Аполлона с циклопами тот прячет свой лук, которым уничтожил врагов в стране «гипербореев», у «антиподов между двумя солнцами, закатом и восходом».

Лук и стрелы были сакральными инструментами у многих архаических народов — так, в частности, у евроазиатских шаманов лук и стрела предшествовали в камланиях бубну и колотушке; горизонтальная диагональ на шаманском бубне часто сохраняет название «тетива лука».

На острие стрелы хранится, согласно индуистской традиции, душа Брахмы или жизнь Кощея Бессмертного в русских сказках.

Pyrenäen-Halbinsel (ältere — jüngere Steinzeit)

Grundformen · Minateda · Corao · Los Vuytres · Fuenca-liente · Los Vuytres

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

Grundformen · Fuencaliente usw. · Altamira

14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 a 27 b 28 29

Mas d'Azil · Kypros · Runen · Elsaß (j. Stzt.)

a 30 b 31 32 33 34 35 36 37 38 — mi 39 40 41 — mo 42 — mu 43 44 — m 45

Grundformen: N. Amerika, N. Afrika · Europa · Etruskisch (Osk. Umbr.) · Altphönikisch · Atlantisch-Nordisch · La Pileta

46 47 48 49 50 — m 51 52 53 54 — m 55 — 56 oder 57 58 59 60 61 62 63

Puerto de Visalegre · Cuava Doña Trinidad · Arabí · Cuevas de Las Palomas · Estrecho de Santonge (Almeria) · La Pileta

64 65 66 67 68 69a 69b 70a 70b

Montespan (ä. Stzt.) · Mas d'Azil · Irland (j. Stzt. — ältere Bronzezeit): Sliabh na Calliaghe

a b c d 71 72 73 74 75 a b 76 c d

Orkney · Satzkorn · Schussenried · Aga Rune · Alvera (j. Stzt.) · Italien · Nordatlantisch (jüngere Steinzeit — ältere Bronzezeit)

77 78 79 80 81 — yr 82 83 84 85 86 87

Nord-atlantisch · Silstrup · Glockenbecherkultur (Kupferzeit)

88 89 90 91 92 93 94 95

Glockenbecherkultur (Kupferzeit) · Sarvaš (Slavonien) · Vai

96 97 98 99 100 101 102 — i 103 104 105 106 107 108 109

gyi — Wasser · *ya* · *gya* — Auge · *bã, bu* — Bauch, Inneres

Vai · Bamum

110 *ba* — Mutter · 111 *nü* — Schlange · 112 *nkö* — Wasser · 113 *nku* — Leichnam · 114 *bo* — sein · 115 *buni* — sterben · 116 *kum* — Jahr · 117 · 118 · 119 · 120

Ma-uri — Libyer — Berber (ält. Stzt. — Neuzeit)

Ägypten (vor- und frühdynastisch) · Hieroglyphe · Alt- Neu-Thamudisch · Sumerisch

121 122 123 124 125 126 *mw (mu)* — Wasser · 127 128 129 130 — m · 131 *me, a* — Wasser · a 132 b *hi-um (ḫum)*

Sumerisch

133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149

В индуизме богом-лучником считается Шива, связанный с эсхатологией (когда он задует в раковину, вселенная рухнет) и огнем. Шива, в отличие от Камы, божества сентиментальной любви, воплощает в себе высший метафизический аспект брака, как соединения мира с Богом, вселенной с ее истоком, и поэтому он убивает Каму своим третьим глазом[19] . Вообще говоря, это довольно поздняя мифологическая история, несущая на себе следы жреческой рационализации; изначально разницы между сакральным, метафизическим значением Лука и Стрелы (а соответственно, брака и соединения) и более приземленными реальностями не существовало. Греческий Эрот или индуистский Кама были некогда тождественны солнечным лучникам — Аполлону или Шиве, лишь впоследствии и, возможно, в результате смешения различных символических комплексов эти фигуры разделились.

Надо отметить символизм греческого охотника Ориона, чья история несет на себе явные признаки очень архаического сюжета, связанного с мистерией зимнего солнцестояния. В его истории есть тема Гипербореи (посягательство на жительницу Гипербореи — деву Опис), убийство его стрелой из лука Артемиды, хождение по морю, ослепление и новое обретение зрения после инициатического путешествия навстречу солнечным лучам и т.д. Созвездие Ориона древними египтянами отождествлялось с небесной фигурой Озириса, а индусы располагали на этом же участке звездного неба созвездие mrga-shirsha, самого Шиву[20] .

Все эти сюжеты и культовые ритуалы сопряжены именно с идеограммой «Tiu», относятся к мистерии Зимнего Солнцестояния и являются развертыванием древнейшего гиперборейского символизма. Зимнее Солнцестояние вплотную сопряжено с универсальной идеей конца старого и начала нового, с волшебной точкой бытия, когда смерть превращается в воскресение, гибель открывает врата к бессмертию. Этой модели уникального момента Года следуют все сакральные мотивы, связанные с наиболее важным моментом всякого цикла — не важно, гигантского вселенского (конец мира) или совсем незначительного (конец суток или еще меньшего промежутка времени).

Два равно Трем

Вирт указывает на то, что последняя буква древнего финикийского алфавита фонетически была «t» и произносилась как «tau», «taw», а ее иероглифом был знак ╳, или +. Этот же знак означал звук «t» также и в древнеарабском письме (тамудическом, сафаитском, сабейском, лихьяническом), а также в ливийском (нумидском, берберском).

«Таким образом, в конце алфавита, то есть Года, — пишет Вирт, — *стоял знак креста или якоря, озвученный зимнесолнцестоянческим именем бога — tau, taw, в некоторых случаях — tua. Символ "Двойного" — ↕».*

Якорь — перевернутый знак «Tiu» в округлом начертании — означает «снисхождение «Света Мира» на дно темных вод, спуск в зимний ад.

Показательно, что в раннехристианской символике якорь был знаком самого Христа.

Древние календарные круги делились на разные сектора. Самым древним и арктическим было деление на две половины (отсюда «Сын Божий» — «Двойной»). Следующее по универсальности членение было троичным, разделяющим год на три равные части — три сезона; скандинавские рунические круги сохранили такое деление в формуле трех aettir, трех направлений. В точке зимнего солнцестояния начало весеннего сектора, по обе стороны от летнего солнцестояния — летний сектор и, наконец, вниз, к осенне-зимнему периоду — третий сектор. Этот третий сектор назывался «Tys att»[21] и символизировался нашим знаком «Tiu», ↑.

«Tiu» близок к «Tyr», то есть к концепции «t» в «ur»`е, ↑ ᚢ. И все это относится к третьей предновогодней части круга. *Вирт объясняет фонетическое происхождение озвучивания числа 3 — три, «tri» в большинстве индоевропейских языков — именно этим обстоятельством!* Отсюда сакрализация троичности в самых древних традициях. Устойчивый архаический сюжет «третьего (младшего) брата», который, уступая обоим братьям по всем показателям, становится, однако, спасите-

лем, победителем и искупителем после всех испытаний и злоключений. Этот сюжет чрезвычайно распространен во всем индоевропейском фольклоре — от индийского через иранский, славянский, германский до исландского и кельтского. Если понять, что речь идет о «Tiu», то такая сакрализация числа «три» станет прозрачной. В раннем христианстве, распространявшемся в областях (начиная с Галилеи), где никогда не прерывалась древняя гиперборейская традиция — в Малой Азии, Греции, Италии, Фессалии, Анатолии и т.д., — все эти моменты прекрасно осознавались — на последнем месте в алфавите стоял Крест (иногда распятия изображались в виде буквы Т, эта же буква соответствовала Якорю Спасения, Сыну Божьему и «Двойному» (две природы), лицу Пресвятой Троицы...

Сын Божий, нисходящий в «ur», чтобы спасти мир и даровать ему воскресение.

Если слово «три» развилось фонетически из идеи снисхождения «Tiu», «Tua», «Tu» в «ur», ↑ ᚢ, то само слово «два»[22] — древневерхненемецкое «zwa», англосаксонское «twa», латинское «duo», древнеиндийское «d(u) vau» и т.д. — возникло из вокализации идеограммы Сына Божьего самого по себе: «Tua» — «tva» — «tav» — «dva» и т.д. Таким образом, на архаическом культово-календарном уровне была внутренняя связь между «двумя» и «тремя», которая сохранилась даже в языке. Оба слова относятся к ↑, Сыну Божьему, космическому Спасителю. И снова мы видим поразительное совпадение с раннехристианской традицией, которая строит догматы Церкви на парадоксальном и сверхрациональном сочетании в личности Исуса Христа сакральных чисел «два» и «три»: Он — одно из лиц Троицы, и в Нем Две природы (божественная и человеческая). Обе идеи заложены в древнейшем христианском перстосложении — три сложенных пальца символизируют Троицу, два других — две природы Христа.

Божественное зверь-дерево

«Heilbringer» («Tiu», «Tyr», ↑) в своем нисхождении тождественен идеограмме Дерева — отсюда многочисленные мифы о

«людях-деревьях», «лесных людях» и т.д. Символизм Дерева, леса, избрание леса в качестве места развертывания мифологического сюжета или капища восходит именно к этой гиперборейской фигуре, которая никогда не означала *никакого конкретного предмета в отдельности*, вопреки эволюционистской теории о происхождении букв и знаков из пиктограмм, схематически изображающих реальных существ или предметы. Напротив, иероглиф «Tiu», ↑, как осенне-зимняя часть Года, как символ нисхождения Света Мира (не обязательно солнца, именно Света, как более общего и более метафизического понятия), — иными словами, как *абстрактная идея* — лежал в основе наименований, культового почитания и сакрального осмысления реально существующих зверей, растений, предметов и явлений. Космический Спаситель в нисходящей траектории ↑ и его идеограмма были первичны для всех остальных вещей, комплексов, ансамблей, ситуаций и т.д., на которые изначальный смысл переносился по аналогии, на основании внешнего или внутреннего сходства.

Так, Дерево, как ось мира, как священный знак сакрализовано именно на основании его внешнего сходства с идеограммой Heilbringer`a. Особенно выразительно с этой идеограммой совпадали опущенные ветви ели, а также черный и белый цвета, и неудивительно, что древние индоевропейцы выбрали два этих дерева в качестве наиболее центральных, почитаемых.

В немецком языке название ели — «Tanne», а березы — «Birke». Оба эти слова, по логике Вирта, должны быть связаны с тем же изначальным мифологическим комплексом «Tiu», а следовательно, в них должна заключаться протоидея предновогоднего спуска Света Мира в нижние регионы вселенной (в землю, под землю, в воды, в материнское чрево мира, в ночь, в камень и т.д.). Кроме того, Вирт показывает, что названия березы и ели могут меняться местами, поскольку первичным в обоих случаях является именно концептуально-идеографическая форма, связанная с календарно-философским осмыслением цикла. Так, у североамериканских индейцев дакота, которые также почитают березу сакральным культовым деревом, она

называется «tan-pa». Это сочетание «tan», по Вирту, является примордиальным и означает «нисхождение ↑, “Tiu” в “an”», а сочетание «an», вообще звук «n», является древнейшей гиперборейской фонемой для обозначения Матери-Земли, камня, низа, лона, нижней части годового цикла. Итак, культовая формула «tan»[23] является концептуальным синонимом «tur», «tyr», то есть «Tiu» в «ur»`е, ↑ ᚢ.

«Birke» также является архаической культовой формулой. В большинстве индоевропейских языков это наименование березы устойчиво сохранилось (русская «береза» этимологически относится сюда же). Вирт показывает, что речь идет о вариации формулы «buru», в которой сочетаются две примордиальные фонемы — «bi» (варианты «ba», «bu») и «ur» (вариант «uru»). Речь идет о идеограмме «двух гор», которые в рунических кругах расположены в виде двух дуг перед и после зимнего солнцестояния. Это визуальное наблюдение полярного феномена движения солнца на юге перед тем, как оно скроется во чреве полярной ночи, и сразу после того, как оно оттуда покажется. Одна дуга, ᚢ, называется «ur» и является идеограммой, давшей концептуальный смысл «пещере», «петле», «горе» и множеству других сакральных и культовых предметов и мест в гиперборейской цивилизации. Две дуги составляют иероглиф «двух гор», «uu», — «два “ur”`а», ᛒ, «bi-ur»[24]. Эти две горы в далеком прошлом получили фонетическую огласку «b» и иероглиф ᛒ. Относительно фонемы «ka» (или ее аналогов, вариаций — «g», «kh», «gh», «j», «ch», «c» и т.д.), которая устойчиво присутствует в названии березы, можно сказать, что она означает «Сына Божьего», космического Спасителя во второй половине Года, «человека воскресающего, воздевшего руки». Хотя на этой фигуре мы остановимся позже.

Итак «Tiu-Heilbringer» замещает себя березой и елью. Отсюда сакрализация дерева в древних цивилизациях — из дерева делались дома, средства передвижения, корабли, орудия. На дереве — особенно бересте — писали за много тысячелетий до того, как южносемитские, средиземноморские народы стали

использовать для этой цели высушенные шкуры животных. Вирт указывает, что верхняя сплошная соединительная черта в санскритском письме является следом верхнего края бересты, которая ритуально сохранилась в качестве воспоминания о сакральном божественном прошлом.

В высшей степени показательно русское слово «ель». Это древнейший корень, восходящий к культовой формуле «el», «il», которая обозначала «свет», «луч» и, соответственно, также прилагалась к «Tiu», «Свету Мира». Неудивительно, что космический Спаситель именуется также «ull»[25], «il», «el» и т.д. Вирт показывает, что имена «Ullr», «Ulli» и т.д. и «Tu», «Tiu» в мифологии почти синонимичны и идеографически тождественны. В частности, у гренландских эскимосов, язык которых хранит множество архаических элементов, слова с этой фонемой («ullo», «ullok», «ulluk», «ullut» и т.д.) означают «день» («ullok»), «год», «рассвет» и т.д. Причем особенно зимним является сочетание «l» с «u», согласно великой культовой гиперборейской формуле озвучивания сакральных слогов в зависимости от времени Года. Нордический закон пяти гласных Вирт формулирует так: «а» — начало года, «е» — весеннее равноденствие, «i» — середина лета, «о» — осеннее равноденствие, «u» — зима, конец года. Поскольку и фонетически, и концептуально «е» и «о» являются промежуточными гласными (это явно в семитских языках), то пять можно свести к трем: «а», «i», «u», что соответствует трем «aettir», о которых мы уже говорили. Стало быть, «u» (= о) соответствует «Tys aett», то есть третьему сектору Года, находящемуся под знаком «Tiu». В русском же слове «ель» важнее всего архаичное «l». Иными словами, память о «световом» символизме сохранилась, но «опущенные ветви» ели концептуально в фонеме не отразились.

Зато русское «ель» явно сближается с другим важнейшим символом того же порядка — с «оленем», немецкое «Elch», а на языке дакота олень называется «ta», что снова приводит нас ко все тому же («ta» — «олень», «tan» — «береза»; и то, и другое — сакральные понятия в индейских культах). Русское «олень» несет в себе то «зимнее» «о» (u), которого недостает в слове «ель».

Вирт доказывает, что олень был наиболее древним культовым животным гиперборейского периода и как таковой связывался с зимними, солнцестоянческими мифами. Только позже его заменил в этом качестве бык (еще позже — баран). Например, у индейцев дакота бык называется «большой олень», «большой “ta”», и не имеет самостоятельного названия. Оленьи рога в культовом контексте воспринимались как знаки «ka», воскресающего спасителя мира, как визуальный феномен воздетых рук.

В древних названиях быка в индоевропейских языках мы снова сталкиваемся с сочетанием «t», ᛏ, и «ur», ᚢ («yr», ᛦ). Это немецкое «Stier», латинское «taurus», авестийское «staora», русское «тур». Heilbringer, Свет Мира с неба нисходит к нижним регионам, к царству зверей, в миры массы, материи. Отсюда сюжеты жертвоприношений быка в древних культах — иудаистических, митраистских и т.д. На Руси также довольно долго совершались жертвоприношения быка, причем происходило это в день пророка Илии, в момент, когда лето клонилось к зиме, а само имя «Илия» понималось русскими как фонема нисходящего Света (отсюда связь пророка с молнией — «нисходящим светом»), как символ, близкий к «il», «ul», «tiu» и т.д.

Важно подчеркнуть полифонию культовых символов: в изначальном гиперборейском комплексе еще отсутствовало строгое разделение на общий смысл космического события (например, сюжет «Tiu» в целом) и роли действующих лиц или фон, на котором оно происходит, и т.д. Поэтому само имя Божественного Света могло переноситься на ту реальность, в который этот Свет «тонет». Например, слово «wulf», «волк» явно происходит от формулы «ul», то есть «Heilbringer» перед зимним солнцестоянием, хотя в дальнейшем развитии сюжета именно Волк[26], космический волк (пес, дракон и т.д.) является противником Спасителя и его убийцей. Зимнесолнцестоянческая мистерия есть изначально двойная жертва — нижнее убивает высшее, но за счет этого само умирает от своего поступка, а высшее воскресает. Сын Божий смертию попирает смерть. Титаны разрывают Диониса и превращаются в богов. Поэтому культовые фонемы, описывающие всю сакральную ситуацию, еще не дуа-

лизированы, строго не разведены. Еще нет ни полов, ни ролей жертвы и палача, нет абсолютного добра или абсолютного зла. Вся вселенная представляет собой совершенное и исполненное великого смысла БОГОЯВЛЕНИЕ, где и темные, и светлые стороны одинаково важны, существенны, служат делу гармонии и торжества нордической истины.

«Tiu» сливается с «Stier» («быком»), с «Elch» («оленем»). Отсюда же немецкое «Tier», греческое «therion» («зверь») и русское «зверь» (даже этимологически оно связано с немецким и греческим). Бог и зверь имеют одинаковые имена, сливаясь в новогоднем мифе, — отсюда зооморфные персонажи древних религий, тотемы, иудаистические «hayot hakadosh», священные животные, виденные пророками у трона Господня.

Так даже этимологически русские слова «зверь» и «дерево», как собирательные для целой вереницы видов и подвидов, не только восходят к одной фонеме, но и получают свое имя от нисходящего в ночную массу зимней материи чистого небесного Света, Сына Божьего. Неудивительно, что сам Христос в раннем христианстве изображался в виде *агнца* и был распят на *древе* Креста. Также общепринятым было изображать Христа в виде рыбы, а само слово «рыба» в русском языке было «zъvь», что этимологически связано со словом «зверь».

Осенний ряд рун

Вирт показывает, что некоторые другие идеограммы могут служить субститутами знака «Tiu» или дополнять его в комбинированных вариантах. Все эти символы соответствуют некоторым знакам рунического круга, расположенным на осенней стороне. Эти знаки наиболее архаичные, сохранившиеся на своем месте с незапамятных времен.

Такова руна «sig», ϟ, или «sol», ⌡, в рунических кругах они взаимозаменяемы. Она может быть рассмотрена как идеограмма молнии или спускающегося солнца. На самом деле это, по Вирту, фрагмент или субститут древнейшего арктического иероглифа ⌠, означающего связь между собой двух кардиналь-

ных точек Года — нижней и верхней. Позже этот фрагмент был осмыслен как нисхождение от лета к зиме, поэтому остался только нижний круг ᛣ. Во-втором случае, «sig», ϟ, символизирует схематическую связь между солнцестояниями, вертикальную (огненную) змею. В обоих случаях смысл — нисхождение Света Мира. Озвучивалась эта идеограмма фонемой «s». Во многих древних сакральных кругах и развившихся из них алфавитов эта руна ᛣ, «sol», стоит непосредственно перед руной ↑, «tiu», отсюда устойчивое для наиболее архаических пластов индоевропейских языков и, шире, большинства языков народов земли сочетание «st», и в индоевропейских языках это сочетание означает «бытие», «существование». В руне «sol» видны черты древнейшего иероглифа бытия — ⚲.

В руническом ряду за формулой «s-t» («sig-tyr») следует знак «b», «beorg»[27], «Berg», «Birke», руна березы или двух гор. Это дает формулу sit-tyr-berg, известную в древнейших германских заклинаниях и рунических песнях. Солнце, ϟᛣ, («sig-sol»), несомое Сыном Божьим, ↑ («tiu», «tyr»), опускается между двух гор, СИМВОЛ, «beorg»[28].

Что касается русского слова «гора»[29], которое родственно древнеиндийскому «giris», авестийскому «gairi» («тоже «гора») и прусскому «garian» («дерево»), то любопытно, что этимологически оно сближается с греческим «borees» («северный ветер» или «север»), то есть родство с фонемой «ber», «beorg» возможно через греческий. Кроме того, само слово «borees» означает север, иными словами, то место суточного (но не годового!) графического круга, которое соответствует сердцу полуночи.

Другая важнейшая руна — «lagu», ᚴ, изображающая крюк, рукоять посоха и т.д. Она обозначала воду, озеро и т.д. Это та вода, куда сходит «Tiu», Heilbringer. Крюк играет огромную роль в архаических мифологиях. У эскимосов им культурный герой притягивает друг к другу небо и землю. Отсюда же серп, символ Кроноса у греков, ᚴ, «lagu» концептуально соответствует двум русским словам, считающимся этимологически различ-

ными — «луг» (место заливаемое рекой при ее разливе) и «лука» (изгиб). Мы видим, что идеограмма «lagu» несет в себе оба этих значения — изгиба, кривизны и влаги. Кстати, русские слова «лягушка» и «лужа» восходят к той же фонеме.

Еще один знак — ᛟ, «odil», рыба, петля, капля, узел[30]. Подобно «sol», это фрагмент древнейшей гиперборейской идеограммы ᛟ. Это знак потомства, семени. Так древние германцы называли и изображали таинственную силу, пронизывающую вселенную, — дыхание Божье, душа. У шумеров тот же знак назывался «su» или «zu» («os», «oz») и, подобно «lagu», обозначал воду. Другими фонетическими вариантами «odil» являются «vod», «ot», «oth» и т.д., что дает русские слова «отец» и «вода». Древнейшее озвучивание «su» или «sv» в высшей степени важно, поскольку оно лежит в основании русского слова «свет», «святость» и т.д., которые, в свою очередь, родственны древнеиранскому «hveta» (светлый), санскритскому «śveta» — «белый, светлый» и т.д. «Свет», «святость» — присутствие «odil»`а, Духа Божьего, полюса мира.

Руна ᛦ, «yr», представляет собой корни Мирового Древа, иными словами, точку зимнего солнцестояния. Она часто сопровождает идеограмму «Tiu», как оперение — стрелу — ↑+ ᛦ. Иногда выступает как замещение руны «ur». Она может быть рассмотрена и как вертикальный штрих — руна «is», |, то есть «Сын Божий в летнем солнцестоянии», наложенная на угловое написание «ur». Одновременно это знак смерти. В русском это «yr» концептуально сближается со словом «юр», которое означает «верчение», «вращение», «водоворот» и этимологически сближается с литовским «aure» — «зов», «вой», «звуки рога» и т.п. Рог как искривленный предмет и продукт «верчения» указывает на спираль, лабиринт, которые были традиционными символами зимнего солнцестояния. Солнце как бы закручивается в этот период по своей траектории, чтобы начать раскручиваться зимой. В литовском же «yura» означает «море», что снова приводит нас к той же теме спуска в воды.

Особо следует остановиться на руне «ing», ᛝ. Она обозначает схематическое переплетение двух половин года, двух дуг

Atlantische Megalithkultur

1 2 3 4 5

Angelsächsische Runen

6 7 8 9 10 11 12 13

Vai

14 15 16 17 18 19 20 21

Bamum

22 23

Nsibidi

24 25 26

Numidisch

27 28 29

Berber

30

Kretisch (Minoisch)

31 32 33 34 35

Altthamudisch

36 37

Neuthamudisch

38 39

Safaïtisch

40 41 42 43

Sabäisch

44

Lihjanisch

45 46 47 – t

48 49 50 51 52 53 54 55 – t

Sumerisch

56 57 58 59 60

Magdalenien

61

Kyprisch

62 a 63 b

Sumerisch

64 65 66 66a

Atlantisch-nordische Megalithkultur

67 68 69 70 71

Altthamudisch

72

Neuthamudisch

73 74 75 76

Altphönizisch

77

Sumerisch

78 79 80

Sinaï

81 82

Alt-thamudisch

83

Süd-semitisch

84 85

Nord-semitisch

86

Sumerisch

87 88

Sumerisch

89 90 91

Altäthiopisch

92 93

Äthiopisch (Geza)

94

Altägyptisch (prädynastisch und hieroglyphisch)

95 a b

Sumerisch

96 97 98 99 100 101 102 103 104

Nord-Amerika

105 106 107 108

Altchinesisch

109 110 111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121

или двух углов. Это могут быть земля и небо или же две змеи. Вирт показывает, что это брачная руна по преимуществу. Она указывает, что при снисхождении Heilbringer`а в землю, в воды, в звериное чрево, в ночь и зиму, происходит соединение верхнего (Света Мира, Неба) с нижним (Мать-Земля, холод, тьма, масса). При исчезновении солнца полярной зимой все становится одинаково черным, линия горизонта исчезает, само светлое небо утопает в объятиях черной Матери-Земли. Это иерогамия, священный брак. Мы показали выше, что гиперборейское мировоззрение — Богомировоззрение — не знало строгого дуализма, четкого разделения. Негативное событие (нисхождение Света Мира, Сына Божьего) обязательно оборачивалось позитивным, смерть становилась новым рождением, погребение — воскресением, растворение Верхнего в Нижнем — зачатием нового Верхнего. Верхняя дуга — летняя половина Года — сливается с нижней дугой — нижней половиной Года. Из этого таинства рождается Новый Год, новый цикл. Это необходимое условие Воскрешения.

Вирт показывает, что фонема, соответствующая этой руне «ing», «n», «n-g», является очень архаичной и устойчивой, и с ней мы встречаемся не только в индоевропейских языках, где она используется для обозначения «змеи» (английское «snake», санскритское «naga», латинское «angulus» и др.), но и в америндских, семитских, африканских, эскимосских, тюркских и даже китайских культовых формулах, означающих брак, связь, союз и т.д. В германских языках эта фонема до сих пор означает суффикс принадлежности — иными словами, то, от чего происходит данная вещь, ее брачный исток. В английском это «ing», «being», «speaking» и т.п., в немецком «ung», «Nibel-ung(en)», «Ordn-ung» и т.п. Учитывая колоссальное значение этой фонемы и соответствующей ей идеограммы, ее просто не может не быть в русском языке, хотя на первый взгляд прямого аналога нет. Но если учесть, что в древнерусском часто в закрытых слогах наличествовали назальные звуки «n», которые впоследствии были редуцированы, то поиск русского аналога этой руны облегчается. Мы находим эквивалент в слове «уж», то есть «ug», откуда пропало назальное «n». Далее все просто: сюда же отно-

сятся слова «угрь» (морская змея), «угол», «юг» (ранее произносившийся как «уг»; юг — это зимнесолнестоянческая ориентация в годовом цикле, тогда как северу соответствует суточная полночь). Любопытно наличие этой фонемы и в составных корнях, связанных с исследуемым нами символическим и мифологическим комплексом. Так «u(n) g» обнаруживается в слове «дуга» (что сближает это слово с древнейшим шумерским и тюркским названием божества ясного неба — «Dingir» или «Tengri», то есть дуга-dingir есть «Tiu», «Dyaus», «Zeus», сошедший в «ing», «ung», в ночь, в воду, в зиму, место, где небо и земля слиты воедино), в слове «рука», в слове «круг» (пропавшее в русском «круг» носовое «n» появляется в немецком «ring», саксонском «hringr» и т.д.), «язык», «уголь» и т.д. Кроме того, слова «нога» и «ночь» дают то же сочетание. Теперь легко понять древние изображения существ с ногами змеевидной формы — это культово-календарные синонимы: как фонетически, так и графически человеческая нога — визуальный крюк, угол[31].

Вирт приводит тысячи примеров этих фонем и идеограмм — от пещерных рисунков палеолита до близких к нам религиозных символов и даже художественных орнаментов, развившихся, кстати, из культовых фигур.

«КА» — СВЕТ, ПОДНИМАЮЩИЙ РУКИ

Две половины Вечности

Мы показали вкратце основные символические ряды Heilbringer`а в осенней половине года, где его предпочтительным именем является сочетание «Tiu», а главной идеограммой — Человек, опускающий руки, ↑. Именно этот знак и связанные с ним сюжеты более всего распространены в сакральных комплексах Традиции, вплоть до того, что во многих языках именно от этой культовой примордиальной фонемы и идеограммы были образованы слова и иероглифы, обозначавшие Бога (лат. Deus, тюрк. Tengri, инд. Dyaus). Конечно, при определенных обстоятельствах исторической дегенерации Традиции этот

символ мог остаться единственным и главным, став синонимом Божества как такового, вне зависимости от символико-календарной особенности мифологических сюжетов. Например, «Tiu» часто появлялся и в весенних сюжетах, и даже в летних. Однако есть все основания считать, что в самой изначальной парадигме сакральной картины мира «Космический Спаситель» в осенней и предновогодней части года все же сосредоточивал в своей фигуре лишь *одну* часть сакральной символики, и хотя вся совокупность развившихся из этой первоидеи сюжетов, ритуалов, мифов, доктрин, ритуалов, символов, «теологий» и т.д. воистину необъятно, на самом деле речь идет лишь о фрагменте общего Gottesweltanschaaung древних гиперборейцев.

Вторым, равным «Tiu» по значимости символом был «Ка», обозначавшийся идеограммой Y, — существо с поднятыми руками. Это был изначальный символ вселенской Весны, Воскресения, восходящей полуокружности Священного Года. Отсюда главные характеристики этого знака — Рождение (Воз-Рождение), Рост, Полнота, Изобилие, Свет, Победа, Царская Власть, Воскресение, Вознесение, Подъем, Восхождение.

В самых древних системах письма мы встречаем этот знак в разных вариантах — египетское «ka», 𓂓 ᛉ Y ᛉ Y, латинское «С», ᚲ, по Вирту, — это поставленное на бок «Ка» и т.п. Древние пифагорейцы считали латинскую букву «игрек», Y, особенно священной именно потому, что графически она тождественна «Ка», великой руне Воскресения. Египетское «ka» обозначало душу человека или его звездное тело, иными словами, ту часть человеческого существа, которая не перестает существовать после смерти тела, но продолжает свои путешествия по Вселенной. Тело умирает в зимнем солнцестоянии человеческой судьбы. Но душа («Ка») воскресает как новогоднее солнце, рождаясь снова. «Tiu» переходит в «Ка», спуск становится подъемом, смерть рождает жизнь, зерно, упавшее в землю, дает новый колос. Переход «t» в «k», Света, опускающего руки, в Свет, поднимающий руки — вот основа и центр всего гиперборейского гнозиса, этой изначальной проторелигии. Следовательно, фор-

мула «t-k» («d-k», «d-g», «th-kh» и т.д.) является ключевой в культовых, ритуальных фонемах древнейшей полярной цивилизации. Вирт считает, что именно это сочетание, «t-k», лежит в основе индоевропейского названия числа 10, которое соответствовало количеству месяцев в древнейшем гиперборейском арктическом году. Десять — это возврат к единице. Лишь на позднейших исторических этапах десятимесячный год, чьи месяцы считались с помощью пальцев ладоней двух рук, уступил место двенадцати-(шести-) месячному[32].

Быть может, смутным воспоминанием об этом изначальном смысле числа (и слова!) «десять» является противопоставление в герметической традиции 10 логосов (вертикальная, чисто духовная иерархия) 12 знакам зодиака (горизонтальная, психо-материальная иерархия). Индуизм также говорит о 10 аватарах (нисхождениях Принципа), а каббала — о 10 сефирах. Если слово «десять», «декада» несет в себе настолько абсолютный, изначальный и «божественный» смысл, становится понятным, почему это число так почиталось в различных эзотерических учениях (причем гораздо больше, чем другое священное число — 12[33]).

Вирт истолковывает символизм древнейшего знака X, ╳, креста св. Андрея, совершенно неожиданным образом. Одним из его самых изначальных значений Вирт считает солнцестоянческое сочетание «t» и «k», где верхняя половина знака, ╲╱, представляет собой поднятые руки (= «ka», Y), а нижняя половина, ╱╲, — опущенные руки (= «tiu», ↑). Вместе же это дает символ «икс», ╳, который был в латинской системе цифр обозначением числа 10 и произносился «deca», то есть звонкое «t + k»!

Рогатые «боги»

Одним из самых распространенных символов «Ка» были *рога* или *рогатые животные*. Именно эти атрибуты некоторых животных и лежали в основе их сакрализации — будучи наделенными очевидными знаками восходящего Сына Божьего, печатью Воскресения и Возрождения, рогатые звери сами, в свою

очередь, ассоциировались с тем же ритуально-календарным аспектом — с весной, со светом, с новой жизнью.

Так, Вирт утверждает, что три древнейших созвездия, почитаемые нордической цивилизацией, были Лось (теперешние Близнецы), Бык и Овен. Все три животных отмечены наличием рогов, знаком «Ка».

Но не только эти животные были особенно почитаемы в древности. Также важнейшим животным был козел. Козел отличался огромной производительностью, и, естественно, активная способность производить потомство ассоциировалась с наличием в звере избытка световой жизненной силы — «Ка», что внешне выражалось в наличии рогов. В принципе та же логика действовала и в случае быков и лосей. Различение естественной жизни и сверхъестественной, мистической души и жизненной силы пришло гораздо позднее... Но даже до самых последних времен коза (или козел), в сказках, в мифах, — например, *коза* Амальтея, выкормившая Зевса из *рога* изобилия (!), — в приметах и простонародных верованиях играла огромную символическую роль. Достаточно здесь упомянуть хотя бы русских скоморохов, которые были последними носителями древнейшего символико-ритуального комплекса с ярко выраженной нордической спецификой. Так, в скоморошьих ритуалах, связанных с медвежьим представлением, помимо самого скомороха (медведчика) и собственно ученого медведя обязательно участвовал третий персонаж — «коза». Это был непременно юноша[34], переодетый в странный наряд с козьей головой. Его роль в самом представлении была совершенно несущественна (колоть рогами и дразнить медведя на потеху публике), но с этой функциональной незначительностью резко контрастировал обычай *непременно* устраивать медвежье представление с участием «козы». В этом проявлялось смутное воспоминание о древнейших полноценных культах, где символизм козы или ее рогов был центральным смысловым элементом. Речь шла об освобождении солнца из чрева зимы. Зимнее солнцестояние, сама зима символизировались медведем, чье имя, кстати, в индоевропейских языках было культовым — «art» — и табуированным («медведь» — табуистический субститут) и сама Арктика, север, на-

Südwest-Europa (ält. Stzt.) Nord-Afrika (ält. Stzt.) Libysch-Berberisch Mas d'Azil

1 2 3 4 5 6a 6b 7a 7b 8 9a 9b 10 11 12a 12b 13 14 15

Gallien (j. Stzt.) Irland (j. Stzt. — ältere Bronzezt.) Schweden (Felszeichnungen) (jüngere Steinzeit — ältere Bronzezeit)

16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35

Angelsächsische Runenreihen Keltisch

— u (ur) — a

36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 · y (yr) 50 — uult 51 52 53

— u, v, y

54 55 56

Pyrenäen-Halbinsel (j. Stzt. — ält. Bronzezt.) Italien: Südiberisch Messapisch Vorsabellisch Etruskisch Rätisch Arch. Latein

— v (u) — u — ú — u (v) — a — u (v)

57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 66a 67 68 69 70 70a 70b 71

Kreto-Minoisch Troja Kyprisch

— ko a b

72 73 74 75 , 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88

Arch. Griechisch Phrygisch Karisch Lykisch

— u — u — u — ŭ, w — u

89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100 101 102

Altphönikisch Gezer Arabien (Südatlantisch): Thamudisch Sabäisch Lihjanisch Safatenisch Altäthiopisch Sabäisch

— w — w

103 104 105 106 107 108 109 110 111 112 113 114 115 116 117 118

Vordynastische Linearschrift Ägyptens

119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130

Bamum

— wŭô (stein) — pûâ (sein)

131 132 133 134 135 136 137 138 138a 138b

Alt-Elamitisch Sumerisch

— u, šu — ušu — ur — ku — u, ud, ug

139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150

Hettitisch Alt-Chinesisch

151 152 153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165

min „Bedachung" *ki* „Opfertisch"

Alt-Chinesisch (Fortsetzung)

166 167 168 169 170 171 172 173 174 175 176 177 178 179 180 181 182 183

hsia — „unten unter" *lang* „über oben" *lis* — 6 *li* — „stehen" *ta* — „der Große"

Nord-Amerika

184 185 186 187 188 189 190 191 192 193 194 195 196 197

wu — „Mittag" *šik* — 10 *tsao* — „Dorn" *ti* — „Gottheit" *ping* — „Eis"

зывалась «страной медведя», «arctica». Коза же олицетворяла функцию «Ка», то есть воскресающего света, Спасителя, поднявшего руки. Отсюда игровой культовый антагонизм «козы» и медведя в скоморошьих играх.

Рога — символ божественности, воскресения, весны, победы над мраком зимы и ночи. В них фиксируется поднятие рук Сыном Божиим, Космическим Спасителем. Но поскольку по верованиям гиперборейцев смерть сама по себе представляет новое рождение, воскресение, то мы встречаем рога во многих древнейших захоронениях, в дольменах, менгирах, курганах и т.д. Человек умирает, но его «ka», его душа воскресает, «поднимает руки» и движется вместе с солнцем к небу. Это деваяна индусов, путь богов, восходящая дуга Года, дорога, по которой поднимается к летнему солнцестоянию триумфальная колесница души.

Рога украшали изображения многих древних божеств, участвовали в сакральных ритуалах, наполняли собой орнаменты и т.д. Очень важно, что не только индоевропейские или языческие традиции использовали рога как символ «Ка» в качестве священного синонима воскресающего Спасителя. Эта же тема встречается и в Ветхом Завете, где можно найти многочисленные фразы с упоминанием рога. Например: «Господь будет судить концы земли, и даст крепость царю Своему и вознесет рог помазанника Своего» (1 Цар. 2: 10) и т.д. Позже рог, рога были истолкованы только как знаки силы, мощи, но изначально они имели чисто духовный, идеографический смысл. Кстати, даже в христианской традиции, которая устойчиво считает рога печатью нечистой силы (в этом сказалось специфическое отношение христиан к языческим культам, божества которых были отождествлены с бесами), есть некоторые исключения: например, ветхозаветный Моисей, начиная с раннехристианских рисунков, часто изображается с рогами. Здесь, как и во многих других случаях, более новая традиция отрицает сакральные формы предшествующих культов, хотя, в сущности (по крайней мере в системе символического языка, который не может не быть единым), утверждает структурно сходные сюжеты[35].

Здесь мы подходим к довольно деликатной проблеме, связанной с тем, что символизм, связанный с «Ка», имеет поразительно много сходств с христианским описанием дьявола, бесов, чертей и т.д. Вообще говоря, символизм описания «дьявола» снова недвусмысленно указывает на древнейший культовый комплекс. Наличие хвоста, позднее осмысленное как «низость», «скотская» природа бесов, на самом деле является наследием солнцестоянческой идеограммы «ur», ᚢ, обозначающей корни Мирового Древа, символ печа̀ли, зимы, ночи и могилы; она визуально может истолковываться как две расставленные ноги и хвост между ними (в более древних изображениях встречается также изображение огромного фаллоса в антропоморфных фигурках). Эта же идеограмма кроме «хвостатого» обозначала и «борону», «трезубец» и т.д. Черти, кстати, часто изображаются именно с «вилами» (руна «yr», ᛦ)!

Далее: хромота дьявола. Это также зимнесолнцестоянческая деталь. Нижняя половина Года связывалась с ногами Космического Спасителя (как бы вписанного в круг) [36]. Конец старого года — это потеря ноги. Отсюда фигуры «одноногих великанов» в ирландском эпосе и хромота дьявола. Иногда та же идея воплощается в наличие у беса копыт — здесь акцентируется их раздвоенность, ⋀, перевернутый знак «Ка» или угловым образом изображенные две дуги, ⋀ ⋀, два копыта.

Дьявол и бесы живут в преисподней, под землей. Туда спускается солнце зимой и ночью. Одним словом, бесы выражают собой символический комплекс, связанный с зимой и зимним солнцестоянием.

Но почему тогда устойчиво указание на их рогатость?

Вирт показывает, что это связано с архаическим изображением «Ка» в самом зимнем солнцестоянии, как указание на грядущее воскресение даже в периоды самого полного мрака. На севере, когда в сердце зимы стоит сплошная арктическая ночь, еще задолго до появления первого света весны, древние уже праздновали в тайне, в ночи, во тьме, в пещерах, в катакомбах и т.д. мистерию Рождения Света, его Воскресение. Он еще был невидим и неизвестен, но гиперборейцы уже знали:

Он родился. «Ка» уже есть. Пока он скрыт, еще пребывает во мраке, под землей, у корней Мирового Древа, под водой. Но факт рождения (= воскресения) уже не отменить. Отсюда характерные идеограммы (ᛘᛘᛘᛘᛘ) — «Ка» в пещере, под землей, в змеевидных лабиринтах мрака.

Но изначальное нордическое сознание не знало дуализма. В нем субъект и объект, действие и арена действия, звуки и фигуры переплетались в единый диалектический комплекс, в изобильное и мудрое дорациональное и сверхрациональное Богомиро-воззрение (Gottesweltanschaaung). Поэтому подземелье и ночь (а также другие хтонические и зимние явления и персонажи) никогда не были выражением чистого зла: все они служили взаимодополняющими элементами изобильного единого божьего откровения, в котором без смерти нет воскресения, а без холода зимы — летнего жара. По той же самой логике пребывание «Ка» в зимнем мраке, в утробе ночи, в пещере, под землей и т.д. могло впитать в себя и некоторые негативные моменты, связанные, однако, не со светом (хотя Люцифер, денница, рассматриваемый как падший в христианстве, тоже ангел света), а с общей ситуацией.

Иными словами, с чисто идеографической точки зрения «бесы», символизируя драматическую календарную ситуацию, на самом деле не несут в своем облике ничего специфически негативного — это составные образы древнейшей календарной символики, где по меньшей мере один из символов — рога — имеет в высшей степени положительный, световой смысл. Это — «Двойной», Космический Спаситель, Heilbringer, в его высшем весеннем воскресшем состоянии.

Мыслящий Муж и Мера Матери

Эквивалентом идеограммы «Ка», ᛉ, является иной знак — «Madr», ᛘ или ᛘ. Тот же поднимающий руки Свет, только отчетливее выделена вертикаль. Одно из устойчивых названий этой руны — «madr» — означает «человек», «мужчина». В индоевропейских языках этот корень часто звучит как «men», «man», индийское «manu» и т.д. Вирт подчеркивает, что в изна-

чальном сакральном комплексе не существовало строгого различия между людьми и богами, между космосом и цивилизацией. Поэтому между различными явлениями существовала непрерывность. Напомним, что даже во времена Платона идея происхождения людей от богов была чрезвычайно распространена; сам Платон считал себя прямым потомком Посейдона, бога морей. Следовательно, фигура «Madr», бога с поднятыми руками (или тремя перьями), отождествлялась с мифическим предком и служила самоназванием людям.

Этимологи указывают на близость слова «man» (человек) к «mens» (ум), а также к слову «луна» (англ. moon). Ту же картину мы встречаем и в русском языке — слова «муж», «мысль» и «месяц» развились из одной древней фонемы. При этом на русском примере видно, что луна (месяц) получила свое название по ее календарной функции — отмерять время, месяцы; возможно, тот же изначальный смысл стоял и за словом «мысль» — «измерение», «меры», способность соизмерять и соотносить вещи и идеи между собой. Муж, человек, является носителем способности измерять, то есть мыслить. И в идеографическом смысле это действие выражается вертикальной, световой позицией его фигуры — поднятые руки, воскресение, активность. В гностических мифах эта идея отражена в мифе о «вертикальном антропосе», «человеке стоящем», который пребывает в вертикальном положении с воздетыми руками среди нижнего эмпирического хаоса. Агриппа Неттесгеймский употреблял выражение «anima stante et non cadente» («стоящая и непадающая душа»). Таким образом, мы снова приходим к изначальной руне «Ка», чьим эквивалентом является «madr».

Эта руна «madr» повторяется в бесчисленных вариациях на самых древних узорах, орнаментах, вышивках и т.д. там, где мы сталкиваемся с ней, она повествует об истории гиперборейских народов, у которых «человек» и «мысль» были строго тождественны.

Не исключено, несмотря на значительные трудности с точки зрения этимологии, что само местоимение 1-го лица (единственного и множественного чисел) в падежных формах (кроме именительного) в индоевропейских языках — «мне»,

«меня», «мной» — и притяжательное местоимение — «мое», «мой» и т.д. — развились из этой же великой символической фигуры — человека стоящего, мыслящего, светового[37]. Тогда как именительный падеж в определенный момент времени получил иное фонетическое и концептуальное осмысление. Можно предположить, что этот именительный падеж также связан с сакральным руническим кругом[38]. В германских языках и латинских он привязан к летнему солнцестоянию. Любопытно также, что в тюркских языках именительный падеж личного местоимения 1-го лица так и звучит — «men».

Здесь важно и еще одна деталь. С точки зрения Вирта, изначальная сакральная арктическая культура не была основана на патриархате и Vaterrecht. Следуя за Бахофеном, Вирт считал матриархальную цивилизацию более древней и изначальной, более близкой к золотому веку полярного «рая». Следовательно, наиболее древние сакральные понятия и священные фигуры были не мужским пантеоном, но скорее женским. Хотя в некоторых моментах изложения Вирта можно понять в том смысле, что под гиперборейским матриархатом он имеет в виду не совсем принцип доминации женского начала над мужским, но скорее отсутствие четкой дифференцированности полов, некое андрогинное бытие и андрогинное мышление, схватывающее события реальности в неразрывном синтезе и лишь позже и по мере необходимости делающее некоторые различения, никогда не становящиеся до конца системой необратимой логической системы, формальной логикой. Такое мышление скорее напоминает чистое созерцание или интуитивное схватывание идей и вещей сразу и непосредственно со всеми заключенными в них полюсами, измерениями и противоречиями. Но Вирт подчеркивает, что такое интуитивное, сердечное мышление более свойственно именно женщине, сохранившей вопреки тысячелетиям агрессивно мужской культурной доминации многие черты изначального нордического отношения к бытию[39].

Учитывая матриархальную (с поправками Вирта скорее андрогинную) природу древнего символизма и его синтетический, недуальный характер («нет ни мужеска пола, ни женска»), лег-

ко понять, что фигура «Madr» (= «Ка») может означать не только Мужа, Ману, Первопредка, но и Жену, Женщину, Богиню. Стало быть, фонетическая формула «madr» тождественна древнейшему слову «мать», нем. «Mutter», лат. «mater». Это световая Дева, Мать Мира, Царица Небесная, несущая в поднятых руках новое Солнце, Свет Мира.

Это соображение относительно культового тождества Мужа и Матери в формуле «madr» вполне применимо и к ситуации с осенней половиной Года, то есть ко всему символическому комплексу Heilbringer`a, опускающего руки, «Tiu».

Но, возвращаясь к фигуре «Ка», к идеограмме воскресения и нового света, следует сказать, что в сакральном смысле женщина может пониматься именно в этом значении — как дарительница света, как Космическая Спасительница, через которую приходит новая весна.

В русских хороводах, которые часто водились одними девицами (архаически нордическая черта), этот символический компонент ясно различим. Сама форма хоровода является отражением Года, годового цикла. Девушки — месяцы (кстати, венки из цветов имеют то же символическое значение — год). Когда они поднимают руки вверх, они образуют фигуры «Madr» (= «Ка»), когда опускают — фигуры «Tiu». Поднятые руки — весна, опущенные — осень. При этом опущенные руки (ᛏ, «Tiu») означают период девичества (слово «дева» от «Tiu»), а поднятые (ᛉ, «Madr») — материнство. Роженицы, столь часто встречающиеся на русских вышивках, чаще всего представляют собой женщин именно с поднятыми руками, то есть «матерей».

Стоянки «Ка»

Восхождение «Ка по весенне-летней дуге Года к летнему солнцестоянию имеет несколько фаз или стоянок. В исторически известных календарных кругах порядок идеограмм бывает различен, так что наиболее архаической и изначальной формой следует считать наличие руны «Ка», «madr» или их фонетических и иероглифических субститутов.

Однако можно попытаться найти соответствия скандинавским рунам, связанным с «Ка» и его сектором в русских корнях.

Так, первой посленовогодней руной является «feoh», ᚠ. Она обозначает «богатство», «скот», «достояние», «имущество», а также «дерево» (Мировое Древо) и т.д. В современном немецком это «Vieh». Для русского языка это очень важная руна, поскольку этимологически «feoh», «Vieh» и т.д. родственны древнеиндийскому «bhaga», древнеперсидскому «baga» («полный», «изобильный»), от которого происходит и русское слово «*бог*»! В идее Божества и в самом этом слове заложены полнота, новизна, нерастраченность, первичность. Это первый знак Священного Года, а следовательно, его Начало. Одновременно важно подчеркнуть, что для славян в Божестве яснее всего наличествует именно идея бытийной полноты, изобилия, выражающаяся вполне конкретно: либо через достаток и богатство (последнее родственно слову «бог»), либо в более возвышенном случае — через конкретный и ощутимый, «плотный» световой опыт.

В русском изначальное «f» из «feoh» стало звонким, равно как и «h», превратившееся в «g». «Feoh», ᚠ, также указывает на поднятые ветви дерева, то есть тождественно весенней символике Мирового Древа. В этом смысле это идеографический синоним «Ка». В русском, как и в немецком, есть связь между словом «бук» и «буква», а в немецком к этому добавляется еще и «Buch», «книга». В руническом круге «feoh» — первая буква, а значит, это первый знак в книге бога-года. В названии русской буквы «б» («буки») мы видим тоже сочетание. Иначе говоря, буква «б» представляет собой букву par excellance. Любопытно, что своим начертанием в кириллице «б» отличается от латинских и греческих «b», не исключено, что здесь, равно как и в случае некоторых других оригинальных букв, Кирилл и Мефодий пользовались древнейшими сугубо русскими азбучно-календарными кругами, русскими рунами, которые, возможно, и назывались «резами». Так, иероглиф «б» показывает весеннюю половину Года, куда обращены и полукруг в основании, и верхняя горизонтальная черта. Не исключено, что «б» ближе идеографически к руне «feoh»,

ᚠ, с развитой в полуокружность нижней чертой, нежели к греческой «бете», β. И неслучайно все греческие слова с «бетой» на старославянском передавались через «в», а не через «б», а при этом исконно русских слов на «ф» нет. Следовательно, можно предположить, что русская буква «буки» передавала архаические индоевропейские фонемы, соответствующие германской «f».

Далее следует «ur», ᚢ, руна в форме дуги, пещеры, горы или подковы (которую вешают над дверью на счастье). Из этой пещеры выходит «Ка», поднимая руки. Поэтому, в отличие от предновогодней руны «ur», весенний знак часто изображается с лучами — ᚢ, «strahlende ur», человек в нимбе, — стилизованными под волосы лучи (или, наоборот, стилизованными под лучи волосами) в наскальных рисунках. Русские корни с «вр» — «время», «вращение», «врачевание» (последнее в изначальном смысле означает произнесение волшебных формул) и т.д.

Руна «thurs», ᚦ, изображает топор, плуг, соответствует латинскому «А», поставленному набок. По-немецки «thurs» — «колючка», «шип»[40], что дало множество сюжетов в германской мифологии относительно бога-колючки, и т.д. Возможно, русское слово «колоть», то есть «раскалывать» (действие топора), и «колоть», то есть «укалывать» (действие шипа, колючки), одинаковы неслучайно. Одно из названий топора «кайло» также относится сюда. Слово же «коло» означало круг, солнце, а при перенесении значения и кол, ось, вокруг которой круг вращается. Если эта цепь сближений верна, то, вероятно, с той же руной связано и славянское солнечное божество «Хорс», которое в таком случае должно быть аналогично германскому Тору.

Потом руна «аз» (ᚨ); не исключено, что она лежит в основании начертания первой буквы русского алфавита, и она же — личное местоимение 1-го лица в древнерусском (азъ). Вирт считает, что это не столь архаичная руна.

Руна «ken» (ᚲ). Это и есть наш «Ка», Свет, воздевающий руки, только положенный набок. Вирт считает, что фонема этой древней идеограммы лежит в основе индоевропейских корней, обо-

значающих огонь. Русское «огнь», индийское «agni», латинское «ignis» и т.д. Не исключено, что сюда же следует возводить и корень, обозначающий «жену», «женщину», — греческое «gyne» и т.д. Мы видели в случае с эквивалентом руны «Ка» руной «Madr», как мужское сливается с женским. В случае с мужской, огненной руной «ken» — это еще раз повторяется. В данном случае это Огненная Дева, Красна Девица, «жена, одетая в солнце».

Далее идет руна «hagal», ⁎, о которой можно было бы говорить бесконечно долго. Она означает весь Год, Мировое Древо с корнями и кроной, Священное (Heilige), неопалимую купину. Это одна из самых священных идеограмм нордической цивилизации. У шумеров такой же знак — ⁎ или ❋ («anu», «dingir») — обозначал бога. В русской кириллице «hagal» соответствует буква «ж», «живете»[41]. В «hagal» воплощается вся световая полнота, свойственная «Ка», то есть знаку восходящего Света. К фонеме «Ка» добавляется «al», древнейшее название божества. Интересно, что германский ряд слов, смысловым образом сопряженный с идеей «hagal» (идеограммой и фонемой), — «All», «Heilig», «Heil», «Licht» («Allheilige Licht») — на русском имеет своим аналогом слова с корнем «св» или «вс» — «все», «святой», «свет»[42] («всесвятой свет»).

МИСТЕРИЯ БУКВЫ «ЖИВЕТЕ»

Происхождение славянского алфавита — кириллицы — выводят обычно из греческого и арамейского письма. Но надо заметить, что не все буквы подчиняются этому правилу. И кроме того, буквенный символизм всегда имеет сакральный характер, и поэтому за написанием каждой буквы просто по логике вещей должен стоять некоторый иероглифический и эзотерический контекст. И это особенно справедливо для тех случаев, когда алфавит используется для записи богослужебного языка, как это имеет место с церковно-славянским языком. Отсутствие серьезных исследований в области символизма кириллицы вызы-

вает сожаление, поскольку, на наш взгляд, эта азбука, а равно и сам церковно-славянский язык, представляют собой неисчерпаемое поле для исследователей сакрального.

Прежде чем приступить к основной теме — рассмотрению символизма славянской буквы «живете», «ж», — мы хотели бы сформулировать основной принцип нашего отношения к происхождению сакральных алфавитов. Во-первых, признавая традиционную теологическую концепцию о трех священных языках — древнееврейском, латинском и древнегреческом, — мы полагаем, что не менее священными (хотя и в других традиционных перспективах) являются арабский, санскрит, китайский и тибетский. Такая совокупность сакральных языков охватывает большинство актуально существующих священных и аутентичных традиций. Но и эта картина, хотя и более полная, не является действительно исчерпывающей и изначальной, ведь, на наш взгляд, во всех этих языках и в соответствующих им алфавитах мы имеем дело со вторичными сакральными комплексами, каждый из которых полон и достаточен в рамках данной конкретной традиции, но не является тем не менее действительно первичным. Мы полагаем, что истинная сакральная языковая парадигма представляет собой нечто иное, нечто давно уже забытое всеми традиционными формами и хранимое лишь тайной духовной элитой. Эта парадигма известна в Традиции под именем «языка птиц», и, на наш взгляд, помимо собственно «языка», существует также и «письменность птиц», составляющая первичную основу для сакральной речи. Большинство исторически прослеживаемых алфавитов развилось именно из этой изначальной протоформы, которую мудрецы и святые приспосабливали к тому или иному национальному языку. Иными словами, мы придерживаемся не теории «финикийского» происхождения письменности, но теории ее небесного, ангелического происхождения, и в данном случае финикийское письмо для нас не более чем один из вариантов адаптации священной «письменности птиц» в ряду многих других. Это справедливо и в отношении «создателей»

славянского алфавита — святых Кирилла и Мефодия, которые, по нашему мнению, обладали секретом этого «языка птиц» либо непосредственно, либо через вдохновение Святого Духа, либо через причастность к эзотерической цепи, хранящей сквозь тысячелетия древнюю райскую тайну Логоса-Слова. И в данном случае греческие и арамейские буквы являются не моделями для искусственного создания славянского алфавита, но равноправными участниками некоторого самостоятельного и одновременного ряда, не разработанного путем комбинирования, но полученного святыми в едином и единовременном откровении надвременного Логоса. Поэтому, с нашей точки зрения, славянская азбука является столь же «древней», как и греческая, санскритская, древнееврейская или китайская, поскольку все они проистекают из предвечного источника — Слова, по сравнению с которым даже самые длительные промежутки времени подобны мгновению.

Одной из не-греческих и не-арамейских букв кириллицы является буква «Ж», называвшаяся «живете». Это название — как, впрочем, и названия букв во всех алфавитах, — далеко не случайно. Понятие «жизни», «жития» просто по логике вещей должно быть как-то связано и с концепцией, заложенной в «языке птиц», и с особенностью начертания самой буквы. Но каким образом?

Ответ нам может дать рунический круг — святыня древних германцев, расово связанных теснейшими узами не только со славянами, но и с греками.

Кроме того, этот же самый рунический круг (гораздо более древний, чем это принято обычно считать) имел определенное отношение и к происхождению древнесемитской письменности. Как бы то ни было, в этом круге есть одна руна, которая графически очень напоминает букву «Ж». Это руна «Хагаль». Изображалась она как ᚼ, но существуют и ее вариации — полная, ᚻ, и укороченная, половинная, ᚺ. Согласно теории профессора Германа Вирта, «хагаль» был принципиальным иероглифом сакрального года в его шестичастном де-

лении (что сохранилось до сих пор в индуистском календаре, где существует всего 6 месяцев). Форма ⚹ — это сокращенный вариант ⊛, то есть окружности, года, поделенного на 6 частей. Это деление может быть графически отражено и иначе, а именно в форме ⦶. Однако параллельно с шестичастным годом рунические символы часто изображают восьмичастный год, в котором дополнительно отмечена линия, соединяющая точки весеннего и осеннего равноденствий. Оба знака часто являются синонимами: ❂ подобно ⊛, или ✳ подобно ⚹. Поэтому в различных вариантах рунических кругов мы встречаемся с двумя типами знака «хагель»: ⚹ ,или ✳.

Этимологически «хагель» лежит в основе таких германских корней, как «heilig» («святой»), «hag» («куст»), «hacken» («крюк») и т.д. Но в конечном счете руна «хагель» означает «жизнь», «освященность», «одухотворенность», «дух», а иероглифически может быть приравнена к «Древу Жизни» с ветвями и корнями, ⚹. Профессор Вирт полагает, что библейский образ «Неопалимой Купины» также имеет сакрально руническое происхождение, поскольку «купина» — это «священный куст» («heilige hag»), но одновременно и «год», «цикл», который замкнут, а поэтому он «горит» и «не сгорает», движется, но остается прежним. Метафизически же можно сказать, что всякий цикл своей «замкнутостью» в сфере относительного отражает постоянство Вечности, то есть символическое «Древо Вечной Жизни». Таким образом, «Неопалимая Купина» — это «год», «куст» и «вечность» одновременно. И надо заметить, что в православном символизме «Неопалимая Купина» часто изображается в виде восьмиугольника, ⯃, который с сакральной точки зрения тождественен ✳, а значит и ⚹, то есть нашей руне «хагель».

Если посмотреть теперь на написание славянской буквы «Ж», то мы увидим в ней как раз вариант руны «хагель» (нечто среднее между ⚹ и ᚻ), который можно поместить в годовой круг как ⊕. И иероглиф этой буквы в азбуке неслучайно называется именно «живете», поскольку этот символ является действительно наиболее ясным и полным, наиболее многоплановым выражением

идеи «жизни», «священной жизни», «жизни вечной», и само его графическое написание тождественно райскому «Древу Жизни». И не только в славянских, но и во многих других арийских языках — санскрите, древнеперсидском, литовском и т.д. — корень «жи», «джи» и т.д. связан с идеей жизни.

Можно, однако, предположить здесь и более далеко идущие соответствия: известно, какую важную роль в иудейской традиции играют различные формы слова «хай» («жизнь»), так как именно от этой формы происходит таинственное и непроизносимое высшее четырехбуквенное имя Бога (которое в славянском переводе обычно дается как «Яхве» или «Иегова»). Но фонетическая и концептуальная близость древнесемитского корня «хай» и древнегерманской руны «хагель» очевидна. И кто знает, не является ли и само семитское д («хе») одним из искаженных вариантов половинного «хагель», то есть ├┤, хотя мы на этом, естественно, настаивать не будем. И здесь славянский корень снова дает повод считать все эти соответствия далеко не случайными, поскольку имя прародительницы рода человеческого было «Евва», по-древнееврейски «Хева», то есть «живая», «жизнь», а в русском слове «жена» мы снова обнаруживаем звук «ж», связанный с нашей сакральной буквой.

Если теперь мы вернемся к символу «неопалимой купины», то обнаружится новая связь — связь «женского начала» со стихией «огня», «свечения», и как тут не вспомнить апокалиптический образ «жены, одетой в солнце», то есть «сияющей, огненной женщины»! Кроме того, согласно богословской интерпретации, «жена, одетая в солнце» — это сама Богородица, а одной из канонических эмблем Богородицы является опять-таки наша восьмиконечная звезда, ⚹.

Взглянув на руну «хагель» (и соответственно, на букву «живете») с иной стороны, мы увидим, что она представляет собой «стоящего человека» с поднятыми руками и расставленными ногами, Ж, каким изображали «совершенного человека», «человека-архетипа» многие сакральные и эзотерические схемы. Учитывая все связанное с этим знаком «божественное каче-

ство», вскрытое нами раньше, можно сказать, что человек создан «по образу Божию» не только в духовном, но и в самом непосредственном телесном смысле, поскольку пропорции его фигуры, его строения есть не что иное, как символ, запечатленный в прахе, телесная форма, отражающая в себе «Древо Жизни», «Святость», «Вечность» и, в конце концов, самого Бога.

Здесь можно заметить и еще одно важное символическое соответствие, теперь уже в рамках индуистской традиции, где «человек-архетип», Праджапати, часто изображается с головой оленя, а кроме того, фигуры оленя присутствуют на наиболее древних славянских сакральных орнаментах, причем чаще всего они связываются с «Родом», «Прапредком», «Адамом» дохристианской традиции древних славян. Но оленьи рога имеют точно такую же форму, как и сам иероглиф «совершенного человека», представляя все ту же нашу руну «хагель» — букву «живете» — ⋇. В индуистском мифе о Дакше, Первожертвователе («Сакральный Предок») также говорится о том, что ему взамен отрубленной гневным Шивой человеческой головы была приставлена голова антилопы — иными словами, вместо круга (головы) «человек-архетип», «человек-эон» может быть представлен рогами, ⋇, являющимися его сакральным синонимом.

И, наконец, мы снова находим нашу букву «живете» в ламаистских мистериях, где далай-лама ритуально наклоняет последовательно священную ваджру (жезл-молнию) в трех позициях, указывая на существование трех сакральных путей — пути правой руки, ᚴ, пути левой руки, ᛅ, и пути середины, |, что совокупно нам дает знак ⋇. И тот же знакомый знак можно разглядеть в традиционном оружии греческого Зевса и римского Юпитера (пучок молний — ср. с буддистской ваджрой-молнией), и даже в сакральной лилии французских монархов.

Быть может, определение священных протоиероглифов человечества как «письменности птиц», соответствующей сакральному языку — «языку птиц», не покажется таким уж нелепым, если приглядеться внимательно к птичьим следам, оставляемым ими на песке или на снегу. Не видели ли вы когда-нибудь

таких знаков — Ж — лапок, принадлежащих обитателям небесной тверди, птицам, которых Традиция называет символами ангелов? И если говорить об ангелах, то шестикрылые серафимы — огненные, святые и живые — снова возвращают нас к нашей славянской букве «Ж», «живете», чье священное именование было вычеркнуто из азбук после временной, но страшной по своим последствиям победы тех, кто стремился всеми силами уничтожить связь «человека» с его «прообразом», с «божественным огнем», с «Вечностью» и преградить ему путь к истинной и непроходящей «Жизни» и ее «Древу».

ХЕРУВИМСКАЯ БУКВА

Символические комплексы, стоящие за той или иной буквой славянской азбуки, подчас бывают довольно сложными, так как в них переплетаются многие фонетические и графические планы, не противоречащие друг другу, но дополняющие языковый символ до приближения к его сакральной сущности. Кроме этой сложности каждой буквы-звука в отдельности благодаря фонетическим вариациям в речевом строе разных исторических языков происходит наложение друг на друга различных значений сходных звуковых, графических и даже метафизических образов. Это положение дел, подразумевающее забвение строгой духовной сущности принципиального строя языка, отражено в традиционной концепции «смешения языков». Единый «язык птиц» был в свое время разбит на множество частных сакральных языковых комплексов, каждый из которых отныне обладал поливалентностью и множественностью составляющих его элементов, и чтобы достичь истоковой реальности теперь требовалось распутать клубок соответствий и аналогий, сплетенных в единый узел. Этот узел, с нашей точки зрения, следует распутывать не путем исторических и этимологических реконструкций, которые с неизбежностью остаются гипотетическими в отсутствие множества промежуточных звеньев, но путем возведения каждого символа языка к духовному Первопринципу, а не к исторической протооснове. Поэтому мы

подчеркиваем, что наше исследование символизма букв славянской азбуки не является этимологическим и хронологическим, оно основано на принципах «сакральной лингвистики», где законы хронологии и непрерывной передачи тех или иных данных просто неприменимы, так как «сакральная лингвистика» предполагает возможность прямого откровения «языка птиц» (вместе с «письменностью птиц») в любой географической и временной точке актуального человеческого цикла. Иными словами, выйти по ту сторону «Вавилонского смешения» мы можем, двигаясь не вспять, но лишь вертикально вверх, в районы предвечного Логоса.

Буква «живете», которую мы рассматривали в предыдущей главе, имеет в нашем русском алфавите свой периодический и отчасти концептуальный (как мы увидим выше) синоним. Им является буква «хер» «Х», соответствующая греческой «Хи» и звуку [h].

Помимо близости графических знаков «Ж» и «Х», можно отметить и фонетическую близость между этими звуками, так как, к примеру, в словах с одинаковым корнем испанцы произносят «х», а французы «ж» (к примеру, «Jesus» — «Хесус» по-испански и «Жезюс» — по-французски и т.д.). Но здесь существует также и чисто спиритуальное родство. Известно, что название буквы «х» — «хер» в русской азбуке — это сокращение от слова «херувим». Но именно к «херувимам» приравнивает христианское богословие «четырех животных», увиденных Иоанном Богословом вокруг престола Божьего в Апокалипсисе, и здесь важно заметить, что греческое слово «зоон» (ζῷον) в финале Апокалипсиса скорее следует перевести как «Живой», нежели как «животный» (в частности, во французском языке, где слова «живой» и «животный» более различаются между собой). Это место из Откровения Святого Иоанна адекватно переводят именно как «четыре живых» (на фр. «quatre vivants»), а не «четыре животных» (то есть не «quatre animaux»). Таким образом, «живете» («ж») и «хер» («х»), стало быть «живой» и «херувим», в библейском контексте являются точно так же концепциями, чрезвычайно близкими друг к другу, а в определенном аспекте и просто тождественными. Тут можно также заметить, что и само озвучивание руны «хагель» («х»), тождественной графически русскому

«живете», в старогерманском было «х», «h», и это замечание окончательно подтверждает их родство.

Важно подчеркнуть, что символом самого Христа является Хризма, ᛡ, знак, графически близкий руне «хагель», ᚼ, только с одной деталью — вертикальная черта хризмы чаще всего имеет вверху маленькую горизонтальную черточку, иногда стилизуемую под флажок и лишь в некоторых случаях обладающую определенно формой греческой «ро», ᛡ, что позволяет в таких случаях рассматривать ее как анаграмму слова Христос — две первые буквы «Х» и «Р» — ᚼ и ᛚ. Знак ᛡ является, на самом деле, первичным, поскольку данный сакральный иероглиф имеет скорее прямое отношение к символизму изначальной руны «хагель», ᚼ, и, соответственно, к букве «живете», чем к искусственной комбинации двух сугубо греческих букв, поскольку комбинаторика чужда всему тому, что связано с самым простым и истоковым уровнем символа. ᛡ — знак Христа в его качестве «Сына Человеческого», каким его и определяет традиционное богословие, а маленькая черта изначально указывает на вращение (это след верхней точки и одновременно коса смерти) человека-архетипа во Времени, при том, что его сущность всегда остается неподвижной и целостной, бессмертной.

Добавив данные соображения ко всему сказанному о символизме буквы «живете», мы увидим в этом поистине всеобъемлющем сакральном знаке еще один высший смысл, поскольку на последнем уровне «живете» («хагель») символизирует и самого Спасителя.

И в данном случае можно привести загадочные слова норвежской рунической песни, посвященной этой руне «хагель»:

«ᚼ (hagal) — er kaldastr korna
Kristr skop ha menn forna,

то есть дословно:

«ᚼ (хагель) — это холоднейшее зерно.
Христос создал древнейший мир».

И таинственное выражение «холоднейшее зерно» в сочетании с огненным характером «хагеля» (буквы «живете») следует понимать как указание на неподвижность центральной полярной точки шестиконечного Человека-Логоса, Человека-Архетипа, остающейся «холодной» в постоянном «горении» (движении) временного цикла, на которое намекает маленькая черточка хризмы, ⚹.

Возвращаясь непосредственно к букве «хер» и показав ее близость к букве «живете» (а соответственно, и схожесть сакральных символов, заключенных в них), можно разобрать и их различия, а точнее, их иерархическую соподчиненность. Ведь все же «ж» и «х» — *разные* буквы. Тут важно вспомнить, что «серафимы», которые изображаются с шестью крыльями и которых мы отождествляем с иероглифом «живете», в богословской иерархии ангельских чинов стоят всегда выше «херувимов», то есть четырехкрылых духовных существ, давших название нашей букве «хер». Таким образом, буква «живете» обладает сакральным приоритетом. Любопытно, что и сам «херувимский» чин — или чин «четырех живых» («животных») — всегда рассматривался как предварительный по отношению к центральной фигуре, как некий священный круг, отделяющий внешнее от внутреннего, земного созерцателя (Иезекииля или Иоанна) от Небесного Принципа. Так, «херувимы» Иезекииля подпирают прозрачный свод, на котором восседало «подобие Славы Божьей»[43]. В Псалмах их называют «престолом Всевышнего». Херувим, согласно книге Бытия[44], был поставлен Богом, чтобы охранять путь к Древу Жизни. Херувимы изображены на крышке ковчега, они покрывали ее своими крыльями[45], на завесе Храма также были вытканы их фигуры[46] и т.д. Иными словами, «херувимы» окружают сакральный Центр, скрывают его, но одновременно и в-скрывают (любопытно, что оба этих смысла этимологически заключены в латинском слове «revelare», «открывать и покрывать» одновременно, на что указал Рене Генон, и неслучайно «Откровение», «Апокалипсис» является одной из самых загадочных и *«закрытых»* книг Библии). И в согласии с еврейской этимологией «херуб» означает «покрывающий».

В соответствии с ангелической иерархией правомочно было бы сказать, что буква «хер» скрывает букву «живете», четырехкрылый херувим — шестикрылого серафима. И в некотором смысле это соответствует символическим соотношениям даже на графическом уровне. Здесь любопытно поставить вопрос: что именно «скрывает», покрывает собой «херувим» («покрывающий») в данном случае? Какое сакральное таинство он защищает своими крыльями? Если сравнить «Х» и «Ж», то мы увидим, что разница между ними состоит в наличии *вертикальной черты*, |, в хризме, ☧. Именно ее *делает невидимой* херувимская буква, прячет, скрывает от глаз. И если обратиться к библейским сюжетам относительно того, чту скрывают или чту несут на себе «херувимы», то мы сможем правомерно отождествить сакральный знак | (вертикальную черту) с Древом Жизни, с Ковчегом Завета и с «подобием Славы Всевышнего». Именно вертикаль является тайной тайн сакральных иероглифов, это цифра I, знак абсолютной единственности Бога, скрытой от тварей множеством ангелических имен, каждое из которых прославляет Единого, но на свой лад. И особенно поразительно то, что руна, изображавшаяся как |, называлась древними германцами *Ис*, что одновременно указывает провиденциальным образом и на *Исуса* Христа, Ж, и на еврейское слово «Иш», «мужчина», «человек» (то есть «совершенный человек»), которое в иудейской традиции считается одним из имен самого Бога. Так, Христос-Пантократор, восседающий на «херувимах», — это вертикаль, единство Сына, тайна тайн, *Ис*, «холодное зерно», «недвижимый полюс» духовного творения, Х, скрывающего и вскрывающего одновременно свой божественный и вечный, надвременной исток.

Важно заметить и еще одно соответствие: знак Х — это традиционный символ святого апостола Андрея Первозванного, центральной фигуры русского Православия и покровителя России. Само греческое слово «Андреас», как известно, означает «человек». И здесь снова можно проследить связь между «херувимской» буквой «Х» и «знаком Христа», Ж: Х — это крест Святого Андрея, то есть «Человека». Но «человек» (в данном случае, как и «херувим») и скрывает, и открывает своим су-

ществованием, фактом и качеством своего наличия, Бога, Сына Божьего. И если | в «человеке» («Андрее») возобладает, а точнее если божественное «откровение» пересилит божественное «сокрытие», он становится «носителем Христа», «носителем Вертикали», «носителем Исуса» (руны *Ис*, |), «Х» становится «Ж», ⋇, а крест Святого Андрея — Хризмой. И по аналогии можно сказать, что и само Русское Православие из «Церкви Людей» (Земной Церкви) может возвыситься до «Церкви Святых» (Небесной Церкви), только «открыв» духовную вертикаль, евхаристическую тайну вечного и непреходящего Присутствия Бога Живого. Но как достичь этого, если |, великий иероглиф Духа, буква «і» выброшена из русской азбуки, начиная с которой человек пускается в путь к «небесной обители смыслов»? Поэтому так важно понять тайну «херувимской» буквы и пройти сквозь нее к огненной Исусовой вертикали (|, Ис), букве «живете», «Ж», букве «жизни» и «святости».

АЗ И ЮС

В советский период в СССР бытовала коллективистски-антибуржуазная присказка, популярная в русских школах и призванная трактовать в пролетарском духе особенности славянской азбуки: «Я — последняя буква в алфавите». «Я» — местоимение 1-го лица единственного числа в русском языке — в настоящее время действительно стоит в алфавите на последнем месте. Но было ли так всегда в истории славянской письменности и славянского языка?

Нет. Изначально личным местоимением 1-го лица единственного числа было не «Я», но «Азъ», и оно соответствовало не последней, а первой букве славянского алфавита, букве «А». Таким образом, «советско-пролетарская» логика фактически являлась обратной по отношению к истоковому символизму русской азбуки, сохранившейся до нашего времени лишь в церковном употреблении. В литургических книгах «Азъ», древнее личное местоимение 1-го лица, продолжает оставаться первым

(а не последним) символом буквенного ряда, хотя в светском алфавите эта символическая перестановка и произошла. Но подобная трансформация реализовалась и на фонетическом, и на графическом уровне задолго до большевистской революции, хотя именно большевистская школа, со свойственной ей склонностью к пародийному неосимволизму, впервые начала акцентировать этот факт. Как бы то ни было, любопытно проследить историю этой перемены, поскольку сама ее логика обнаруживает некоторые действительно символические особенности древнего русского алфавита и его эзотерическую подоплеку.

В первую очередь бросается в глаза особое озвучивание первой гласной «а» в славянской азбуке: в отличие от греческого или семитского письма, где «а» сочетается с последующей гласной «l» (греческое «аль-фа», еврейское «ал-еф», арабское «ал-иф»), славянское «а» связано со звонким звуком «с», то есть «з». Следует заметить фонетическое тождество фонемы «аз» («Я») с названием германских нордических богов — «Асы», «Ас». И в мифологическом смысле это сопоставление полностью оправдано, поскольку в арийской традиции понятие «бога», «аса» никогда не было связано с какой-то внешней абстракцией, с отвлеченным концептом, но, напротив, Божественное понималось как нечто внутреннее, как высшее и трансцендентное "Я" самих ариев. Яснее всего это можно увидеть в индуистских доктринах, где идея "Я", «Атмана», считается одной из форм проявления Божественного Принципа («Атман есть Брахман», то есть «Я тождественно Абсолюту»). Впрочем, подобное понимание Божественности характерно не только для индуизма, но практически для всех арийских традиций, в которых рода монархов считались прямо восходящими к богам (как у германских, иранских, дорийских и других народов), или в некоторых случаях вожди и императоры считались земными «воплощениями» тех или иных божеств. Вероятно, что и в случае других сугубо арийских личных местоимений 1-го лица единственного числа мы имеем дело с архаическими корнями, означавшими богов (германское «Ich», «Ik» близко к одному из имен Одина «Igg», то есть «страшный»; персидское

«man» напоминает о божественном первочеловеке «Ману» и т.д.). Возможно, что и семитские, и тюркские корни, обозначающие «человека» и "Я", также восходят к протоарийским, архаическим корням той же природы (еврейское «Ani», "Я", напоминает шумерское «Anu», «бог Неба»; слово «Адам», человек, фонетически близко к санскритскому «Atman» и германскому «atmen» — «дух», «дыхание», и, наконец, тюркское «men», "Я", означает потомок «Ману»). Как бы то ни было, славянское имя первой буквы и ее совпадение с личным местоимением 1-го лица единственного числа является поразительно ясным указанием на изначальное арийское и протоарийское сакральное мировоззрение, элементы которого неожиданно всплыли в IX веке в новом и свежем православно-славянском внешне, но глубоко нордическом внутренне алфавите.

Однако на фонетической близости «Азъ» ("Я") к германскому «Ас» («бог») эти соответствия не заканчиваются. Любопытно, что в старом латинском алфавите часто встречается особое написание буквы «а», первой буквы. Вместо «а» или Δ мы видим там ⋀ или ᚨ. Эта форма есть вариант нордической древней руны ᚨ, название которой было «Ас»! И эта руна также означала «Аса», «Бога». Но такое написание «Азъ» можно встретить и в новгородских берестяных грамотах. Кроме того, показательно, что в XIV в. русский миссионер Стефан Пермский (Степан Храп), разработавший на основе славянской азбуки специальный алфавит для записи языка малого северного народа коми, вместо традиционного «а» поставил на первое место знак ᚨ, более напоминающий древнюю руну «Ас». Кроме того, в древних рукописях, и особенно в надписях на иконах, форма буквы «а» (в обычном случае А) тяготеет к рунической парадигме ⋀, с тем лишь отличием, что две косые черты внизу замыкаются. Любопытно, что и в деванагари (санскритском алфавите) знак для гласной «а» сохраняет определенные рунические черты अ, а именно две (или три) параллельные косые палочки.

Все приведенные выше соображения еще раз подтверждают выводы профессора Германа Вирта о происхождении про-

тописьменности и связанного с ней мифо-символического комплекса из единого нордического источника, из проторунического круга, а не из финикийского ближневосточного культур- ного центра, который был, в свою очередь, лишь одной из множества областей распространения рунического письма и рунической мудрости. Русский и славянский мир в целом со своей дохристианской символикой является одним из примеров бытования нордической традиции, сохранившей многие свои аспекты цельными и нетронутыми, в то время как другие культурные формы Европы подверглись влиянию вторичных и смешанных культур Юга, далеких от северной чистоты и духовной прозрачности, свойственных примордиальной гиперборейской традиции.

Однако как происходило перемещение «Я» от начала алфавитного ряда в его конец? Здесь следует рассмотреть ряд из трех славянских знаков:

а (Азъ);

ꙗ (Азъ йотированный, то есть [уа], что фонетически соответствует современному произношению личного местоимения 1-го лица);

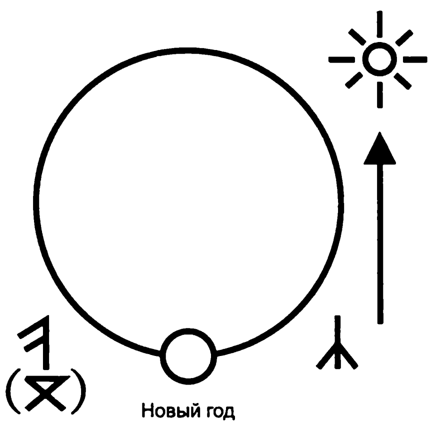
ѧ (малый Юс, изначально произносившийся как [е], а позднее как [уа]).

Из третьей формы — «малого юса» — произошла современная буква «Я» (личное местоимение 1-го лица единственного числа), оказавшаяся последней в современном русском алфавите. Но и ранее, не будучи последней, она обладала максимальным числовым значением среди русских букв — 900. (Большинство букв в кириллице имели числовые значения: «Азъ» — 1, «Б», «буки» — 2, «Х», «хер» — 600 и т.д.) Кроме «малого Юса» существовал так называемый «Большой Юс», **ѫ**, [ɔ̃], который впоследствии слился с «малым Юсом». Поразителен тот факт, что в целом графическое написание обоих «юсов», давших позднее современное «Я», очень напоминает древнейшую германскую руну ᛦ, называвшуюся «ur» или «yr».

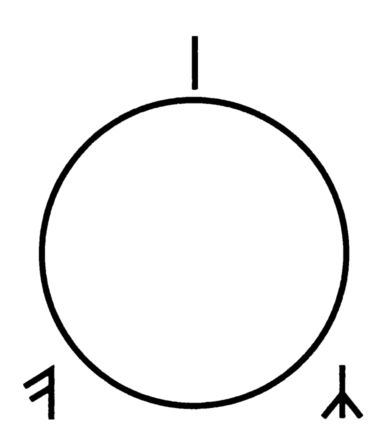
Эта руна в 16-членном руническом круге стоит на месте другой руны ᛝ («odil», «od»), и в славянском «большом юсе» мы встречаемся с синтетическим сочетанием обоих знаков.

Ѫ = ᛝ + ᛣ

Крайне важно расположение этих рун, означающих гласные на руническом круге, соответствующие сезонам года:

Руна «as», ᚨ, стоит в начале годового круга *после* Нового Года, середины зимы и низшей точки годового движения солнца. Руна «yr», ᛣ, напротив, находится в конце этого круга *перед* Новым Годом. В середине же годового пути солнца расположена третья гласная руна «Is», |:

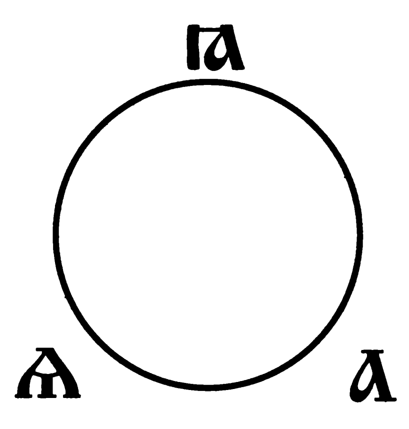

Если снова обратиться к трем формам перехода славянского «Азъ» в «Я», то мы увидим, что промежуточной формой было как раз «а йотированное», графически представляющее собой сочетание «I» (славянского «иже») и «А» (славянского «азъ»):

Ꙗ = I + А ([ya] = [y] + [a])

Важно отметить также, что в славянском языке звук «з» (в «аз») и «ж» (в «иже») являются ступенями чередования в одних и тех же корнях. Итак, аналогично германским рунам мы можем представить путь славянского «Я» на круге:

Поразительно, что в данном случае и огласовка гласной «I» («иже» = «изе»), и название буквы («юс») сохраняют согласный «з» (в глухом варианте «с»). Эти три позиции на руническом круге, соответствующие *трем сезонам* или трем положениям солнца (**А** — весна, **Ꙗ** — лето, **Ѫ** — осень и зима), отмечают собой три основных этапа космической драмы Солнца, «Света Мира», «Божественного Солнца», которое считалось символом Духа, символом «Аса», «Бога», «Внутреннего "Я"», ария, «солнечного человека». Вначале весенний восход — период «Аз», Золотой век традиционной цивилизации (расцвет Руси), потом летняя кульминация «иже» («I»), как бы соединяющая две половины года (на старославянском «иже» означало «и» — союз соединения), и, наконец, печальный трагический закат, погружение в «Юс» («yr»), сферу растворения (по-литовски «jura» — море, влага) и смерти.

Так, в динамике языковых и графических трансформаций сакральной славянской азбуки мы видим основные этапы драмы мирового Духа, совершающего свой космический световой цикл, а в более узком смысле — основные этапы «русской цивилизации», начавшейся с примата Чистого Духа, расцветшей в Великую Империю и павшей в бездну адского растворения и смерти в период большевицкого антидуховного и антирусского царствования. Так, за нелепыми присказками «советских учителей» («Я» — последняя буква в алфавите») стоит страшная реальность конца «славянского цикла», завершающего свой драматический путь в хаосе постпролетарской эры. Тысячелетие российской истории дошло сегодня до своего «Юса», до своего символического 900-го числа, до руны своей смерти, ᛦ, «уг».

Но скоро, очень скоро, грядет Новый Цикл, в котором должны будут возродиться новые поколения «солнечных людей», новых асов, новых божественных Царей белой славянской расы, и тогда снова в логике языка и в логике мифа «Азъ» станет первой и главной буквой, буквой истинного и трансцендентного "Я", поскольку, согласно исландской рунической песне:

ᚬ *(ас, азъ) — это древнейшее из творений*
и принц Асгарда,
и владыка Вальхаллы.
ᚬ *(as) — er aldingautr*
ok asgard joffur
ok valhalar visi.

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

Богословский символизм

На иконе «Неопалимая Купина»[47] изображается Богородица с Младенцем в центре восьмиконечной звезды, состоящей,

как правило, из двух ромбов, различных по цвету: зеленый — вертикальный и красный — горизонтальный. В вертикальный ромб вписаны молящиеся архангелы и ангелы, а в горизонтальный — символические херувимские фигуры четырех евангелистов. Образ Богородицы часто бывает окружен голубым кругом, стилизованным под небесный свод. Иногда в правой руке она держит лестницу. Между вершинами ромбов изображаются восемь лепестков с фигурами ангелов. Эта икона чрезвычайно популярна и любима верующими.

«Неопалимая Купина» является уникальным православным символом, так как содержит в себе наглядное изображение важнейших богословских догматов, касающихся мистической личности Богородицы. Само название «Неопалимая Купина» есть новозаветное величание Богородицы, поскольку ветхозаветная «Неопалимая Купина», в которой Бог явился Моисею на горе Синай, в православном контексте рассматривается именно как прообраз грядущего непорочного зачатия Спасителя. «Неопалимая Купина»— это огненный куст, который горит и не сгорает. Так и Богородица чудесным образом рождает Христа, «Зиждителя своего», и остается Девой.

Лестница — в руках Богородицы — это тоже ее прообразовательный ветхозаветный символ — «лествица патриарха Иакова», по которой спускаются и поднимаются ангелы и души людей. В христианском богословии Дева Мария — важнейший элемент в домостроительстве Спасения, отсюда частая молитвенная формула «Господи, Богородицы ради помилуй нас». И наконец, нахождение Богородицы среди четырех архангелов («серафимов») и четырех «священных животных» («херувимов» Иезекииля и Апокалипсиса св. Иоанна Богослова) символизирует важнейшую православную молитву «Честнейшую Херувим и славнейшую воистину Серафим». Фигура Исуса на руках Богоматери заканчивает текст славословия: «без истления Бога — Слово рождшую».

Сам символ восьмиконечной звезды также тесно связан с Богородицей, ее тайной. Восьмиконечная звезда в Традиции означает вечность, онтологическую устойчивость, выход за пре-

делы дольнего мира в неподвижную реальность мира горнего. Это знак вновь обретенного христианского рая, конечного преображения, Небесного Иерусалима. Икона, таким образом, изображает духовный космос, «богородичный космос», в котором дольние, материальные энергии возведены к своим небесным архетипам. Но все же духовный космос Богородицы не тождественен нетварным регионам, божественной реальности Пресвятой Троицы. Это подчеркивается тем символическим моментом, что Христос изображается на иконе все же как младенец, подобно его проявлению в человеческом мире, а не как Спас-в-Силах и не как Второе лицо Троицы. Каноническое поименование Девы Марии «Взбранная Воевода», что означает «предводительница ангелов» (по преданию, Дева Мария заняла место павшего Люцифера во главе ангельских войск), подчеркивает ее принадлежность к духовной, но промежуточной, тварной, ангельской реальности, которая одной стороной связана (через благодать) с троической реальностью, а другой — с земным и человеческим миром. В православной иконописной традиции Богородица часто изображается с крыльями.

Число «восемь», находящееся между низшим тварным множеством и высшим нетварным Триединством, есть ангельский, огненный, грозный и милосердный космос, одновременно скрывающий (апофатический аспект) и открывающий (катафатический аспект) Божество. Таким образом, богословский символизм этой иконы сжато содержит в себе основополагающие принципы христианской космологии и, следовательно, основы духовного понимания реальности. Это тем более важно, что христианская богословская традиция редко подробно останавливается на космологических описаниях, уделяя основное внимание либо проблемам «техники» личного спасения и православного домостроительства, либо сугубо трансцендентному созерцанию Троической реальности. Внимательный исследователь на основании одной этой иконы смог бы составить себе представление о мистической космографии и ангелологии христианства, а для молитвенной практики эта икона предоставляет широкие возможности просвещения «сердечных очей» и «пробуждения ума».

Универсальный символизм

Рассмотрение этой иконы может выйти за уровень чисто христианского богословия и христианской космологии в сферу универсальной перспективы, которая, естественно, ни в чем не противоречит христианству, но простирается далеко за его временные, исторические и культурные рамки. Св. Мелитон из Сардеса и другие святые отцы считали, что в качестве прообразовательных прикровенных знаков грядущей Церкви Христовой можно рассматривать не только ветхозаветные сюжеты, но и некоторые стороны иных, неиудейских традиций.

В этом случае следует обратить внимание на следующее соответствие: почему «Неопалимая Купина» изображена именно в виде восьмиконечной звезды, а не как-то иначе? Ответ на данный вопрос приведет нас к постижению универсального смысла этого символа и одновременно поможет глубже и полнее понять все мистические соответствия, заложенные в столь насыщенной смыслом православной иконе.

С чисто графической точки зрения символ восьмиконечной звезды может быть изображен как в виде двух ромбов, так и в форме наложения двух крестов — вертикального, +, и андреевского, X. Таким образом, мы получаем фигуру ✳. Очень важно заметить, что именно таким знаком в шумерском языке обозначалось слово «an», то есть «бог». Позже у семитов-аккадцев тот же изначально шумерский знак получил огласовку «ilu», сохранив прежнее смысловое значение, «бог». Заметим, что от этого древнесемитского «ilu» произошли и еврейские слова «el», «elohim» и т.д., также обозначающие «бога». Так мы снова подошли к иудейской традиции, которую уже легко поместить в сугубо христианский контекст.

Итак, восьмиконечная звезда является древнейшим и преимущественным символом Божества. Но какое отношение она имеет к тому горящему кусту, из которого Бог говорил с Моисеем? Или поставим вопрос иначе: если теперь очевидна связь восьмиконечной звезды с Богом (говорящим из «Неопалимой Купины»), то как она соотносится с самой «купиной»? Здесь

важно обратить внимание на очевидное зрительное сходство восьмиконечной звезды с деревом или кустом. Действительно, три ветви растут вверх, горизонтальная черта отмечает поверхность земли, а три нижние черты символизируют корни. Иными словами, древнейший иероглиф, обозначающий «бога», и зрительное изображение куста строго *совпали*! Следовательно, и сам ветхозаветный сюжет с Моисеем может быть рассмотрен не как уникальный и необъяснимый факт конкретной истории конкретного народа в его специфических отношениях с Творцом, но, шире, как одно из прообразовательных проявлений универсального символизма, где изначальное понятие о Божестве и образ купины (куста, дерева) являются взаимосвязанными и графически тождественными. Конечно, из этого отнюдь не следует делать материалистического вывода о «пережитках анимических культов первобытного человечества, обожествлявшего кусты и деревья», как поспешили бы выразиться профанические историки. Речь идет не об «обожествлении» куста, но о вскрытии глубинного родства определенных символических реальностей, сквозь которые Дух повествует человечеству и миру о высшей истине.

Если куст, купина, является символическим синонимом «божества», исходя из визуального сходства с иероглифом, то следует теперь ответить на вопрос: *почему* древнейший иероглиф имеет именно такую форму? К пониманию этого нас может подвести то обстоятельство, что в ветхозаветном тексте речь идет именно о горящем, но *«несгорающем»* кусте, о *«неопалимой»* купине («labbat-esh mittok ha-snah» — в еврейском оригинале Библии).

Существует народная загадка: «что горит, но не сгорает»? Ответ такой — *год*. Действительно, сезоны года постоянно меняются, но сам он остается всегда тем же самым. Здесь мы подходим к самому удивительному: наиболее древним символом года, наиболее древним календарем была именно восьмиконечная звезда, вписанная в круг. Периферия, окружность — сезоны, то, что «горит». Центр же звезды, из которого исходят лучи, вечен и неизменен, он «не сгорает». Но именно в образе года,

времени, изначальная традиция видела проявление Высшего Божества в мире. Год является живым и наглядным воплощением двойственной природы реальности, где вечное и неизменное, духовное, промыслительно сочетается со смертным, конечным и преходящим, материальным. Конкретное постоянно меняется, архетипическое пребывает во веки веков. Итак, год — катафатический символ Бога, а точнее, символ реальности, исходящей от Бога. Год имитирует природу Божественного, тварной реальностью своей указует на реальность нетварную. Поэтому календарь и в древности, и в христианской традиции является одной из самых сакральных вещей, где сходятся воедино метафизические, богословские, символические, литургические, исторические, домостроительные и даже бытовые области человеческой и природной реальности. Восьмиконечная звезда в круге — ⊛ — древнейший календарь. В своей редуцированной форме (без круга — ✳) она становится знаком куста, дерева, однако не в качестве чисто природного предмета, но Древа Жизни, Мирового Древа, соединяющего нижние и верхние регионы космоса, передающие благодать духовного верха (крона — ᛉ) регионам материального низа (корни — ᛦ).

Мировое Древо, Древо Жизни, лестница Иакова (иная форма символизма Древа Мира, или Оси Мира) ветхозаветная Неопалимая Купина Синая и христианская Богородица выражают собой одну и ту же сакральную реальность, связанную с *опосредующей* инстанцией между дольним и горним мирами, с ангелической реальностью. Одновременно она имеет прямое отношение к тайне *времени*, а точнее, к тайне *цикла*, поскольку сакральная традиция понимает время исключительно циклически, спирально. Образом такого времени и является Годовое Древо, Неопалимая Купина.

Соответствия

Символические соответствия данного сакрального сюжета можно было бы продолжать в любом направлении. К примеру,

если взять восьмиконечную звезду как рунический символ, мы получим руну «хагаль», руну «года», «бога», «дерева», «полноты» и «благодати». Значит, в германской и скандинавской мифологии, и шире в индоевропейской мифологии, можно найти множество аналогий и метафизических доктрин, связанных с нашей иконой. В частности, если принять во внимание концептуальное тождество знака ⊛ и знака ╪, то легко объяснить наличие в руках Богородицы *лестницы*, поскольку знак ╪ (или ⋿) и является иероглифом древнейших форм лестницы (что сохранилось еще у многих архаических народов — в частности, у якутов и других народов Сибири, где лестница представляет собой шест с набитыми на него перекладинами).

Сам символ Древа как синоним купины можно проследить на протяжении всего Ветхого Завета, начиная от Древа Жизни и Древа познания добра и зла; от кустарников, окружающих рай после грехопадения; от древа, избранного Ноем для строительства ковчега; от священного тамариска, посаженного Авраамом, вплоть до нашей «неопалимой купины» на Синае. Кстати, по-древнееврейски «купина», «куст» — «sene», что созвучно названию горы Sinai. Герман Вирт[48] подробно развивает звуковые соответствия этого корня, доходя вплоть до египетского названия «священной акации», «s-n-d», которая, будучи символом бессмертия, растет на могиле Осириса.

В Новом Завете символизм Древа нашел свое основное отражение в Кресте, на котором был распят Спаситель. Древо смерти через великую жертву Сына преображается в Древо Жизни. Три дерева, из которых сделан Крест, — кедр, певг[49] и кипарис — могут быть соотнесены с иероглифом Года, ⊕, где выделены три его уровня. Наклонная черта внизу Креста означает прибывание света весной и убывание осенью[50].

Вне библейского контекста в мифологиях различных народов близкие символы встречаются в изобилии, и всякий раз, несмотря на то, основываются ли соответствия на видовом, звуковом, графическом или аналогическом сходстве, они имеют прямое отношение к *единой* духовной реальности, к *единой* метафизической доктрине, контуры которой можно довольно

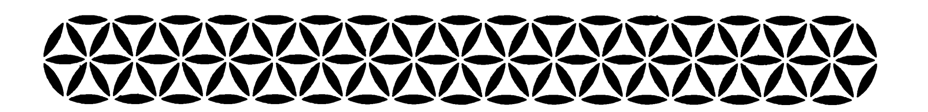

легко понять, зная структуру символизма хотя бы одной из традиций. Для христианина, естественно, вся сакральная реальность должна видеться в сугубо православной христианской перспективе, и именно собственная традиция, понятая духовно и глубоко, даст ключ к символизму универсальному.

Заметим в заключение, что руна «хагель» имеет и еще одно сокращенное написание в руническом круге — ⊕, что точно соответствует латинской букве «Н»[51]. Причем именно латинская «Н» считалась в средневековой мистике самой таинственной буквой — буквой Святого Духа, «сокровища благих и жизни подателя».

Икона «Неопалимая Купина» таит в себе множество тайн и изобилие смыслов. Она — святая печать, открывающая «бодрственному уму» двери в небесные миры. А при взгляде на мир «небесными очами», «очами сердца», истина и присутствие Божие открываются не только в Церкви и строгих рамках спасительного догмата, но и во всем мире — в преданиях и символах других традиций, в древних иероглифах забытых языков, в обычной речи различных народов, в классических сюжетах искусства, в природе, в пейзаже, в мерцании звезды, в кристаллах снежинок и в контурах одинокого дерева на фоне идеально синего неба...

Созерцая великую Восьмиконечную Звезду в молитвах строгого и восхитительного «умного делания», мы снова и снова обращаемся к Богородице: *«Воспеваю благодать Твою, Владычице, молю Тя ум мой о благодати...»*

Глава 5

HEILIGE URSCHRIFT

СВЯЩЕННЫЙ ПРАЯЗЫК ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. В ПОИСКАХ СВЯТОГО ГРААЛЯ СМЫСЛОВ

Существование единого Праязыка вытекает из логики Традиции, попытки реконструкции

Существование единого праязыка человечества вытекает из самой логики традиционализма. Раз существует единая Изначальная Традиция, то язык этой Традиции должен иметь конкретное выражение. Для любого добросовестного читателя Генона[52] и его последователей это представляется очевидным. Кроме того, интуиция подсказывает, что те языки, на которых говорит современное человечество, имеют странную общность. Когда мы привлекаем строгий лингвистический анализ, эта общность от нас ускользает, но какая-то внутренняя убежденность не позволяет нам прекратить поиск.

Попытки реконструировать древнейший язык предпринимались постоянно. Существует очень много моделей праязыка, к которым пытались сводить существующие лингвистические и символические системы. Есть версия (разработанная в Средневековье), что изначальным языком был древнееврейский. Существовали каббалистические школы, которые всерьез пытались выводить из древнееврейского все другие языки (сакральные и несакральные — исторические). Существовала также «египетская теория»: в XX в. ее представляли Швалер-Любич и общество «Les Veilleurs» (*Бдящие*), ранее аналогичные тезисы высказывали многие европейские мистики — Кунрат, «египетская

масонерия» и т.д. Они пытались восстановить протоязык, протосимволизм, исходя из египетской традиции. Существует известная книга Steganographia аббата Тритемия, в которой он собрал мистические знаки — символы ангельского языка. Его ученик Агриппа Неттесгеймский приводил в своих трудах целую серию ангельских алфавитов. Существовала реконструкция круговых «атлантических» знаков Поля Ля Кура, который издавал журнал Atlantis. Есть рунические таблицы Гвидо фон Листа, тоже претендовавшего на интерпретацию всех языков через древнегерманский и современный немецкий языки. Магией арабского языка занимался барон фон Зебботтендорф, написавший интересную книжку о ритуалах древнетурецкой масонерии. Идеи выведения всех языков из древнееврейского придерживался и Фабр д`Оливе. Есть недавно изданные тексты комментариев юного Генона на «Археометр» Сент Ив д`Альвейдра. «Археометр» — это попытка создания универсального алфавита, который объяснил бы происхождение всех языков, традиций и религиозных моделей. Упомянутый Сент Ив д`Альвейдр говорил о существовании в подземной стране Аггарте первого, изначального языка «ватан».

Существует брахманическое искусство Нирукты (это теологизированая форма народной этимологии). К *cabale phonetique* апеллировали Фулканелли и загадочный Грасе д`Орсе — один из удивительнейших авторов, требующий отдельного подробного разговора.

Вообще, с точки зрения Традиции, все обязательно должно сходиться к единой формуле, к единой модели. Раз мир конечен (а конечность мира с точки зрения традиционализма вытекает из бесконечности его Принципа), должно существовать и конечное знание об этом мире. А значит, познать можно разом (или почти разом) все вместе и навсегда. Причем познать так, что ничего из проявленной реальности вне поля зрения не останется. В каком-то смысле абсолютное знание — это знание абсолютного языка. Особенно активно поиск такой единой, абсолютной модели велся в Средневековье, когда холистский подход к реальности был широко распространен среди мистиков, несмотря на креационистские догмы официальной религии.

Люди спокойно занимались одновременно минералогией, теологией, медициной, лечили людей и животных, писали трактаты об оспе, об именах ангелов, об устройстве точильных камней, полные вполне практических советов. Все это было поиском единого знания, единой формулы, единой модели.

О едином языке человечества учит и Библия, утверждая, что до вавилонского смешения существовал единый язык. Христианство знает и тему возвращения к протоязыку: апостолы в момент схождения на них Святого Духа заговорили разом на всех существующих языках. Святой Дух дал им особую благодать — знание изначального протоязыка.

Поиски Первоязыка в современной лингвистике

Идея восстановления протоязыка всегда волновала умы самых разных людей. Многие пытались высказать конкретные соображения на этот счет, но мало кому удавалось создать более-менее достоверную систему. Кстати, подобные поиски вели и представители профанической западной науки. Помимо классической линии лингвистики, которая ограничивается исследованием языка в уже сложившихся исторических формах, существует в современной лингвистике и другое направление (его родоначальник — итальянский ученый Тромбетти), исходящее из предположения о существовании единого протоязыка. Тромбетти доказывал это на уровне позитивистских фактов и считал, что протоязык может быть восстановлен. Его много и убедительно критиковали. Линию Тромбетти продолжили два русских ученых, фольклорист Пропп и филолог Потебня, советский лингвист академик Марр (которого сурово критиковал другой великий лингвист Иосиф Сталин) и особенно выдающийся сербский ученый Иллич-Свитыч. Последний явился создателем ностратической концепции, которая учла критику моделей Тромбетти и Проппа. В ней Иллич-Свитыч развил тезис о том, что некогда языки восходили к четырем или к шести корням. Он выделяет: общность евразийскую (семитские, хамитские, индоевропейские, картвельские языки), языки индейцев Северной Америки, сино-тибетскую и палео-африканскую группы. Всего четыре главных

метакуста. Любопытно, что эти четыре группы соответствуют четырем сторонам света. Далекий от мистики Иллич-Свитыч пришел к этим выводам на основании вполне научного подхода, путем классического конвенционального лингвистического анализа. Настоящая теория была очень популярна у советских лингвистов, но ее никто не знает на Западе. Эта линия сейчас прервалась, поскольку у нас замерла вообще всякая наука. А жаль, продолжение этой линии могло бы дать колоссальные результаты. Это одно из самых перспективных направлений в лингвистике.

Индивидуальные (неудачные) попытки конструирования праязыка

В свое время, в начале 80-х, я активно пытался, подражая (как правило, неудачным) поискам предшественников, приблизиться к этому языку. Ведь необходимость его существования вытекает из геноновского представления об Изначальной Традиции. Признаться, я продвинулся недалеко. Я знаю несколько языков, в том числе несколько древних (в зачаточном состоянии). Казавшиеся мне схожими корни, фонетические конструкции я попытался как-то систематизировать. Кстати, русский ученый Потебня подверг похожей процедуре русский язык. У меня до сих пор осталась гора материалов, посвященных этим опытам. Там содержатся попытки реконструировать праязык и через мистические алфавиты, и через вполне научные лингвистические теории. Все это было крайне интересно, отняло у меня много времени, но результат был, честно говоря, жалкий. Концы с концами не сходились. Нужно было знать гораздо больше, чем знал я тогда. Какие-то модели из тех, что я пытался применять (в том числе восходящие к Агриппе Неттесгеймскому[53]), не выдержали проверки научными данными, которым можно доверять.

Открытие Германа Вирта

И вдруг все изменилось. Я столкнулся с трудами человека, практически никому не известного. Это был Герман Вирт. Его никто не знает у нас, его не знают традиционалисты Запада,

он — «великий неизвестный», *le grand inconnu*. Труды его были вывезены Советской армией из Берлина и годами лежали в хранилище, где отсыревали и покрывались плесенью. С 1945 года к ним никто не прикасался. Я безуспешно пытался найти труды Вирта в библиотеках нескольких европейских столиц. Лишь однажды, в подземной библиотеке-бункере Аллена де Бенуа, я увидел на полке одну из книг Германа Вирта. Хозяин, правда, к нему особого внимания не проявлял, что неудивительно: там было такое количество книг, что у их владельца до Вирта просто могли не дойти руки.

Я потратил на изучение Вирта два года. Два года я не вылезал из его трудов, силясь просто хоть что-то понять. Его труды — это огромные тома с картами. Я думаю, что его толком никто не читал, — для этого надо быть фанатиком. Любопытно, что Юлиус Эвола, крайне популярный в среде европейских традиционалистов, в автобиографической книге «Путь киновари»[54] называет Вирта одним из трех своих главных учителей (наряду с Геноном и Гвидо да Джорджо). Но и после публикации этой книги никто на Вирта внимания не обратил. Такой вот странный автор... Как писал Генон, «определенные вещи охраняют сами себя». Есть предметы, лежащие посреди комнаты на самом видном месте, но мы не способны их найти. Современные оккультисты даже вывели концепцию бытовых «черных дыр», существующих повсеместно. На самом деле все сложнее и тоньше...

Герман Вирт был. Ему Генон посвятил очень важную рецензию[55]. Тем не менее Вирта не знают. И это при том, что любому даже самому незначительному автору, упомянутому Геноном или Эволой, в среде западных традиционалистов посвящено как минимум отдельное исследование. О Вирте в этих кругах никто не слышал...

«We are in search of the stone with runic or prerunic inscriptions»

Каково содержание идеи, послания Вирта? Он расшифровал тот самый протоязык Традиции, о котором мы говорим. Причем сделал это достоверно, без оккультистских натяжек и позитиви-

стского скепсиса. Ни больше ни меньше. Его труд представляет собой предельное приближение к этому языку. Более достоверного метафизически, исторически, лингвистически, концептуально (как угодно) исследования языка Изначальной Традиции не делал никто. Вероятно, Вирт не знал Генона — я не нашел ссылок на последнего в его трудах. Он читал Бала Гангадхара Тилака — известного индуистского традиционалиста — и на него ссылается. Однако сам Вирт традиционалистом не был. Скорее он был идеалистом, скрупулезным ученым и немецким патриотом. И то, что он не разделял многочисленные предрассудки оккультистов, которые своей поспешностью дискредитируют серьезные исследования, лишь увеличивает значимость его трудов. Поглядев на Вирта глазами Генона, мы увидим все то, чего Генон не сказал, но что, несомненно, из него следует. Вирт добавляет к традиционализму Генона существеннейшую часть[56]. А ведь даже Эвола к Генону ничего особенно не добавил. Эвола оригинален, дерзок, активен. Но это скорее эстетический и экзистенциальный компонент, привнесенный в традиционализм, собственно содержательного там немного.

То, что внес Вирт, — потрясающее откровение, неожиданное, необыкновенно сложное, требующее колоссального внимания. Эта фигура настолько меняет картину современного традиционализма, что пройти мимо нее просто невозможно. Любопытно, что, хотя мы живем на отшибе традиционалистского мира, в медвежьем углу, мы приближаемся к таким важным вещам одними из первых. В свое время один загадочный автор, Отто Ран, написал книгу «Крестовый поход против Грааля»[57] и выдвинул следующую гипотезу: возможно, Граалем была не чаша, а камень с определенными праруническими надписями, которые являются универсальным ключом ко всем религиозным моделям — вообще ко всему знанию. Сам Генон пишет (если не ошибаюсь, в «Царе мира»[58]), что существует общее представление о Граале как о чаше, книге и одновременно камне. Когда Генон исследовал Кентерберийские мегалиты, он говорил, что, возможно, под Граалем следует понимать конкретный объект, покрытый знаками, и эти знаки, вероятно, представляют собой изначальные иероглифы. В некотором смысле

реконструкция Германа Вирта открывает нам нечто весьма похожее. В томах исследований немецкого ученого есть нечто от обретения Святого Грааля, Святого Грааля смыслов.

Арктида — колыбель человечества

В качестве прелюдии к изучению изначального языка у Германа Вирта выступает историко-географическая реконструкция первых веков человечества. Как позитивистский ученый он строит длинную таблицу с обезьянами, с различными видами животных, с геологическими смещениями, но можно этим пренебречь. Самое интересное начинается за 20 тыс. лет до Рождества Христова. Тут Вирт переходит на серьезный, корректный язык. Он придерживается концепции геолога Вегенера.

Современные очертания континентов появились недавно. Континенты не покоятся, не являются постоянными величинами — они скользят по шельфу, и картина земного шара некогда была совершенно иной. Когда-то существовали два континента: северный — Арктогея (Арктида) и южный — Гондвана. Что касается хронологии Вегенера, которую разделяет отчасти и Вирт, она основывается на позитивистских методах исчисления времени и экстраполяции современных физических процессов на древнейшие времена, что не вполне корректно. Тот же Генон много писал[59] об изменении по мере развертывания циклического процесса космической среды. Но не в этом суть.

Вирт утверждает, что Арктида была колыбелью человечества. Это отправная точка в модели Вирта. Он утверждает, что человек возник на Северном полюсе, то есть человечество является сущностно полярным явлением. Отсюда нордизм как метод, как представление об особой специфике изначального языка, изначального знания, изначальной религии. Речь идет не о Северном полюсе в качестве отвлеченной абстрактной концепции (как горы Меру), а о реальном полюсе, где находился континент Арктогея, где некогда жили замечательные люди — гиперборейцы. Созерцая окружающий мир, они выработали протоязык, легший в основу того комплекса представлений, с которым мы имеем дело сейчас, спустя много тысячелетий.

Пути сакральных миграций евразийских рас в Предыстории. Предки индоевропейцев двигались с исчезнувшего полярного континента Арктогеи через западную оконечность Евразийского материка (Северо-Запад) к Юго-Востоку. Это была последняя волна гиперборейских миграций. Предшествующая волна распространялась с Северо-Востока и двигалась к Юго-Западу. Аборигены Сибири и шумерская цивилизация — прямые потомки этой древнейшей волны. Еще более ранними выходцами из Арктогеи были предки североамериканских индейцев, но они спустились с полярных широт в Северную Америку с обратной от Евразии стороны земного шара — через ту область, которую ныне занимает Северная Атлантика.

Эта модель Вирта идеально соответствует холистским представлениям Генона о полярном происхождении человечества, об изначальном Золотом веке. Таким образом, формально позитивистские исследования Вирта привели его к классической для традиционализма нордической теории происхождения человечества. Но если Генон ограничивается тем, что утверждает это как факт, то Вирт делает из этого выводы колоссальной значимости. Он рассуждает так: мы не можем расшифровать древние языки, древнюю культуру, не можем составить адекватное представление о древних людях, не можем найти, скажем, какие-нибудь «допотопные» черепки просто потому, что мы не принимаем концепцию северного происхождения человечества, не принимаем во внимание, что климат на этом северном полярном континенте был не жестче, чем на юге современной Франции. Иными словами, согласно Герману Вирту, именно Северный полюс и был той точкой, из которой цивилизация лучами распространялась к югу.

Приняв эту концепцию, Вирт легко объясняет несуразности палеоантропологии и древнейшей истории. Он объясняет, почему нет останков нордического человека: во-первых, форма захоронения нордических людей была другой (само качество их жизни было иным), а потом те земли, где они пребывали, либо сместились, либо затонули. Он проводил очень интересные исследования на отмели Доггер между Голландией и Англией — искал останки Арктиды, которые, с его точки зрения, существовали как цивилизационные центры вплоть до исторических времен. Эти поиски дали колоссальные результаты, большая часть которых, увы, вне пределов досягаемости...

Первоиероглиф — нордический Год

Теперь непосредственно об изначальном языке. С точки зрения Вирта, главным ключом к пониманию этого языка, всех существующих языков и традиций является год. Год и человек, год и Бог, год и природа, год и время, год и пространство, с точки зрения Вирта, являлись синонимическими понятиями[60]. Человек есть воплощенное сгущенное время. Само по себе время есть божественное проявление.

Северный полярный цикл является высшим знанием, и, соответственно, все остальное следует объяснять через календарь. Особое внимание следует обратить на природные особенности Северного полюса. Мы знаем, что там день длится не сутки, а полгода, и полгода длится ночь. Например, такое понятие, как «солнце полуночи», которое релевантно мистерии Диониса, и вообще является важным элементом в некоторых сакральных теориях, в Арктиде приобретает совершенно естественный смысл. А точнее, смысл природно-магический. Речь идет о солнце, которое светит в полночь на Северном полюсе в дни летнего солнцестояния. Действительно, в этих условиях наличествует в определенные периоды исключительно солнце и в определенные периоды — исключительно полночь. Память об этом солнце полуночи, память об изначальном пребывании наших предков сохранялась в традиционных моделях и из поколения в поколение передавалась в виде легенд и преданий.

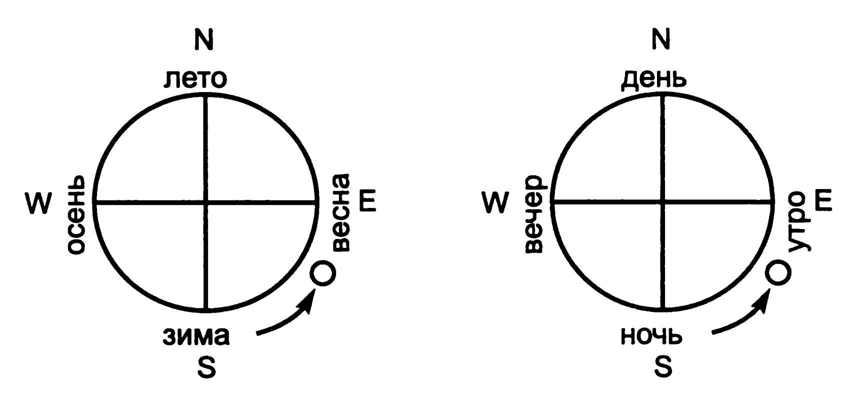
Существует фундаментальное отличие между суточным циклом и годовым. Мы, люди, живущие южнее полярных широт (22-го градуса северной широты), представляем себе год дробленным на сутки. Человек полярного происхождения видел год иначе. День богов был равен году людей. А значит, разница между божественным и человеческим была стерта. Не замечалась разница между тварным и нетварным, не существовало различия между субъектным и объектным, божественным и природным откровением. Природа была ликом Божества, Божество было внутренним измерением природы. Существовало своего рода «полярно-райское мировоззрение», где в центре и даже на периферии присутствовал дух.

Структура полярного года, года, представляющего собой совокупность природных явлений, характерных для северных полярных регионов, послужила Герману Вирту универсальным инструментом для интерпретации всех остальных элементов. Первые люди не были карикатурными полуфабрикатами из классических эволюционистских учебников, они видели мир непримитивно и неплоско. Речь идет о совершенно другом. Самые разнообразные блоки понятий, предметов, существ, ситуаций, сценариев, ритуалов совершенно естественно сводились ими к

некоей единой парадигме. Для Вирта именно такой метод (объяснение всего через парадигму года, полярного года) и стал отправной точкой в его грандиозных исследованиях.

Модель Первокалендаря

Это базовая модель годового полярного цикла. Кажется, что здесь нет ничего особенного. Единственная особенность: Юг здесь отождествляется строго с зимой, Восток — с весной, Север — с летом, осень — с Западом. Солнце в годовом круге идет в ином направлении, нежели в суточном.

В этом, с точки зрения Вирта, содержится великая историческая, историко-гносеологическая драма.

Древнее человечество, по Вирту и Тилаку, спустилось по ряду причин на юг. Например, в Бундахишне (зороастрийской священной книге) говорится: «Красный змей Аримана наслал холод на благословенную страну Ариев, на город Вара, где жили изначальные белые люди, и они были вынуждены покинуть свое жилище». Что же тогда произошло?

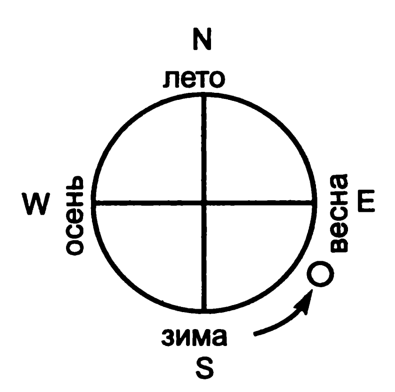
Ниже 22-го градуса северной широты прекращаются годовые феномены полярных циклов. Человек уже не видит наглядно подтверждений изначальной календарно-топографической модели, не понимает прямого смысла того, что было таким очевидным прежде. Он утрачивает ключ к интерпретации определенных знаков и схем, в которых движение к лету, движение вверх, является движением к северу.

В обычном суточном циклизме все наоборот. И все явления, лежащие в основе изначального языка, изначальной проторелигии, затемняются. Соответственно, мифологические элементы да и сам язык теперь интерпретируются иначе. Происходит наложение друг на друга по меньшей мере двух циклов. В одном — годовом, глобальном, нордическом — движение идет против часовой стрелки, в другом — суточном — по часовой. Именно благодаря тому, что эти две сакральные парадигмы (суточная и годовая) меняются местами (необходимо обратить внимание, насколько это серьезно), происходит переход от Бога к человеку, от дня богов к дню людей.

Соответственно, символические детали изначального шифра, изначального языка и парадигмы религиозного знания теряют свое местоположение. Мы утрачиваем ключи к их пониманию, и это является вавилонским смешением языков, по Герману Вирту. Мы теряем шифры от нордического мировоззрения, и миазмы южных морей начинают проникать в наше сознание. Мы становимся все более и более людьми, пока не доходим до сегодняшнего удручающего критического состояния. А ниже, наверное, некуда.

Иероглиф, представляющий собой кельтский крест, круг с четырьмя ориентациями, это одновременно и первокалендарь.

Календарь сам по себе — очень сакрален. Календарь — это наглядная модель, в которой сводятся воедино и наглядно изображаются два понятия: время и пространство. В календаре время изображается синхронно. То, что человеку дается в посту-

пательном развертывании, в календаре, и только в календаре, дано как возможность одновременного схватывания. Таким образом, созерцание нордического календаря, размышление над ним — один из самых прямых путей соприкосновения с Вечностью. Когда человек смотрит на календарь, он схватывает все время вместе, и его внутреннее качество, характер восприятия самых простых предметов меняются. Он видит круг, видит, как время переходит в пространство, как пространство благодаря времени приобретает ориентацию. Это очень важно, поскольку само пространство без такого календаря не имеет ориентации, оно недостаточно. И крест, который устанавливает ориентацию, таким образом, может быть изображен где угодно.

Благодаря календарному мировосприятию происходит некая релятивизация того, что в этом пространстве происходит. Сакральное пространство, снабженное качественно осмысленными ориентациями, возникает из сложнейшей нордической операции — привнесения времени в пространство (так сказать, «опространствливания времени»).

Главным компасом этих сакральных качественных ориентаций служит календарь.

Точка Севера становится одной, точка Юга — другой, точка Востока — третьей, точка Запада — четвертой. Каждой точке пространства соответствует свой определенный, строго фиксированный знак. Если наложить на это пространство круг времени, то он покажет все возможные мутации пространства, как бы схватывая вечное движение в одной фиксированной картине четырех сторон света.

Интересно, что проблемы квадратуры круга и *perpetuum mobile* («вечного двигателя»), над которыми еще совсем недавно (лет триста-четыреста назад) ломали головы лучшие люди науки, на самом деле являются далеким отзвуком того нордического знания, которое отражено в этой простейшей фигуре.

Сегодня футбольные фанаты носят на шарфах кельтский крест, не подозревая, какое колоссальное значение имеет этот символ. (Он же изображается на мишенях для стрельбы.) В 60-е годы бельгиец Жан Тириар сделал кельтский крест эмблемой «Юной Европы» (паневропейского национального движе-

ния) — позднее его переняли футбольные фанаты и скинхеды, с тех пор он постоянно присутствует в их символике.

Взгляните еще раз на кельтский крест.

Последовательность выстраивается в цикл, линия становится кругом, вечное движение обеспечивается за счет представления обо всем времени сразу. Оно не может кончиться, оно не может остановиться. Оно не может исчезнуть: это некая абсолютная парадигма, эссенция бытия, выраженная графически.

Таков был первый шаг Германа Вирта на пути к вскрытию структуры протоязыка.

Уже на этом этапе можно прийти к многочисленным выводам невероятного значения. Каждая ситуация, каждое событие, каждый мифологический сюжет или бытовой сценарий могут быть препарированы при помощи этой модели.

Применяя эту парадигму к самым сложным культам и теологическим конструкциям, мы всегда будем обнаруживать целые пласты смыслов, о существовании которых прежде ничего не знали. Даже если бы Вирт здесь остановился, одно только это дало бы нам уже очень многое — нам была бы дана путеводная нить. Но он пошел дальше.

Говорящий Год, огласовка Священного Круга

В своем знаменитом энигматическом стихотворении «Гласные» (*Les voyelles*) Артюр Рембо создал эскиз, набросок абсолютного языка. Он писал: «Гласные, я расскажу когда-то о вашем тайном рождении...» (*Je dirais un jour vos naissances latentes.*) Это беспрецедентное в мировой культуре визионерское стихотворение (его блистательно перевел Евгений Всеволодович Головин) представляет собой вершину современной герметической поэзии. Вспомним также масонские инициатические жесты, описанные Густавом Майринком в «Белом доминиканце»[61]. Там речь идет об интересном соотношении положения руки и некоторых гласных. Например, открытая ладонь с вытянутым большим пальцем — гласная «а», а сжатый кулак с вытянутым указательным пальцем — гласная «и» (значения этих знаков: вода и огонь). Любопытно, что Майринк

взял эти знаки из редчайшей брошюры барона Зебботтендорфа (основателя общества «Туле»), посвященной древнетурецкой масонерии. Сам Зебботтендорф был посвящен в «Мемфис Мицраим» («горячее» революционное масонство) одной супружеской парой саббатаистов, *денме*, продолжавших в лоне турецкого ислама и масонства свою оригинальную мессианскую, мистико-эротическую традицию. Кстати, «Белого доминиканца» на итальянский переводил Юлиус Эвола, который также интересовался всем этим кругом идей.

Герман Вирт был немыслимым полиглотом — знал невероятное количество языков! Он довольно рано обрел гиперборейскую мудрость, и архаический диалект человечества ему давался так же легко, как нам чтение свежей газеты.

Исследуя ряд гностических текстов первых веков христианства, рунические круги, преддинастическую письменность Египта, этрусские надписи, пещерные рисунки, енисейские (орхонские) наскальные знаки, круговые письмена Фестского диска, неоафриканское письмо Бамун, древнейшие слои китайской иероглифики, шумерские и ассирийские таблички, узоры инициатических татуировок океанских племен, ронго-ронго острова Пасхи, культовую символику североамериканских индейцев — в общем, огромный материал, трудно все перечислить, — он открыл парадигматическое соотношение гласных звуков и код, дающий нам представление об абсолютном языке гласных.

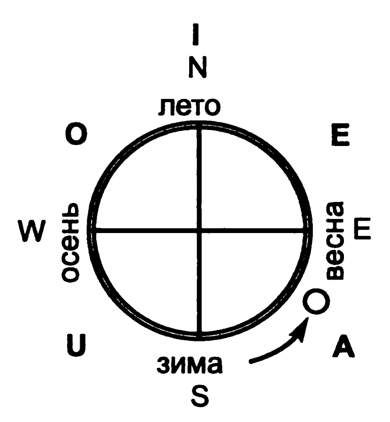
Гностики подходили к этой теме, считая, что гласные соответствуют ангелам, духам, а согласные — неким материальным сущностям. Поэтому в некоторых языках гласные не пишутся, а пишутся только согласные (гласные подразумеваются). Знание гласных было знаком сакральной посвященности. Интересен пример масоретической огласовки Торы, которая была прежде текстом без гласных. Лишь тогда, когда иврит начал выходить из употребления и устная коэническая традиция огласовки священных текстов начала стираться, диакритические знаки, обозначающие гласные звуки, стали писаться в еврейских текстах в виде специальных обозначений. Гностики первых веков христианства говорили, что божественные и ангелические имена составлены из одних гласных.

Кстати, первые крики младенцев состоят из гласных. «Новорожденная» душа ребенка, еще далекая от материального, первое время говорит на ангельском языке.

Мистика гласных, по Вирту, имеет очень строгую конструкцию. Она шокирует своей определенностью. Прикладывая пять существующих основных гласных к гиперборейскому календарю, Вирт утверждает, что они располагаются в порядке, основанном на жесткой внутренней логике.

«A» соответствует послановогоднему зимне-весеннему периоду, «i» — летнему солнцестоянию (то есть северу и верхней точке круга), «u» — зимне-осеннему периоду, предшествующему зимнему солнцестоянию.

Эти три гласные являются доминирующими. В арабском языке, например, их всего три. В некоторых языках разница между «u» и «o», между «a» и «e» стирается. «O» и «e» — это промежуточные звуки. Даже обычная, негиперборейская лингвистика считает, что расширение гласных звуков не является фундаментально заданным, и в рамках одного и того же языка могут существовать устойчивые мутации.

Теперь давайте внимательно приглядимся к этим гласным звукам. Звук «a» (первый знак Священного Года) произносится с максимально открытым ртом. С этой буквы начинают свои алфавиты все близкие нам народы — «азъ», «а», «alfa», «alif», «aleph».

«I» — гласная, которая произносится с полузакрытым ртом. Это промежуточная гласная, одновременно самая пронзитель-

ная и жесткая. Наиболее близкая к согласной. Отвердевание «i» в русском языке дает «й», которое, в свою очередь, во многих языках переходит в гортанный звук «ha», «g», «j», «джи».

А вот «u» можно произносить, не открывая рта. Это гласный, который как бы менее всех гласный, он легко может превратиться в согласный «v».

Промежуточный между «а» и «i» — «е», а между «i» и «u» — «о».

Такая реконструкция проста и убедительна.

Теперь вспомним, что круг, на котором мы расположили гласные, — календарь. «А» — это открытый год (начало года). Закрытый, утробный звук «u» — его конец, могила. «I» — промежуточный средний звук, звук севера, летнего солнцестояния.

Итак, три доминирующих гласных звука: «а», «i», «u» (плюс два промежуточных и возможные вариации) — это изначальная огласовка нордического протоязыка, сохранившаяся лишь в отдельных застывших словах, имеющих сакральное значение, передающихся из поколения в поколение как некоторые сакральные комплексы.

Вирт утверждал, что в греческом гностицизме были особые, созданные искусственно слова, в которых были все эти гласные звуки. Например, гностические имена Бога: *Iau*, *Ieu*. Или греческое слово — αἰών (век, вечность), точно соответствующее смыслу того, чем является сакральный календарь. Кстати, немецкое *Ewigkeit* (слово, которое мальчик Кай выкладывал из льдинок во дворце Снежной Королевы) — «вечность» по-немецки — имеет корень *ewig*, означающий, согласно Вирту, вседлительность и восходящий к тому же протозвуку, что и греческое αἰών. Русское слово *век* этимологически восходит к той же протоформе. Это тоже в каком-то смысле сакральный календарь, важнейшее сакральное слово, Всеслово.

Тот же корень содержит слово *аист*, по-немецки *Eiber*. Отсюда устойчивое представление о том, что «аист приносит детей» (слово *аист* — символ нового года, символ рождения нового цикла).

Представляете, какую пользу можно извлечь, если применить такой анализ к ритуальным текстам или даже если соеди-

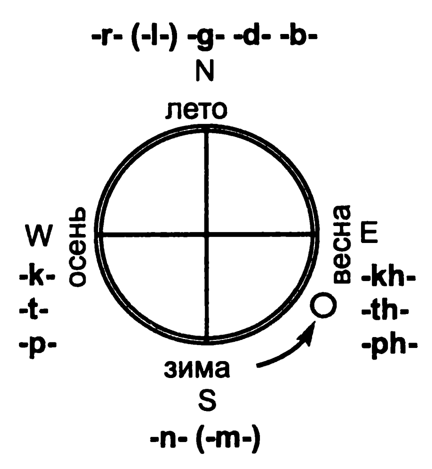

нить его с обычной, профанической лингвистикой, отказавшись от некоторых позитивистских предрассудков?

Согласные

В отношении расположения на гиперборейском круге согласных Герман Вирт приходит к следующей сакральной парадигме. Существует несколько разновидностей согласных. Четыре из них главные: «k», «t», «p», «s». Их можно произносить в трех разных позициях: глухо, с придыханием и звонко. Это четыре фундаментальных звука. При придыхании «k» дает «h», при озвончении — «g». «T» при придыхании дает «th» (например, в английском), при озвончении — «d». «P» при придыхании — «f», при озвончении — «b». «S» при придыхании — «sh», при озвончении — «z».

Такова базовая модель. Четыре базовых согласных звука и 12 производных от них. Речь идет о тех согласных, которые (так или иначе) присутствуют во всех языках.

Вирт располагает их на гиперборейском круге так: глухие, просто произнесенные согласные «k», «t», «p», «s» составляют осенне-зимний полукруг, произнесенные с придыханием («h», «th», «ph», «sh») соответствуют постновогоднему, зимне-весеннему сектору, а озвончение («g», «d», «b», «z») соотносится с летним, северным сектором. Существуют еще два типа соглас-

ных: назальные («m» и «n») и «текучие» («r» и «l»), которые в некоторых языках могут меняться местами (кстати, в старославянском многие слова, которые мы сейчас произносим без «n», раньше произносились с «n»).

По реконструкции Вирта «n» или «m» означает материю, нижнюю половину года, а «r» и «l» — верхнюю половину.

Возникает поле для определенных фонетико-семантических комбинаций, где каждое из сочетаний имеет уже заведомо не звукоподражательное (как учит профаническая лингвистика), а сакрально обоснованное значение.

Кстати, Каббала подходит к древнееврейскому языку именно с этой позиции. Каббалисты так и говорят: буквы создали мир, комбинации звуков создали реальность, поэтому вся реальность может быть сведена к совокупности звуковых сочетаний. Именно эта концепция каббалистов позволила еврейскому языку так долго претендовать на «звание» изначального. Хотя чисто исторически теория о примордиальности еврейского языка не может быть серьезно воспринята — существует масса фактов, свидетельствующих о его достаточно позднем и искусственном происхождении. Однако сам принцип, лежащий в основе гиперборейской реконструкции, весьма схож с подходами каббалистов к еврейскому языку.

Фонетико-семантические комбинации

В отношении структуры изначального языка Вирт был сторонником агглютинативной теории происхождения языка, то есть считал, что слова изначально складывались из законченных фрагментов — слогов. К слогу, который означает что-то, присоединяется другой, означающий еще что-то, — получается слово. Такая структура свойственна, в частности, шумерскому языку.

Другим образом слово образуется во флективных языках. Берется какой-то один неизменный элемент языка, и вся дальнейшая работа ведется только с парадигмой этого слова, без концептуальных добавлений. Все современные языки являются флективными. Примордиальный же язык был агглютинативным.

Таким образом, если мы восстановим некоторые закономерности сочетания гласных и согласных, характерные для изначального нордического языка, мы получим нечто большее, чем просто слоги в современном понимании.

Первая из таких устойчивых комбинаций — сочетание «h»; «th», «f» с «a» («ha», «fa» и т.д.) Эти элементы являются наиболее устойчивыми и структурными. Наиболее архаические пласты известных нам языков показывают неизменность именно этих устойчивых сочетаний.

То же самое можно сказать о сочетании звонких «g», «d», «b» с «i», а также о сочетании глухих «k», «t», «p» с «u».

Представьте, какой колоссальный набор формально бессмысленных, но очень звучных и важных гиперборейских мантр можно получить, если использовать эти сочетания в определенных оперативных целях! Но это уже путь не Германа Вирта, а ариософии. Герман Вирт ничего подобного бы не одобрил. Сам он просто искал подлинные языковые основы, оставляя поверхностный оккультизм «на обочине» своих поисков.

Так вот полученные звуки, фонемы, таким образом, приобретают не связанную с конкретикой исторического языка, абсолютную семантику. Каждый звук, каждая фонема что-то значат сами по себе, независимо от их использования в реально существующем языке. Это потрясающее открытие! Ведь если это так, если звук имеет свой собственный универсальный смысл, то язык становится не просто инструментом передачи информации, отныне он сам — информация, причем высшая, абсолютная информация.

При таком подходе к языку мы как бы меняем местами цель и средства. Если обычный язык, в том виде, в каком мы привыкли его использовать, есть средство коммуникации, то гиперборейский язык — это цель коммуникации. Главной задачей произнесения того или иного звука (или сочетания звуков), таким образом, является сам факт магической, теургической актуализации смысла, стержня данного звука (или сочетания звуков), пронизывающего собой все пласты бытия и связывающего их всех (от самых банальных, бытовых до самых высоких) в единый комплекс.

Как гласит германская поговорка, которую постоянно цитирует Вирт: «В начале этого языка лежит Бог» (*Gott is Anfang jeglicher Sprache...*). У Германа Вирта есть на этот счет особая концепция *Gottesweltanschauung*. *Weltanschauung* — дословно, «мировоззрение». Это слово отсутствует во всех языках, восходящих к латинскому. В современном же русском *мировоззрение* — как раз его точный эквивалент. Однако *Gottesweltanschauung* сложнее, такую конструкцию в русском языке уже не создашь. Это как бы «Божьего мира воззрение», то есть воззрение на мир и на Бога одновременно. В таком «воззрении» между ними нет существенной разницы, и, смотря на мир, мы не видим его изолированно, за следствием всегда стоит священная причина (причем здесь и сейчас). На что бы наше внимание ни падало, мы видим холистский ансамбль — «открытый вход в закрытый дворец государя». Здесь каждый предмет, каждое состояние является входом внутрь, и язык стоит в центре, как главный магический инструмент.

Например, звукосочетание «ua» при таком «воззрении» становится как бы всесочетанием. Оно указывает на ту точку, где старое заканчивается, а новое начинается, — на зимнее солнцестояние. Указывает на мистерию, в которой конечное сталкивается с бесконечным, смерть сопрягается с жизнью, где происходит величайшее таинство. Это с календарной и годовой точек зрения Новый Год, зимнее солнцестояние, Юл. Это глубокий юг, космическая полночь, сердце мира. Здесь «u» переходит в «a».

Вехи большого пути

Каким образом Герман Вирт пришел к такой реконструкции?

Он был германским патриотом и первую свою диссертацию посвятил исследованию голландской народной песни. Его заинтересовала символика народных орнаментов. Вирт ее изучал и пытался систематизировать. В Германии в то время (10—20-е гг. XX в.) существовала организация Wandervogel — правоанархистское, интересное и мощное молодежное движение. Вирт организовал его голландский аналог. Будучи молодыми людьми, они

проводили летние месяцы в деревнях, жгли костры, пели антимондиалистские песни, собирали фольклор, зарисовывали орнаменты — в общем, культурно проводили досуг. Вирта особо интересовало происхождение народных орнаментов. Последние не имели прямого религиозного значения. Какова же тогда была та знаковая матрица, элементами которой были эти орнаментальные конструкции? Вирт расширил поле своих исследований едва ли не на всю Европу, ездил на раскопки в Палестину и т.д. Постепенно, шаг за шагом, перед ним возникала грандиозная картина изначального языка. Все культуры, особенно архаические, тысячелетиями передавали сюжеты этого языка в сказках, фольклоре, узорах, вышивках, самых простых предметах. Передавали в обычаях, скажем, перекидывать над быками крест-накрест топоры или пахать весной на бабах вокруг деревни (кстати, случайно встретившегося при этом мужчину приносили в жертву или как минимум сильно били).

Систематизация этих многомерных знаний постепенно складывалась в некую изначальную парадигму, явно не сводимую ни к простейшим неоязыческим реконструкциям, ни к обобщениям академической науки.

Особенное внимание Вирт уделял индейцам Северной Америки. Он знал прекрасно их культуру и традиции, знал их языки (в Северной Америке почти у каждого племени свой язык). Первая фундаментальная книга Вирта «Происхождение человечества» (*Aufgang der Menschheit*[62]) была посвящена сравнительному анализу символов, верований, мифов североамериканских индейцев с другими, более близкими к нам (даже христианскими) культурами. Получилась гигантская конструкция, которую уже тогда можно было попытаться систематизировать и редуцировать к гиперборейской модели.

Вирт разделял мнение о том, что индейцы были первыми выходцами из Гипербореи. У индейцев удивительно часто встречается I группа крови, считающаяся наиболее древней. Существуют племена (например, некоторые племена ирокезского союза), где у всех I группа крови. Это кажется почти невероятным, и ничто подобное не встречается более ни у одного народа.

На основании своих исследований, реконструировавших историю человечества (в том числе и на основании анализа распределения групп крови), Вирт сделал выводы огромной значимости. Он составил таблицы, сопоставляющие между собой сотни видов письма: древнейших надписей жителей Аравийской пустыни, африканских и индусских начертаний, исследовал татуировки племен маори, папуасов, индейцев, свел все это в единые таблицы и сопоставил с другими знаками. И вот из всего этого гигантского объема графики мало-помалу стали проглядывать контуры первоиероглифов примордиальной письменности.

Вторая книга Вирта — «Священная протописьменность человечества» (*Die Heilige Urschrift der Menschheit*[63]). Честно говоря, труды Вирта — очень трудное чтение. Читателю структурировать этот материал очень сложно. После того как вышла «Гиперборейская теория»[64] и статья о Вирте в «Конце Света»[65], многие захотели Вирта перевести (в Питере меня одолевали фанатического вида лингвисты). Однако я думаю, что его вообще не надо переводить. На это уйдет вся жизнь, и все равно никто ничего не поймет до конца. Проще выучить немецкий и самому во всем разобраться.

Вообще нужен не перевод Вирта, а его понимание. Вирт — это не ученый, это процесс, процесс приближения к гиперборейскому языку.

Проторуны

Из проторунических знаков развились все современные виды письменности. И финикийское, и латинское, и греческое, и шумерское, и китайское письмо. Вирт эту систему нащупывает, используя при этом огромное количество графической информации. Вот только «учебника гиперборейской грамматики» Вирт не создал (тем и интереснее: есть что писать). Однако кое-какие элементы из виртовского материала вычленить все-таки можно.

Конечно, базовыми знаками являются те, которые представляют собой полюса в изначальном виде (еще без креста), например два круга, соединенные линией.

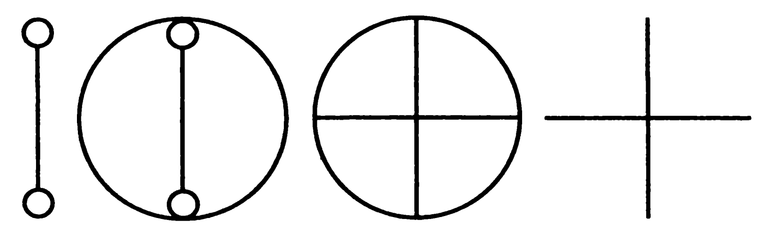
Только верх и низ, летнее и зимнее солнцестояние без промежуточных элементов. Этот знак — символ древнейших, наиболее чистых культов. Вирт разбирал подобные штрихи даже на костях мамонтов.

Второй знак: круг с отметками зимнего и летнего солнцестояния.

Кельтский крест — уже более поздний символ.

Аналогом его является свастика, обозначающая солнцеворот, переход от «а» к «u». Она находится в точке зимнего солнцестояния.

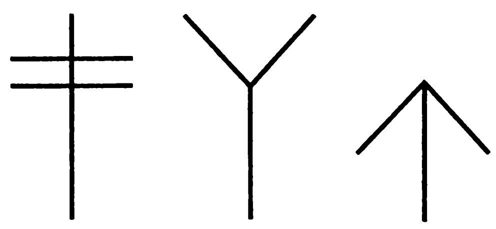
Обычный, греческий крест представляет собой сакральную ориентацию.

Знак «овна» — крест с двумя «перекладинами».

Особенно важны знаки, благодаря которым можно отчасти структурировать наши согласные в их соотношении с сакральным календарем. Например, знак «ka». Это весенний знак.

Человек с опущенными руками озвучивается как «tiu». Это путь от «i» к «u», осенний путь.

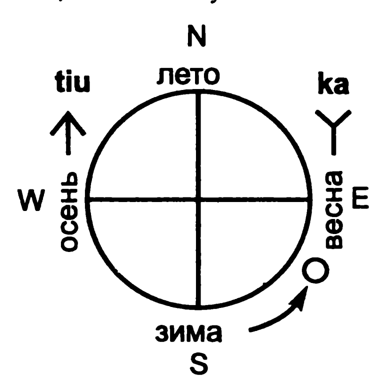
В человеке некоторые пласты столь консервативны, что не поддаются вырождению, несмотря ни на что. Даже в наше время, в нашей профанической письменности, можно найти похожие знаки, например букву «Т». Это неудивительно. Согласно Герману Вирту, индоевропейская традиция была последним «выбросом» гиперборейских жителей, которые принесли с со-

бой определенное обновление более раннего знания, ключи к которому затерялись.

Итак, 6 тыс. лет назад веселые, мудрые, голубоглазые индоевропейцы ворвались сюда с последних затопленных гиперборейских земель. Кстати, Вирт считал, что у гиперборейских народов женщины были одного роста с мужчинами. «Породу» несколько «подпортили» браки гиперборейцев с женщинами из покоренных племен. Действительно, средний рост южан заметно меньше (не только у женщин, но и у мужчин), чем рост обитателей Северной Европы.

Нордические женщины и нордические мужчины были похожи. У женщин, как и у мужчин, были узкие бедра, широкие плечи. Они были не домашними хозяйками, но жрицами. И вообще разница полов тогда была далека от той, что сейчас. Из последних гиперборейских земель (с сакральным центром в Мо-Уру) эти люди принесли с собой древние традиции, известные как индоевропейские. Поэтому многие знаки нашего профанического алфавита до сих пор имеют сакральный характер.

В альманахе «Конец света» содержится моя статья о Вирте и реконструкция двух его знаков: иероглифов «Ка» и «Tiu». Схождение «t» в низ гиперборейского круга рассматривается в древнейших протопластах культур и мифологий именно как спуск неба на землю. Небо становится землей для того, чтобы, согласно герметической истине, земля стала небом. «Т» спускается в «u» для того, чтобы получилось «ka».

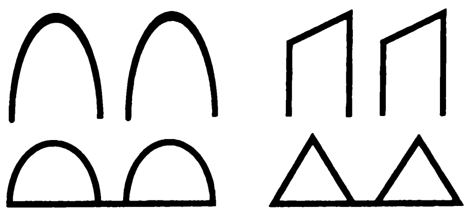

Я думаю, что самое интересное — это освоение базисных компонентов гиперборейского протоязыка и применение их к

наиболее интересующим нас реальностям. Например, к иконописи. Существует ряд сюжетов, необъяснимых с точки зрения христианской догматики. Основной сюжет, конечно, имеет догматическое обоснование, но, скажем, в догматической иконописи постоянно встречаются повторяющиеся элементы бытовой сцены — стол, собака, баран, изображение двух гор. Откуда они взялись? Почему они появляются с такой странной настойчивостью? Например, мне не удалось найти внятного догматического обоснования изображению двух гор на многих иконах. Все «специалисты» в ответ на наш вопрос твердят: просто так принято.

Или, например, в Коране систематически происходит обращение к символизму верблюдицы. А ведь эти сюжеты, две горы и верблюдица, воссоздают иероглиф двух «ur» — двух дуг.

И такие элементы могут присутствовать не только в каких-нибудь сакральных конструкциях, но и в самых привычных, бытовых вещах.

Palestinabuch и «деконструкция» Ветхого Завета

В том, что виртовские реконструкции очень серьезны, можно лишний раз убедиться на примере следующей, почти детективной истории.

В 30-е годы Вирт попытался применить свой метод к тому, что можно назвать деконструкцией Ветхого Завета.

«Деконструкция» — классический термин структуралистской философии. Структуралисты подвергают деконструкции различные ансамбли — философские, культурные. Это их главный метод. То, чем мы занимаемся — это тоже деконструкция, причем довольно обширная. Но наше отличие от классических структуралистов заключается в том, что они деконструируют

остатки сакрального, а мы деконструируем профаническое (либо то, что привело к профаническому) с тем, чтобы открыть предшествующее ему сакральное. Нашу деятельность можно назвать «структурализмом справа».

Вирт попытался деконструировать Ветхий Завет — расшифровать сюжеты, имена, названия, события, ситуации, запреты, самые незначительные фрагменты с помощью своей методологии, одновременно привлекая обширный археологический материал, полученный при раскопках в Палестине. Эти замечательные по масштабам и результатам раскопки вела влиятельная организация, изучавшая древности, которую Вирт одно время возглавлял. Так вот, нет ни строчки, ни слова в Ветхом Завете, которые не поддавались бы такой гиперборейской деконструкции. Речь идет не о критике текста, чем занимались, скажем, протестантские авторы или позитивисты. То, что делал Вирт, было ресакрализацией, вскрытием изначального, гиперборейского гнозиса — подлинной основы ветхозаветной традиции, освобождением его от пристрастных интерпретационных моделей.

Само слово «еврей», *habiru*, Вирт расшифровывал как «пришелец», пришлец из Гипербореи (*эбер* — запад, северо-запад). Вирт полагал, что Ветхий Завет — это безусловно гиперборейское знание, очень чистое, очень индоевропейское, но изрядно трансформированное (особенно в VI веке до н.э.). Можно себе представить, что это был за труд. К сожалению, о его содержании теперь можно только догадываться.

Уже в 70-е годы, когда Вирт практически закончил его писать, единственная окончательная редакция исчезла без следа. В отсутствие ученого в дом проникли неизвестные, все перевернули, но взяли только Palestinabuch. Вирт обратился к ученикам (было еще два или три незаконченных экземпляра), но у них тоже побывали таинственные незнакомцы.

Вообще Вирт — это сплошная тайна. Почему автор такой колоссальной научной эрудиции, чьи работы имеют поистине судьбоносное значение, оказался почти невостребованным, в то время как труды сотен тысяч ничтожеств заполонили полки библиотек, — невозможно найти никакого рационального объяснения.

Вот бы достать хотя бы фрагменты Palestinabuch... Только представьте, насколько все могло бы измениться. Хотя в принципе, если как следует освоить Вирта, его метод, можно самим деконструировать в гиперборейском ключе Ветхий Завет. Нужно только потратить несколько лет жизни и иметь при этом колоссальную силу воли.

Руническая интерпретация герметизма

Хочу закончить следующим примером. В самом начале 80-х под влиянием Е.В. Головина я принялся усердно изучать алхимические трактаты. Конечно, такого рода освоение предельно сложно. Ясности нет никакой. Но чем сложнее, тем веселее. Эвола писал в своей книге La tradizione ermetica[66]: «Прочтя ее, вы все поймете». Не знаю, как другим, но мне его книга ясности не прибавила (сам Эвола, похоже, тоже далеко не все понимал). Он все трактует на основании оккультистской школы Джулиано Креммерца. Довольно однобокая трактовка. Постепенно у меня сложилось впечатление, что герметизм не может быть интерпретирован никак, наоборот, он должен сам все остальное интерпретировать. Например, мы можем прочитать «Трех мушкетеров» и дать им алхимическую трактовку (Е.В. Головин в свое время с блеском это сделал). Эжен Канселье, например, интерпретировал Свифта. Но сама герметическая традиция интерпретации не поддается. Отсюда алхимическая поговорка, что те авторы, которые «темнят», пишут сложно и непонятно, говорят правду, а если вам кажется, что вы что-то понимаете, тут что-то не то, какая-то фальшивка.

Календарное сообщение Артура Гордона Пима

Реконструкция Вирта является той универсальной интерпретационной схемой, которая позволяет определенным образом объяснить очень многие вещи, в том числе и герметическую традицию. В одной из своих лекций Евгений Всеволодович Головин говорил о сухом и влажном пути, о путешествии в Антарктиду и к Северному полюсу. Бросается в глаза, что эти сюжеты являются

парадигматическими. Будучи герметическими канонами, они объясняют нам все остальное. Вся наша жизнь — либо движение к Северу, либо жуткое путешествие к Югу, к Белой Даме в саване. Но это и есть та парадигма, которая дает ориентиры для того, чтобы можно было с некоторой осмысленностью проживать отпущенное время. С точки зрения виртовской модели легко узнать в «сухом пути» правую половину круга. Путь капитана Гатерраса на Север — это путь полярного солнца к летнему солнцестоянию. А в «Сообщении Артура Гордона Пима» легко узнать путь с Севера на Юг — осенне-зимний маршрут.

Евгений Всеволодович Головин говорил о столкновении на Южном полюсе с Белой Дамой в саване, в окружении белых птиц, как о преддверии «работы в белом» и как о трагической смерти перед иным пониманием метафизической женщины. Это блестяще объясняется с точки зрения зимнего солнцестояния, поскольку нижняя область отводится женщине или Белой Даме. Кстати, Вирт говорит, что в Германии много мест, посвященных *Weisse Frau* (*Weise Frau*). Проникновение в некое гностическое гиперборейское знание характеризовал институт белых жриц, высоких дев, об одной из которых Бодлер повествует в стихотворении *La Geante*. Так вот, проникновение на Южный полюс и столкновение там с Белой Дамой — это наш Новый Год, нижняя точка гиперборейского круга. И то, что там происходит, на самом деле является странной мистерией преображения абсолютной смерти в абсолютную жизнь. Ведь точки «до полуночи» и «сразу после полуночи» находятся в одном женском секторе круга, однако имеют противоположное значение (хотя в холистском ансамбле ничего несводимо противоположного нет).

«Тайное слово» Татарии

Герман Вирт неоднократно сожалел о закрытости по политическим причинам, недоступности для его археологических исследований сибирских регионов, областей Северной Евразии. Великий ученый верил, что, получив доступ к этой последней части гигантской пространственно-временной мозаики, доведет свою концепцию до последних выводов.

Сведенборг говорил, что потерянное Слово, *Parole Délaissée*, следует искать у «мудрецов Тартарии». То есть у нас с вами, на нашей загадочной и великой русско-татарской Отчизне. Но открыть это Слово мы сможем только с помощью сокровенного полярного знания.

Вирт утверждал, что все мы (человечество) находимся на пороге гигантского макрокосмического солнцеворота. И, несмотря на весь вой о прогрессе и о «прекрасном новом мире», наша точка принадлежит Антарктиде, предновогодней стоянке. Мы живем в мире разложения и смерти. Мы делаем последние шаги влажного пути. Другое дело: кто осуществляет этот влажный путь? Тот факт, что в этом есть таинство, имеющее фундаментальный смысл (таинство смерти и рождения), сомнений не вызывает. Однако возникает другой вопрос, резонирующий с проблемой внутреннего нордизма: кто является субъектом этого пути? Влажный путь налицо, но кто же такие мы? Не являемся ли мы хорьками с коралловыми зубками или отрезанными кусками плотной воды, или, в самом лучшем случае, зловещими птицами, пугающими странников возгласами «текели-ли»? Есть ли в нас на субъектном уровне нечто, что поможет преодолеть порог зимнего солнцестояния, что имеет шанс соучастия в празднике нового Юла, в начале нового сухого пути?

Наверное, главным условием выбора будут истовая, абсолютно ни с чем не считающаяся преданность Северу и тот духовный нордизм, подлинным адептом которого был Герман Вирт.

МИФЫ НОВОГО ГОДА. ВЕЛИКИЙ ЮЛ

Как обычно встречают Новый год? Сидят, выпивают, бормочут бессмысленные слова за столом. А почему бы не провести праздник в виде лекции? Попробовали — получилось. Наверно, имеет смысл сделать такие новогодние лекции регулярными...

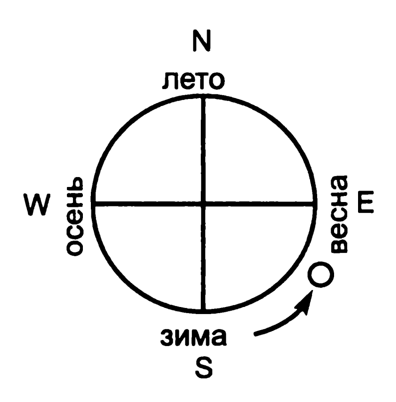
Помню, мы как-то с Сергеем Курехиным обсуждали содержательную сторону процесса выпивки. Как правило, разговор пьяных людей представляет собой малосодержательный дискурс. Часто все заканчивается во «времени Ляпунова». Но это в

профаническом мире. А ведь алкоголь — это сакральнейшая вещь, и наиболее бурные алкогольные возлияния в древности сопровождались колоссальным интеллектуальным напряжением. Тогда алкоголь не был в оппозиции к рассудку, а рассудок не был в оппозиции к миру души. И вот мы решили реализовать целую программу интеллектуальных выпивок, где люди постепенно набираются, но при этом сохраняют нить темы, для обсуждения которой они собрались. В этом случае алкоголь не мешает, а, наоборот, помогает сконцентрироваться. Нужно превращать реальности, сопряженные с пиками низкого безумия, в нечто осмысленное, содержательное. Традиция интеллектуально отмечать праздники — это здорово! Вместо банкета — лекция. По-моему, это то, что нужно.

Итак, мифы Нового года. Великий Юл.

Разные даты празднования Нового Года в различных традициях

Юлом у древних германцев назывался праздник зимнего солнцестояния. Традиция отмечать Новый год есть у всех народов. Однако в отношении его точной даты существуют разночтения. Многие народы (например, персы) отмечают Новый год в день весеннего равноденствия, то есть в точке, соответствующей Востоку. «Весенний» Новый год вытекает из той же логики, что и «зимний». То же представление о цикле, тот же символический набор основных знаков и сюжетов.

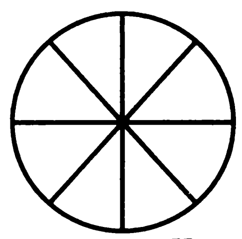

Существует менее известная традиция: отмечать Новый год летом. Это характерно для египетской цивилизации. Здесь Новый год совпадает с летним солнцестоянием (День Ивана Купалы). Вообще все точки кельтского креста, где вертикаль и горизонталь пересекают окружность, праздничные, важные. Поэтому неудивительно, что существует традиция отмечать Новый год осенью. Например, в кельтской культуре и в семитической традиции. Иудейский календарь является лунным, точнее лунно-солнечным, а следовательно, имеет некоторую фиксированную солнечную черту. Переход через нее — это еврейский Новый год, *Рош Ашана*. Празднуется он в день осеннего равноденствия.

Православию свойственен литургический Новый год, так называемый эндикт, совпадающий с этим днем. Кроме того, существует гражданский Новый год — 1 января, введенный на Руси Петром Первым. И вот, как это ни парадоксально, именно этот, казалось бы, насквозь профанический праздник и совпадает, на самом деле, с тем изначальным Новым годом, который отмечался в самых древних традициях...

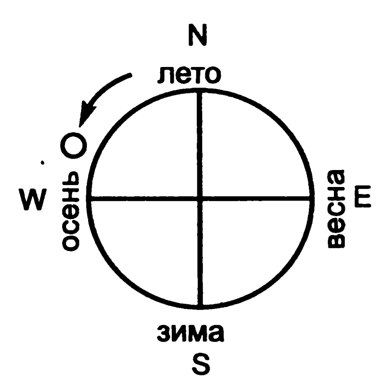
Узловые точки календаря всегда во всех исторических эпохах отмечаются как праздничные. Кроме того, фиксируются промежуточные точки, обозначающие второстепенные праздники. Например, китайский Новый год, который начинается в феврале (это промежуточная юго-восточная точка), или Новый год по позднекельтскому календарю, который совпадает с Днем Всех Святых. Изначально он был расположен в точке осеннего равноденствия, но сейчас празднуется не строго в этой точке, а где-то на «юго-западе».

Миграция точек празднования Нового года связана с фундаментальными сакральными аспектами той или иной традиции. Поскольку календарь представляет собой парадигму конкретного сакрального языка и выражение языка Традиции, то на ос-

новании приоритетных пунктов календаря выстраиваются ритуальные комплексы, специфика сакральной географии, ориентация на местности, создание древнейших сакральных карт. Даже неандертальского типа народы ориентировали свои норы в соответствии с закономерностями сакральной ориентации. Поэтому, когда мы хотим проинтерпретировать какой-то сакральный комплекс, ритуал или религиозную доктрину, мы должны всегда исходить из этой изначальной матрицы, учитывая, где в данной культуре, в данной традиции празднуется Новый год, что стоит во главе: Север, Юг, Запад или Восток.

Согласно Вирту и Генону, изначально точкой Нового года был день зимнего солнцестояния. Это была абсолютная форма великого праздника. Почему? Здесь происходит изменение направления движения солнца от спуска к подъему. В геоцентрической системе координат, особенно в северных широтах, в Арктиде (где день совпадает с годом), это представляется наиболее наглядным и очевидным. С одной стороны, можно уподобить Солнце шару, брошенному из глубины зимы вверх. Он поднимается, потому что изначально за ним стоит инерция броска. Шар достигает высшей точки и начинает опускаться.

Что чудесного в том, что шар (как простой предмет, например, камень) летит вверх? В принципе, конечно, само по себе это чудесно. Но раз уж он все равно летит, какая разница, почему? Наверное, бросил кто-то... Но вот шар долетает до верхней точки и меняет свое положение. Свет постепенно поддается тьме, и наступает арктическая полярная ночь. И вот в самой середине

ночи, при полной победе тьмы, возникает таинственное, необъяснимое сакральное явление: каким-то загадочным образом не из самого света, а из-за пределов света, из-за последней черты бытия возникает импульс, опять подбрасывающий солнце вверх. Не видно самого этого импульса, еще не появились первые проблески весеннего солнца, тем не менее носители священного огня, предки исторических ариев, сохраняющие свет солнца в своих святилищах, уже знают, что этот магический миг произошел, что трансцендентная причина не оставила мир во тьме и рождение Нового света уже празднуется в его принципиальном аспекте.

Остальные узловые моменты сакрального календаря тоже важны, но они естественны, природны. Рождение же солнца, его смерть, магия превращения одной тьмы в другую, чреватую золотой зарей, — это наиболее священный момент по сравнению со всем остальным. Это разрыв цикла. В момент Юла в движение вмешивается какая-то особая новая сила, которая размыкает инерциальное движение по кругу и выбрасывает поступательное развитие событий в неожиданную, запредельную сферу. Тут происходит то, что не заложено в других точках цикла. Непонятно, откуда берется новый мир, который, казалось бы, только что умер... Именно из этого естественного, арктического миросозерцания природы возникает первоматрица всех языков, всех символов и всех религий.

С точки зрения Германа Вирта, именно Великий Юл был главным праздником сакральной цивилизации, главным праздником Гипербореи. Я хочу обратить внимание на то, что христианская традиция в своем символическом комплексе воскрешает изначальный гиперборейский гнозис. Причем делает это гораздо более полно, чем те формы индоевропейской традиции, которые существовали до христианства и параллельно ему. В частности, даже празднование Нового года в день весеннего равноденствия, характерное для индоевропейских традиций, более древних, чем христианство, отнюдь не является примордиальным. Рождество же отсылает нас прямиком к гиперборейскому Великому Юлу (юлианский календарь в свое время совпадал с естественным).

Другой великий христианский праздник — Воскресение Христово или Пасха — совпадает с весенним равноденствием. Однако с примордиальной точки зрения главный праздник — Юл (Рождество).

В древнейших формах Традиции, начиная с наскальных рисунков, для обозначения Нового года использовался крест. Идея угасания и воскрешения света, смерти и воскресения Диониса, распятие Христа и его воскресение теснейшим образом по своему сакрально-языковому, культовому содержанию совпадают с представлением о Великом Юле. Таким образом, Великим Юлом является и Рождество, и Пасха. С метафизической точки зрения оба этих события являются символически близкими.

Парадигмы волшебных сказок

Однако воспоминание о гиперборейском гнозисе и о Великом Юле можно обнаружить не только в исторических религиях, культовых и литургических комплексах. Все русские сказки своими сюжетами, символическими соответствиями, перипетиями, именами героев, антуражем теснейшим образом связаны с Юлом. Все сказки повествуют о Великом Юле, о событиях, которые ему предшествуют или за ним следуют. Можно сказать, что сказки — это солярные мифы. Но не в грубо природном понимании. Это солярные мифы, изложенные в Арктиде, мифы, данные изначальному гиперборейскому человечеству, для которого разделение на священное и несвященное просто отсутствовало. Все было и богооткровенно и, естественно, единовременно. Не было изолированных друг от друга божества, человека, природы. И природа, и представление о трансцендентной причине мира — все рассматривалось как единый комплекс, как холистское мировоззрение.

Традиция не знает разделения на посюстороннее и потустороннее. И то и другое конкретно, ощутимо и вместе с тем наделено трансцендентным значением. Например, сказка о «курочке Рябе». В центре повествования Яйцо Мира. Темная сила (мышь) разбивает золотое яйцо, его заменяет яйцо простое. Это история про циклы человечества. Золотое яйцо — изначальный эон, Золотой Век. Он прочен, его не разобьешь даже при самых больших усилиях. Он

целостен. Но он приходит к концу. Мышка — как плод Древа Познания (не исключена протоэтимологическая связь между словом «мышь» и словом «мысль») — приводит к концу Золотого Века. Интересно, что в сказке содержится логическая нелепость — дед бил-бил, но не разбил, и баба била-била не разбила, видимо, цель была все-таки разбить (иначе зачем били-то?). Но как только яичко разбилось, и дед, и баба стали плакать. Следовательно, их целью было не просто расколоть яйцо Золотого Века, а продемонстрировать себе и друг другу его прочность. Поэтому они так расстроились по поводу случившейся катастрофы. И правильно сделали... Ясно, что простое яйцо никак не заменит яйца золотого. Это простое яйцо — Кали-Юга индусов. Конец сказки не очень утешает. Что-то ушло безвозвратно. Это что-то — Золотой Век — полярный год, Арктида, нордический рай.

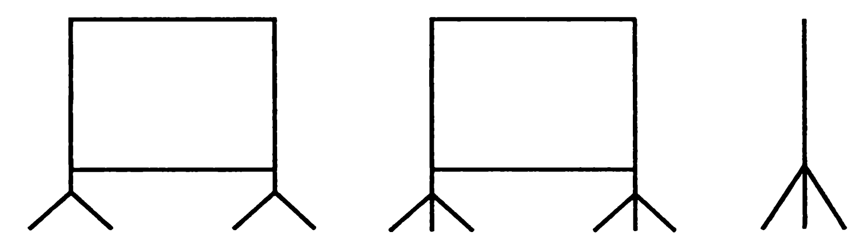
Или, например, Царевна-лягушка. Женщина превращается в лягушку, потом наоборот: лягушка — в женщину. Драматизм сказки — это драматизм года, где главное действующее лицо (Иван-Царевич) — рождающееся солнце. Ему предстоит пройти через множество препятствий, прежде чем это новое солнце станет полным. Самым важным подвигом героя является спуск в некоторое таинственное подземелье, битва с драконом (змеем), встреча с Бабой-ягой. Главная задача героя — достичь Великого Юла. Именно на пути к Юлу и встречаются основные преграды. Пройдя их, он выходит обновленным, возрожденным, обогащенным новым сокровищем. Он становится посвященным, на нем лежит печать Нового года, в его руках точка разрыва. Реализация точки Великого Юла в индивидуальной героической судьбе делает его иным. Такой путь самореализации весьма не прост, поскольку сам осенне-зимний сектор получает самостоятельное существование и различные элементы древнейшего арктического символизма приобретают в сказке собственное, сложное, пугающее бытие.

В частности, избушка на курьих ножках, в которую рано или поздно попадает герой. Почему она на курьих ножках? Я сколько ни читал «невиртовских» объяснений, все они мне казались неубедительными. Однако почему она крутится? Потому что речь идет о годе, а год вращается. Отсюда миф о вращающихся

дворцах, годовое путешествие китайского императора по различным отделениям своего годового дворца (Мин Тань) и т.д. Но откуда курьи ножки? Откуда этот брутальный сомнамбулический символизм? Я был поражен, когда у Вирта нашел древний шумерский иероглиф, который называется «баба». Он представляет собой квадрат с двумя трехпалыми лапками. «Баба» — это «земля» по-шумерски.

Следовательно, путешествие в эту избушку является спуском солнца в точку зимнего солнцестояния, под землю, в ад. Давайте рассмотрим «куриные ножки» отдельно от избушки.

Самый древний, чисто примордиальный иероглиф — корни Мирового Древа, руна смерти *юр*.

Скорее всего, избушка была на одной курьей ножке, другая добавилась позднее «для устойчивости». Таким образом, представление о куриной ноге логически вытекает из древнейшего символического комплекса, который человечество, давно забывшее об Арктиде, о Гиперборее, о потерянном нордическом рае, бережно передает из поколения в поколение (ничего в этом не понимает, но на всякий случай передает). Даже в современных мультфильмах мы порой встречаемся с древнейшим знанием, оперативно-метафизическое значение которого трудно переоценить.

Цикл сказки, представляющий собой цикл поиска Великого Юла, одновременно соответствует и географическим представлениям, поскольку комплекс календаря сочетает в себе и сакральное время, и сакральное пространство. Таковое пространство всегда имеет свой внутренний Юг, Восток, Север и Запад. Следует напомнить, что на точку зимнего солнцестояния ориентированы алтари наиболее древних святилищ. При переходе от зимнего солнцестояния к весеннему равноденствию (как центральной

точке сакрального года) содержание в целом сохраняется, просто алтарная часть переносится на Восток. Понятно, что «восточная ориентация» алтарей в православных храмах — дань индоевропейской традиции. Праздник Новолетия — дань иудейской традиции, предшествовавшей христианству. А Рождество — дань наиболее древнему, протоиндоевропейскому гнозису.

Покойники в древнейших захоронениях, кстати, тоже были ориентированы строго определенным образом. Археологи активно пользуются этим для датировки своих раскопок. Даже неандертальцы хоронили не «как попало». Покойники участвовали в их жизни неотъемлемой частью целостного мира. Мы представляем жизнь как «несмерть», а древние представляли себе полноценную жизнь как собственно жизнь и смерть вместе. Все схватывалось одновременно. Представления об одном и о другом обязательно в какой-то точке превращались в нечто цельное. Можно себе только представить, как в этом сакральном мире все было сложно и интересно.

Элементы такого подхода сохранились в традиционных учениях. Например, дзенские мастера или христианские монахи практикуют некое специфическое умирание еще при жизни. Парадоксы для рассудка ведут к пробуждению новой логики души...

Календарь и сакральная география Руси

Итак, календарь и празднование Великого Юла связаны с ориентацией пространства[67]. Неслучайно на юге Руси находится Черное море. Это море тьмы. Как у всякой сакральной цивилизации, внизу нашего пространственного круга находятся море, вода, миры растворения, смерти. Море названо «черным», потому что у гиперборейцев зимой солнце не поднимается над горизонтом (полярная ночь). Неслучайно такие древние реки, как Днепр, Двина и Дон, хранят этимологию индоевропейского происхождения.

Наша земля тысячелетия назад приняла потомков Арктиды — основателей индуистской и иранской цивилизаций. Мы (особенно в качестве православных) сами являемся наследни-

ками Арктиды, ее древнейшей традиции. Символизм наших городов, названий наших деревень, рек, областей — все это элементы великого знания, завещанного нам нашими предками. Расшифровывать их — наш долг.

Символы и мифы Юла

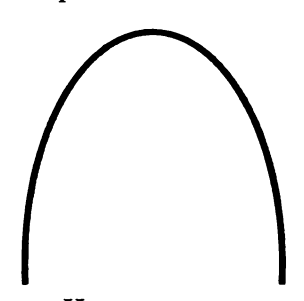
Я упомянул несколько наиболее древних символов Юла. Все перечислить невозможно, поскольку любой сакральный символ так или иначе связан с Великим Юлом. Так же, как все существующие праздники есть лишь намеки на этот абсолютный праздник. В момент Юла рождается все. Причем все рождается одновременно. Не постепенно, поступательно раскручивается, а все и сразу. Поэтому нельзя сказать, что есть какой-то символ, не являющийся символом зимнего солнцестояния. Таким образом, расшифровке, интерпретации может быть подвергнуто абсолютно все. Все сюжеты, вплоть до самых бытовых. Даже обычное пятно является символом Великого Юла, воспоминанием о Гиперборее. Например, символизм человеческой головы — это символизм Юла. Симметрия и асимметрия каждого искусственного предмета отсылает нас к зимнему солнцестоянию. Если углубиться в нордическую герменевтику, то из всех предметов мира фонтаном забьет вселенная новых смыслов, все приобретет новое колоссальное значение...

Я лет 15 назад, в один из напряженных моментов изучения Германа Вирта, раздумывая над огромным количеством мифологических сюжетов, которыми он пользовался, прогуливался летом за городом, и вдруг поймал себя на мысли, что нечто извне напоминает мне о летнем солнцестоянии. Это был соловей. Он издавал трель, где доминирует звук «i», — звук, символизирующий летнее солнцестояние. Таких примеров можно привести множество...

Две горы — две пещеры

И все-таки некоторые символы являются символами Великого Юла по преимуществу. Один из них — знак, похожий на

подкову. Обычай вешать подкову в жилище «на счастье» восходит к этому древнему символизму. Подкова — это проторуна «ur», классическое изображение Нового года.

Генон писал в книге «Царь мира» о том, что символизм горы и пещеры теснейшим образом связаны между собой. Он описывал это как своего рода «инь-ян». С виртовской же точки зрения, пещера и гора — это вообще одно и то же. Это развитие руны «ur». И гора — «ur», и пещера — «ur». Обратите внимание на холистскую природу языка Традиции — вы пытаетесь найти в ней дуализм, противостояние выпуклости и вогнутости, а получаете универсальный сверхсимвол, означающий и то, и другое одновременно (кстати, одним из центральных символов зимнего солнцестояния является черно-белая кора березы).

Итак, руна «ur» является руной гор и пещер. Неслучайно Христос родился именно в пещере. На традиционной византийской иконе Рождества эта пещера изображается внутри горы. Руна «ur» может быть рассмотрена как «всесимвол», поскольку едва ли существуют символы, не связанные с горой или пещерой.

Общение древних гиперборейцев было очень специфическим, они произносили один звук, например «ur», а имели в виду вообще все. И хорошее, и плохое, и то, как они борются, и то, как свет рождается, достигает апогея и падает, а потом снова рождается. В каждый момент этого сложнейшего цикла один его элемент знает о другом, полярном. Знает его неизбежность и все-таки движется по своей собственной траектории. Впадает в отождествление с самим собой для того, чтобы в следующий момент снова разотождествиться и вновь превратиться в свою собственную противоположность... Все это наши предки высказывали звуком «ur».

Борода, Дед Мороз, Снегурочка

Разберем теперь другой, более поздний символ: бородатый человек, или Дед Мороз. Борода (тем более седая) — это древность, соответствующая истоку, а исток соответствует зимнему солнцестоянию. Интересно само слово *мороз*. По мнению Германа Вирта, вторичный гиперборейский центр, находившийся в Северной Атлантике, назывался *Мо-Уру*. Этимологически в подобном же ключе может быть рассмотрено множество слов: названия народов (*маори*, *аморреи*), река *Амур*, город *Муром*. Даже производное сочетание, исходя из последнего, *Илья Муромец*, Вирт толковал как календарно-сакральный комплекс: *Ил* из *Мо-Уру* (*Ил* — это древнейшее гиперборейское название света). Слово *мороз* имеет тот же самый корень. Кстати, слово *море*, вероятно, тоже имеет отношение к этому комплексу...

Культовый центр Мо-Уру был древнейшим святилищем зимнего солнцестояния, воспоминание о котором сохранили многие народы в своих легендах и мифах. Первые русские святые (очень важно, что именно первые — все первое неслучайно), Борис и Глеб, братья-страстотерпцы, традиционно изображаются как зрелый мужчина с бородой и безбородый юноша. То же самое можно сказать и о бессребрениках и целителях Косьме и Дамиане. Все близнечные мифы имеют прямое отношение к зимнему солнцестоянию — точке, где заканчивается старое и начинается новое.

В случае с Дедом Морозом роль нового играет Снегурочка. Это тоже сакральная модель дуальности — молодое-старое. Верность этим моделям не следствие народной тупости. Каждая подлинная традиция воссоздает изначальные парадигмы. Христианство — традиция, несомненно, подлинная. Значит, существует возможность перевода христианских догматов, символов, обрядов и доктрин на гиперборейский язык...

Ель

Существует еще один новогодний символ — ель. Ясно, что речь идет о Мировом Древе, чьи корни находятся внизу, а ветви

и крона вверху. Корни находятся в точке зимнего солнцестояния, именно туда кладут новогодние подарки. Корни важнее кроны... Есть другая европейская традиция — класть подарки в ботинок или чулок (одним из древних знаков зимнего солнцестояния была человеческая нога — символ переступания, перехода). Но вернемся к ели. Почему именно она? Будучи вечнозеленой, ель воплощает в себе весь год одновременно. Древний корень «эль» означает — «дерево света и вечной жизни». Любопытно, что библейскую Неопалимую Купину Вирт трактует именно как год. Неопалимая Купина — это зимнесолнцестоянческая ель. Дерево, которое «горит» и не «сгорает» и из которого говорит Бог. «Бог» и «год» даже этимологически сходны, а для гиперборейцев это были синонимические понятия.

В результате виртовской интерпретации библейской символики возникала удивительно насыщенная смыслами картина. Привычные религиозные трактовки при этом оставались в силе. Никто не утверждает, что хитроумные левиты специально взяли обычный природный естественный символизм и превратили его в путаную теологию. На самом деле все символы имеют как естественное, так и онтологическое и метафизическое толкования.

Великая мать, похороны кукушки

Зимнесолнцестоянческий смысл имеют и некоторые сохранившиеся до сих пор женские ритуáлы. Например, похороны кукушки: женщины, перед тем как выйти замуж, собираются в особых местах, хоронят кукушек, бросают венки в воду, плачут, причитают, некоторые даже топятся. Изначально же при этом ритуале топили фигуру зимы. Это означало: растопить зимний холод, превратить мертвую воду в живую. Культы утопленниц, русалок восходят именно к этому аспекту зимнесолнцестоянческой символики. Можно вспомнить шекспировского «Гамлета». Здесь Офелия выступает как элемент древнего культа утопленниц, как новогодняя жрица, Великая Мать. Великая Мать может выступать и как белая женщина и как черная. Символизм библейской «черной жены» тоже неслучаен. Он параллелен символизму «белой дамы». Можно вспомнить странные слова

из «Песни песней» Соломона, где возлюбленная говорит: «Черна я, но прекрасна». Эта загадка, так привлекавшая средневековых алхимиков, тоже теснейшим образом связана с символизмом Нового года. Символизм «черной женщины» не является однозначно отрицательным. Это критический новогодний символ точки разрыва, через которую нельзя не пройти и через которую нельзя пройти одновременно.

У Бодлера в стихотворении «Лебедь» есть такой пассаж:

Я думаю о негритянке,
исхудавшей и чахоточной, топчущейся в грязи,
ищущей обезумевшим взглядом
отсутствующие пальмы высокомерной Аффрики
за бесконечной стеной тумана.

Этот образ всегда интриговал комментаторов его творчества. Думали, что у Бодлера была любовница-мулатка, но, видимо, здесь имеется в виду нечто совсем другое.

Другое стихотворение Бодлера — La Geante — имеет похожий смысл.

Спуск в ад

Классическим сюжетом в мифологии является спуск в ад. В современной литературе это может выглядеть, как посещение неких зловещих злачных мест, скажем таверн, которые содержат подозрительные китайцы, где собираются матросы, чтобы отправиться в плавание, из которого никто не вернется (как у Жана Рэ в рассказе «Тот конец улицы»). Темные регионы бытия, ад обладает таинственной притягательностью (вспомним Данте).

В холистском ансамбле, в ансамбле языка Традиции не существует положительного и отрицательного, нет сухого и влажного пути, пути правой и левой руки. Вообще ничего подобного нет. Есть путь. Он всегда приводит к зимнему солнцестоянию. Другое дело: в каком качестве. Либо существо — фон, декорация путешествия, либо оно само — герой. Либо оно — солнце,

либо — слякоть, в которую это солнце падает. Это необходимо: упасть в слякоть. Но вот самому быть слякотью совершенно не обязательно. Хотя и слякоть, и пепел тоже могут иметь в Традиции определенный смысл. Алхимики говорят: «Не презирайте пепел — это диадема короля». Говорить, что кто-то спускается в ад, а кто-то поднимается в рай, на самом деле не совсем корректно, это натяжка, это взгляд извне той реальности, которая, действительно, есть. И этот спуск, и этот подъем очень сложны и дифференцированны. В ад нельзя не спуститься. Другое дело: как потом подняться...

Итак, мы обнаружили еще один новогодний символ: спуск—подъем.

Камень и сакральная битва

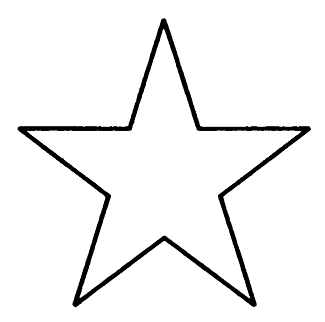
Другим новогодним символом является камень. Камень — это тяжелый предмет, он тяготеет к земле, тяготеет к точке зимнего солнцестояния. Однако именно камень отвергли строители, и истинное значение этого сакрального камня, Грааля, Лиа Фаиля, культового камня Племен Богини Дану — древних завоевателей Ирландии, Вефильского камня — откроется позже. Ведь Патриарх Иаков, когда он заснул на Вефильском камне, увидел лестницу. Это типичный зимнесолнцестоянческий сюжет — под голову положен камень зимнего солнцестояния, сакральный камень, и поэтому Иаков видит лестницу, которая ведет через весь год, от корней Мирового Дева к кроне, от низа круга вверх.

Там же, кстати, находится и другой солнцестоянческий сюжет — борьба. Существует масса суждений относительно имени *Израиль*, что означает буквально «борющийся с Богом». Иаков получил имя *Израиль*, когда в день абсолютного, сакрального Нового года боролся с неким мужем, и муж ему поранил бедро. Символ хромоты тоже типичный символ Нового года, поэтому, кстати, дьявол хромает. Другой символ перехода — одна нога (одна — уже в новом году, другая в старом). Отсюда символизм одноногих в древнем эпосе Ирландии «Похищение быка из Куальнге». Там в критический момент, когда

все средства исчерпаны, призывают одноногих, которые приходят из болота, из тьмы и помогают тем, кто их вызвал, применяя свое магическое знание.

Северное яблоко

Другой важнейший символ великого Юла — яблоко. Неслучаен символизм райского яблока, ведь рай находился на Северном полюсе. Традиция располагать рай на Востоке отсылает нас к весеннему равноденствию — отражению зимнего солнцестояния. Само распространение яблок связано именно с ареалом обитания древних индоевропейцев. Интересно, что, если яблоко разрезать не дольками, а поперек, мы увидим пятиконечную звезду. Почему не шестиконечную? Потому что зимой солнце в Гиперборее не восходит. Отсутствие шестой линии в пятиконечной звезде и есть указание на великое солнцестояние, поэтому звезда является одним из великих изначальных символов.

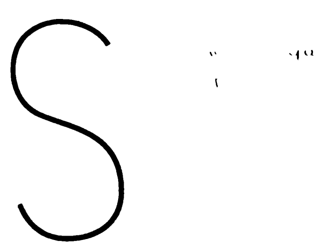

Одновременно Вирт указывал на сакральное значение фонемы слова «яблоко». *Яблоко*, *apple*, *Appfael* и т.д. Все названия яблока развились из одного индоевропейского корня, близкого к слову *полюс*.

Лебедь и свинья

Аполлон, солнечный бог, на полгода улетает в Гиперборею, а потом возвращается. Улетает он на лебедях. Почему именно на них? Потому что форма лебединой шеи напоминает древнейший иероглиф, обозначающий связь зимнего солнцестояния с летним.

Любопытно, что по-немецки «лебедь» (*Schwan*) и «свинья» (*Schwein*) звучат похоже. Нет более далеких друг от друга фигур, чем лебедь и свинья. Для обыкновенных людей, но не для людей Традиции. В Традиции и Лебединое Озеро, и, например, залив Свиней на Кубе — почти одно и то же. Свинья — тоже классический зимнесолнцестоянческий символ, и поэтому христиане на Рождество жарят поросенка, а семиты никогда не прикасаются к свинине. Можно двумя способами обозначить особое значение чего-либо: или табуировать это нечто, или употреблять его только в определенный момент определенным способом. Неслучайно русские и немцы так любят свинину.

Гиперборея

Теперь о самом слове *Гиперборея*. По-гречески оно означает «то, что лежит дальше Севера». Корень «бор», «борей» присутствует в очень древних языках и связан с тем, что относится к зимнему солнцестоянию. Отсюда русское — *боров*, *бор*. Символизм того леса, в котором заблудился Данте и который связан с адом, тоже зимнесолнцестоянческий. Таков же и символизм священных рощ. На санскрите «свинья» — *varahi*. Древнейший континент — Арктида — некогда назывался «землей Белого Кабана» или *Варахи*. Скорее всего, к этому же корню восходит самоназвание евреев — *хаберу*. Специфика их знаний, сама их выделенность среди других народов становятся совершенно понятными, если предположить, что они — в истоке своем гиперборейцы, пришедшие с далекого Севера, несущие элементы древнейшей Традиции. Изначально «хаберу» основывали свои претензии на обладание подлинной традицией именно на том, что они не столько народ, сколько особая каста носите-

лей гиперборейского гнозиса. Поэтому христиане, которые стали «новыми евреями», Новым Израилем, имеют право спроецировать эту же логику на себя и сказать, что теперь мы, христиане, — самые настоящие «гиперборейские евреи».

Лес и царь

Давайте вернемся к символизму леса. В книге «Золотая ветвь»[68] (исследовании по истории религий довольно профанического автора Фрэзера) есть сюжет о Немейском короле. Там описан один странный культ: в лесу находится святилище, где ничего особенного нет. Там с мечом в руках с утра до ночи бродит король Немейского леса. Он почти не спит, питается тем, что приносят почитатели его культа. Он охраняет священный лес. Все это длится до тех пор, пока другой претендент не подкрадывается к нему в момент редкого сна и не наносит смертельный удар. Тогда убийца становится королем Немейского леса, и охранять это святилище и лес становится обязанностью нового короля. В книге отмечается характерный момент для сакральной царской власти: бодрствование такого рода протекает в определенном месте, которое может быть всеми покинуто, заброшено, малопривлекательно, но тем не менее верность этому месту — единственный признак подлинного царя. Далее в этой книге рассматриваются аналогичные формы царской власти в различных национальных традициях. Например, в Древней Корее вождя хорошо содержат подданные, позволяют ему все, что ему заблагорассудится, чествуют как божество, но, если он не вызывает дождь, его немедленно убивают и выбирают нового[69].

То есть подлинные цари — хранители сакрального культа — не благоденствуют, а страдают. Хранители гиперборейского знания часто падают жертвой своей сложной профессии, но тем не менее всегда находится новый претендент на эту, казалось бы, незавидную роль. Вспомните фильм Фрэнсиса Копполы «Апокалипсис сегодня». Там главный герой (сумасшедший полковник Курц) — типичный царь Немейского леса. Он охраняет со своими людьми неизвестно что, выпав из логики рациональной войны. Когда камера «наезжает» на его письменный стол,

мы обнаруживаем там книгу «Золотая ветвь»[70] — прямое указание автора фильма на символизм Немейского царя...

Символизм царской сакральности — это символизм Нового года. Именно в этой точке происходит помазание подлинного царя, того, кого называют «вращающим колесо» (*чакравартин*), того, кто помогает году крутиться.

Масонский Янус и «три брата»

Существует и масонский символизм зимнего солнцестояния. Есть крупнейший масонский праздник — «Зимний Иоанн». Этот праздник имеет прямое отношение к двуликому Янусу. Почему Янус двуликий, я думаю, вы уже догадались. Отсюда же название месяца: январь.

Масонский символизм трех степеней посвящения тоже может быть рассмотрен в календарном аспекте. Кстати, о трехчастном делении года. Помните, в русских сказках часто говорится: первый сын — хороший и разумный, посленовогодний, второй — поплоше, подальше от Нового года, а третий — совсем дурак. Но именно третий, дурак, и есть главный персонаж.

Похожая история встречается и в древнеиндийской сказке о третьем колодце. Там два старших брата отправили младшего, третьего, в колодец, и этот младший, попав в очень неприятную ситуацию, обставляет всех: доходит до зимнего солнцестояния, находит истинное сокровище и празднует Новый год. Тот же символизм обнаруживается и в библейском сюжете об Иосифе. Если предположить, что 12 братьев — это 12 месяцев, мы получим годовую интерпретационную модель и этого сюжета.

Битва со змеем

Битва со змеем — тоже зимнесолнцестоянческий сюжет. Отсюда устойчивое сочетание змея с сокровищем. Где змей, там и сокровище. Главным сокровищем, конечно же, является сакральная точка — гиперборейский Новый год. Охраняет ее змей — осенне-зимние испытания.

Символизм города тоже имеет прямое отношение к Новому году и вообще к календарю. Можно сказать, что Небесный Иерусалим, вообще все мистические города, есть не что иное, как воплощенная в камне, дереве символика года. Поэтому у Небесного Иерусалима 12 дверей, 4 стены. Наиболее древним изначальным городом в зороастрийской традиции считается город Вара, находящийся на Севере. Город, который гиперборейцы потеряли. Обратите внимание: Вара, Варахи — земля Белого Кабана. На самом деле этот город — год. Его двери, улицы, стены, центр — структура года, где вход и выход — ворота зимнего солнцестояния.

Звезда

Таким же важнейшим знаком является звезда, которая образуется, если со скрещивающихся отрезков календаря снять окружность. Вспомним Вифлеемскую звезду. Волхвы, воспользовавшиеся ею как ориентиром, наверное, глубоко размышляли над гиперборейским символизмом, находясь у себя на родине, в Иране (Иран — страна ариев). Как говорят индуистские мудрецы, «не тот много знает, кто много путешествует, а тот, кто правильно думает». Поэтому настоящий брахман сидит на одном месте, созерцает какой-нибудь очень простой предмет и думает. И вот если так, хорошенько, по-гиперборейски, подумать, можно вообще никуда и не ездить. Паломничество произойдет в сфере герменевтики, во Вселенной годовых смыслов.

12 рыцарей Круглого стола

Символизм Круглого стола короля Артура теперь, наверное, понятен всем. Понятны и 12 рыцарей. Единственная загадка, кажущаяся неразрешимой, — 13-е, свободное место. Оно является одной из основных загадок в цикле о поисках Святого Грааля. Вообще 13 — очень непростое число. Одно стихотворение Жерара де Нерваля, например, начинается так: «Тринадцатое возвращается, но оно вместе с тем и первое». Стихотворение это до сих пор не расшифровали. Но мы с помощью Германа

Вирта можем сделать это в два счета. Так вот, 13-е место — это самая важная точка Круглого стола. Туда, в момент конца истории, Второго Пришествия, абсолютного Нового года, должен быть водружен Святой Грааль. И находится она не на периферии, а в центре.

Метафизика Юла

Но что это за центр года, что это за центр воображаемого абсолютного города, что это за пустой центр колеса бытия?

Мы видим мир как периферию, мы есть цикл, и пока все идет нормально, пока не наступает Великий Юл, мы ничего кроме периферии и модели циклического существования на ней не видим. Мы не можем помыслить то измерение, которое находится на вертикальной оси. Оно невоображаемо и непредставимо. Поскольку существует странное нарушение естественной логики, разрыв цикла, рождение нового после полной смерти старого, вторжение непредсказуемого элемента в Новый год, мы можем условно предположить, что, помимо логики пульсации внешнего, существует дополнительное годовое измерение, данное нам через отрицание и скрывающееся в чуде Нового года. Это и есть тайный путь к световому сокровищу, который располагается не на годовом цикле, даже не в точке Нового года. Новый год интересен не как один из элементов цикла, а как точка, где цикл перестает быть самим собой, где нарушается связь того, что естественным образом пульсирует и существует. Это не только точка обновления после смерти, это жесткий, радикальный, невозможный разрыв со всей периферией, уход в ту сферу, куда войти нельзя. Это вход в иной город, где иная логика, где все вывернуто наизнанку по отношению даже к сакральному миру. Специфика Юла в том, что обычное, пусть даже сакральное, сталкивается здесь с совершенно необычным, с тем, что скрыто и является загадкой для самого сакрального. Здесь есть возможность пойти совершенно в другую сторону...

Как это происходит обычно? Герой, пройдя все испытания, добывает солнце. Потом это солнце у него кто-то отберет, опять придут нехорошие персонажи, продадут страну демонам — и

все закончится у разбитого корыта. А потом новый герой, свернув шеи подлецам, установит новый мир, новую сакральную традицию. Так вот, помимо этого очень героического и глубокого пути есть еще один путь. Путь движения в момент Юла в иную, несуществующую сторону, в те головокружительные плоскости онтологии, которые людьми не предусмотрены, но чьим отражением — обратным, вывернутым наизнанку, завуалированным — и является вся история с циклическим вспыхиванием и угасанием проявленного бытия.

В точке Нового года сакральное соприкасается с чем-то еще более серьезным, более тревожным, героическим и невозможным, нежели и так довольно глубокая, освященная водоворотом многообразных смыслов стихия священного года. И в сакральных традициях существует миф о том, что нечто все же потеряно, например, слово, пароль, знак, нюанс. Чего-то по большому счету во всем этом сакральном, полном, изобильном холистском ансамбле все-таки не хватает... Не хватает того отсутствующего, пустого места, которое находится в центре. И вход в это тайное сверхсакральное святилище находится в точке Нового года.

В этот момент, в момент концентрации и фиксации празднования Нового года, мы не позволим поддаться колоссальной стихии праздника Нового века, а сосредоточимся именно на этой точке и не будем ни спешить, ни бороться с врагом, ни стремиться вперед и вверх, то есть вновь начинать подвиг. Про тех, кто этот момент проспит, я вообще не говорю...

Если применить эту логику к метафизике христианской традиции, то мы увидим следующий очень важный момент. С точки зрения христианства после Второго Пришествия Христа времени не будет. Традиционалисты говорят: как же так, почему христиане отрицают следующий Золотой Век?

То, что мы пребываем в конце мира, это понятно. Очевидно, что вот-вот все это дело рухнет. Но традиционалисты говорят: это закончится — начнется другое, не беда.

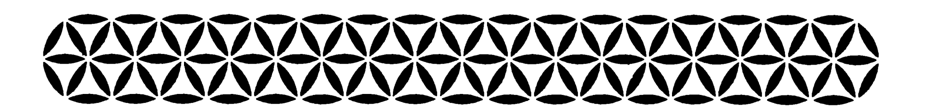
Понятно, что в Кали-Югу все деградировали, но потом обязательно будет новая Сатья-Юга. И снесет курочка снова золотое яичко.

А вот христиане говорят: ничего подобного. Все застынет. Когда дойдет до полного предела и откроется абсолютно все, все застынет. Не будет больше ни Золотого Века, ни Серебряного, ни вообще времени. А будет только праздник Великого Юла, не имеющий ни начала, ни конца...

Новогоднее знание

Я думаю, что истинным знанием является знание именно об этом скрытом центре, который находится не в сфере периферии года (а периферия — это все бытие, представимое и непредставимое), но есть отсутствующее место, потерянное слово, утраченный камень, который, может быть, постулируется здесь, в зимнем солнцестоянии, лишь условно, лишь как намек на какой-то другой, еще более серьезный камень. Вспомните, кого называют камнем, которым пренебрегли строители перед началом строительства Храма бытия. Этот камень оказался краеугольным. Генон подчеркивает, что это не камень, лежащий в фундаменте, это камень, который венчает свод, замковый камень. И когда все будет достроено, последний камень, на котором держится свод, высший камень, будет положен в Конце Времен. И это навсегда. Безвозвратно. И не будет больше никакого возрождения, не будет больше героических подвигов, а будет один только Великий Юл. Поэтому не стоит пренебрегать высшей в мире христианской Традицией.

Необходимо лишь интерпретировать ее язык в гиперборейском, северном, нордическом ключе. Ей стоит верить. И не только верить, но и идти за ней дальше, постигать те глубины сакрального, супероновогоднего знания, которое откроется, когда завершится наконец деятельность нашего Нового Университета и наступит Конец Света.

Глава 6

ХРИСТИАНСКИЙ ГОД

МЕТАФИЗИКА ГОДА

Традиция рассматривает всякое существование как цикл. В соответствии с трехчленным делением проявленного (или творения) можно построить иерархию соотношения трех принципиальных циклов.

В земном материальном мире, взятом отдельно, время движется *поступательно, однонаправленно и необратимо*. Материальная реальность, оторванная от остальных уровней космоса, представляет собой чистую энтропию, гравитацию, вектор тяготения в онтологический низ, к несуществованию. В принципе единственное содержание такой реальности — гравитация, инерция, влечение к изнашиванию, нулю. Если представить себе абсурдный мир, в котором существовал бы только один материальный план, в нем, действительно, цикла не существовало бы. Но это невозможно в принципе, поскольку подобная реальность была бы чисто количественной и полностью лишенной качества, то есть всякого онтологического содержания, а следовательно, она не могла бы существовать. Если говорить в терминах индуистской традиции, такой материальный мир был бы чистым «тамасом», то есть «количественной тьмой»[71].

Но реальность имеет тройственную структуру, как утверждает всякая сакральная традиция, и поэтому даже земной мир с необходимостью обладает дополнительными нематериальными измерениями, которые в значительной степени влияют на саму материю и ее законы.

Тонкий план, или «мир души», «средний мир», имеет такую длительность, которая представляет собой *чистое вращение*. Поскольку в этом тонком мире отсутствует пространство, которое наряду со временем является априорным условием существования материальной реальности, то это круговое вращение (цикл) не сталкивается с «помехами», происходящими из «среды вращения»; по аналогии с земной реальностью можно сказать, что в тонком мире полностью отсутствуют «трение», «инерция», реакция среды.

Духовный мир, со своей стороны, вообще не имеет длительности — ни круговой, ни поступательной, — и все вещи пребывают там в *одновременном постоянстве*. Единственное, что отличает этот мир от собственно нетварной божественной природы, это то, что он имеет начало и конец, тогда как божественная природа безначальна и бесконечна.

Небо, обитель ангелов, соотносится с миром души, как точка с кругом. Точка есть центр и содержание круга, его источник и его сущность. Так, можно сказать, что вращение в тонком мире осуществляется вокруг *вечного* небесного центра, принадлежащего Царству Небесному. Душа людей, существ и вещей представляет собой беспрестанное вращение вокруг вечной оси. К этому можно отнести слова Христа: «Царство Божие внутрь вас есть». Чем выше качество души, тем меньше символический радиус, отделяющий траекторию вращения от центра.

В свою очередь, чистое вращение души, сочетаясь с материальным планом или потенциальной поступательностью времени, присущей этому плану, дает такую форму цикла, где некоторые моменты повторяются, а некоторые нет. Это и есть основная характеристика земного цикла, проявляющегося в разных аспектах в каждом существе и каждой вещи. Все повторяется, но при этом все изменяется. Все возвращается, но в новой форме. Динамика же земного развития (истории) архетипически предопределяется вечностью духовного неба, которое составляет смысл истории, ее содержание, и оживляется круговращением душевного плана.

Наилучшим и выразительнейшим раскрытием такой структуры реальности является *земной год*, в котором естественным

образом запечатлено откровение о метафизической структуре реальности. Повторение сезонов и соответствующих им природных явлений указывает на постоянство неподвижной вечной структуры, развертыванием которой является годовое движение. Смена сезонов, динамика года обнаруживает присутствие душевной тонкой силы, вращающей колесо года. И наконец, событийное своеобразие каждого годового цикла свидетельствует о спиралевидной поступательности, позволяющей выстроить хронологию.

Показательно при этом, что такая поступательная хронология, соответствующая наиболее материальной стороне цикла и связанная с низшими, гравитационными, энтропическими уровнями реальности, появляется в истории только на поздних этапах, прилежащих к концу цикла, к эсхатологической эпохе. Более древние сакральные цивилизации вообще не знали хронологии, поскольку для них гораздо больший интерес представляли либо вечность и постоянство, запечатленные в годе (это относится к Золотому веку, к райскому состоянию человечества и полярному символизму), либо жизненная динамика круговращения (это относится к последующим эпохам и связано с солнечным символизмом, поскольку солнце воплощает в себе именно круговое циклическое движение) [72].

Именно в силу такого, наглядно иллюстрирующего всю структуру реальности, природного символизма год и его иероглифы, календарные круги были свято почитаемы во всех сакральных цивилизациях. Более того, именно годовой цикл является тайной основой древнейших традиций, мифов, священных текстов, эзотерических и инициатических доктрин. Причем речь, естественно, идет не об обожествлении природы и не о «религии сельскохозяйственных циклов», но о сугубо метафизическом понимании тройственной структуры творения, выраженной непосредственно и наглядно в годовом символизме. Тот факт, что почти все мифологические сюжеты индоевропейских народов, да и ветхозаветного предания, имеют подоснову, напрямую связанную со структурой годового цикла, должен интерпретироваться именно в этом метафизическом смысле. Годовой символизм, сезоны и соответствующие им природные явления, динамика и логика годового движе-

ния солнца, вращение небесной сферы и циклическое смещение созвездий описывают все вместе конкретику сакральной парадигмы реальности, придают бытию направленность и ориентацию, отмечают ритм космического существования.

Очень важно отметить, что именно годовой, а не дневной цикл лежит в основе единой универсальной сакральной традиции, которую в христианской перспективе можно отождествить с изначальным откровением Слова, данным через природу, космос и мир, и постепенно утраченным в лице «падшего» человечества. Годовой цикл смены сезонов разворачивает перед человеческим взглядом всю полноту сакрального содержания бытийного круга, в котором участвует не только солнце, опускающееся и поднимающееся снова, не только луна, звезды и созвездия (как в суточном цикле), но и вся окружающая природа, отвечающая на спуск солнца к надиру в зимнем солнцестоянии морозом, сном и смертью, а на его летнее восхождение к зениту — теплом и жаром, расцветом жизни.

Между годом и сутками существует символическая аналогия, на которой и основана ежедневная ритуальная практика различных традиций. Но именно год является тем наиболее общим периодом, который можно отождествить с самим сакральным временем, и неслучайно человеческая жизнь исчисляется годами, а не днями и не месяцами (а также не пятилетиями и не десятилетиями и т.д.).

ВЕЛИКИЙ КРУГ

Год как выражение «вращения» души мира имеет строгую символическую структуру, наглядно представленную в образе круга, разделенного вертикальным крестом на четыре части. Каждая точка пересечения креста с кругом отмечает собой ключевой момент цикла — одно из солнцестояний или равноденствий.

Нижняя точка креста — зимнее солнцестояние, день самого низкого за год подъема солнца над горизонтом. Верхняя — летнее солнцестояние, где солнце поднимается выше всего. Справа на круге крест совпадает с точкой весеннего равноден-

ствия. Слева — с точкой осеннего равноденствия. Солнце движется в течение годового цикла против часовой стрелки.

Зимнее солнцестояние — это переходный момент от нисхождения солнца к восхождению. Летнее наоборот, от восхождения к нисхождению. Весеннее равноденствие отмечает начало верхнего полукруга, где день дольше ночи. Осеннее равноденствие — конец верхнего полукруга и начало превосходства ночи над днем.

В соответствии с этим простейшим принципом различные традиции и религии отмечали начало года или праздник Нового Года. Лишь изредка этот праздник приходился на какую-то промежуточную точку — например, на середину между осенним равноденствием и зимним солнцестоянием (как, например, Samhain кельтов или Wuwuchim североамериканских индейцев и т.д.), но и в этом случае культовый смысл праздника соотносился с четырьмя основными событиями года, соответствующими великому кресту.

Не только время подчинялось этой сакральной логике, но и пространство, поскольку ориентации пространства приобретали в такой календарной парадигме особый качественный смысл. Север соотносился с летом и летним солнцестоянием, Юг — с зимним солнцестоянием, Восток — с весной, а Запад — с зимой. Причем очень важно, что такое соответствие адекватно только в пределах годового цикла. Суточный цикл имеет несколько иную структуру: Север — полночь, Юг — полдень, Восток — утро, Запад — вечер. В обоих случаях Юг и Север меняют свои символические атрибуты, а Восток и Запад сохраняют их. Кстати, именно такое положение дел и неспособность исследователей адекватно отделить те аспекты символизма, что относятся к годовому кругу, от тех, что относятся к суточному, и привели к путанице в понимании основополагающей структуры изначального сакрального сюжета, отраженного в древнейших традициях, знаках, календарях и символах[73].

ПРАВОСЛАВНОЕ ВРЕМЯ

Христианская традиция в ее литургическом, ритуальном и культовом аспектах совершенно непонятна без представления о

сакральном времени и его структуре. И суточные службы, и годовой литургический цикл, и фиксированные и подвижные праздники — все это основано на законах цикла, на его логике и символизме. Церковные богослужения, как и часы, предназначенные для молитв, своим ритмом вовлекают верующего в то «круговращение», в котором осуществляется интенсивная жизнь души. Фактически литургический ритм сознательно и планомерно вводит человека в течение душевной жизни, отрывая его внимание от энтропической материальной реальности, тянущей его в гравитационный поток несуществования и инерции. Регулярно отправляясь в Церковь или совершая молитву келейно, человек осуществляет внутреннее действие, противоположное по качественной ориентации профаническому существованию.

В этот момент он возвращается к своему внутреннему измерению, обращается от плотного к тонкому, от поступательного к вращательному движению и, следовательно, приближается к вечному и неизменному. В ежедневном богослужении «вращательное», циклическое время проявляется в еще более структурированном виде.

Во-первых, регулярность служб, их неизменное течение день за днем открывают душевную жизнь Церкви, ее постоянство, ее непоколебимость, ее независимость от внешних материальных условий.

Во-вторых, сама служба полна культовых повторений — как литургических и молитвенных формул, так и определенных жестов иереев и прихожан, что также воспроизводит круговращение тонкого мира.

В-третьих, движения священников в течение службы неоднократно принимают «вращательный» характер — иереи обходят алтарь, двигаются с кадилом по храму и т.д. Особенно важно обхождение вокруг алтаря[74], то есть места присутствия Бога, поскольку в этом действии заключается самое полное и наглядное выражение сакральной сущности Жизни как обращения вокруг неподвижной нетварной точки, находящейся, как и сам алтарь, выше небес.

Важно также, что главные службы отправляются дважды в день — утром и вечером, отмечая тем самым сакральные точки

Востока и Запада, Восхождения и Заката, двух оконечностей горизонтальной перекладины Креста. И лишь во время великих праздников (Рождество, Пасха) служба длится всю ночь, отмечая особенно точку полночи, космический Север (в суточном символизме), где осуществляется великое таинство Воскресения (Рождения) Солнца Правды.

Так обстоит дело с суточным символизмом христианского дня. В рамках года структура православного цикла более сложна, так как помимо великих праздников, относящихся непосредственно к главным фигурам Православия (к Исусу Христу, Святому Духу, Деве Марии, Иоанну Предтече, к апостолам и ангелам), существует ветхозаветный ряд пророков и патриархов и дни христианских святых. Можно сказать, что главные праздники отражают основные точки священного православного года, резюмирующего вечность и, более того, включающего в себя сверхнебесную реальность, открывающуюся православным через жертвенное присноприсутствие Сына, нетварного Бога.

Зимнее солнцестояние, нижняя точка Великого Креста года, совпадает с Рождеством Христовым, с рождением Солнца Духовного. Это главный праздник православной зимы, открывающий во «вращательном» цикле спасительное сверхтварное измерение, благодаря которому христианин получает благодать прямого контакта с нетварным принципом[75], находящимся превыше вечности, с превечным и премирным Богом, «сошедшим с небес и воплотившимся от Духа Свята и Марии Девы вочеловечевшимся» в святую полночь, в великую полночь мира.

Весеннее равноденствие знаменуется православной Пасхой, Воскресением Христовым. Христос попирает смертию смерть, побеждает ночь и холод и возвещает своим Воскресением приход новой зари, вселенской весны. Солнце в этот период своим естественным ходом как бы подражает Спасителю, покидая зимнюю стужу и вызывая к новой жизни уснувшую с осени природу, вступая в полугодие «дня» после полугодия «ночи».

Летнее солнцестояние есть пик восхождения света. Воскресший Христос покидает землю людей и восходит в нетварный свет Троического Единства. Этому соответствует праздник Вознесения Господня.

Примыкает к Вознесению летнего пика праздник Святого Духа, Духов День, знаменующий исполнение Христова обета и приход Утешителя, Параклета. Это снисхождение Святого Духа на апостолов природа «иллюстрирует» началом спуска солнца к осени. Начинается та половина Православного Года, которая относится к циклу домостроительства Духа.

Зато на осень приходятся три главнейших богородичных праздника — Успение Пресвятой Богородицы, Введение Богородицы во Храм и Рождество Богородицы.

Дева Мария как образ всей сотворенной природы располагается внизу годового круга. К ней нисходит Сын для Воплощения, ее осеняет Дух Господень, спускаясь с небес. Как и иудеи, православные полагают в осеннем равноденствии день церковного новолетия, иными словами, православный Новый Год. И неслучайно, по замечанию исихастов[76], литургический Новый Год близко расположен к Рождеству Богородицы — с этого события началось осуществление спасения мира, и, следовательно, для христиан Пречистая Дева, действительно, есть подлинное начало.

Из других евангельских фигур теснейшим образом связан с годовым Крестом Иоанн Предтеча. Он символизирует нисходящую половину года, так как замыкает пророческую цепь Ветхого Завета. Ему «предстоит уменьшаться»[77], как солнцу предстоит нисходить к зиме[78].

Зимнее солнцестояние связывается с Николаем Угодником, столь почитаемым православными, и особенно в России. А летнее солнцестояние отчасти перенеслось и на Илию-Пророка, мечущего молнии с небес и проливающего дождь, то есть низводящего небесный огонь или живую воду с небес; это символические формы нисхождения благодати, которая в ее высшей и нетварной ипостаси является домостроительным делом Святого Духа[79].

Но все эти сакральные праздники, посвященные им службы, связанные с ними литургические формулы и евангельские фрагменты, не только выражают собой постоянство «вращательной» жизни Церкви, но и предназначены для выведения верующих по ту сторону души, к эоническому небу, где все свя-

щенные события присутствуют единовременно, в ангельской реальности вечного настоящего. Причем чудотворная реальность евхаристии, осуществляющейся на каждом богослужении, открывает прямой путь не только к вечности Небес, но и за ее пределы, к тому тайному центру Православного Года, вокруг которого осуществляется литургический цикл. Эта центральная точка — нетварный свет энергий Пресвятой Троицы, изливающихся превечно и премирно, независимо от наличия или отсутствия творения, как абсолютное изобилие Славы Господней.

В какой бы точке годового литургического цикла ни находился верующий, его главная цель — двигаться *внутрь* Креста, к тому центру, где перекладины пересекаются между собой. Этот центр уже не лежит во времени и находится по ту сторону длительности. Это источник Года. Слово Божие.

СИМВОЛИЗМ КРЕСТА

Христианская традиция использует для выражения своего учения символы, имеющие множественное толкование. Наиболее «материальный» аспект символа относится к исторической стороне евангельского повествования, Ветхого Завета или церковных преданий и житийных текстов. Высший духовный аспект символизма открывает тайны христианской метафизики. К промежуточному уровню относится все, связанное с трехчастной структурой творения, священного космоса, лежащего *между* человеком и нетварным Божеством.

Этот космический или космологический символизм не противоречит ни исторической конкретике, ни высшему метафизическому значению того или иного христианского сюжета, знака, персонажа. Все три уровня гармонично сочетаются между собой и служат ступенями для возвышения созерцательного духа от внешнего к внутреннему, от человеческого к Божественному. Более всего этот промежуточный уровень православного символизма связан именно с литургическим годом, который являет собой как раз среднюю инстанцию между землей и небом,

между неподвижностью ангельских архетипов и гравитационной инерцией материи.

Можно показать тройственность значения христианских символов на примере креста, который является одним из главных знаков христианства, основой традиции, священным предметом и ритуальным жестом, имеющим у православных христиан чисто инициатический смысл.

На первом (историческом) уровне крест указует на страсти Спасителя. Это знак казни Сына Божьего, страшный символ жертвенной трагедии Агнца, его страдания, его невыносимых мук, которые Он пережил ради искупления человечества (и всего мира), ради дарования твари благодатной возможности обожения. На этом уровне крест есть символ скорби и печали, свидетельство глубины отчуждения творения на последних этапах цикла, где сам высочайший Бог обрекается на унизительную казнь раба. Показательно, что католики (и еще в большей степени протестанты) фактически сводят все значение креста Господнего именно к этому трагическому аспекту, так как в Западной Церкви материальная, историческая, сугубо земная сторона христианства преобладает и является почти единственной, что делает ее учение исключительно *моральной*, а не метафизической и не эзотерической доктриной.

На высшем метафизическом уровне крест — это новое древо жизни, ось мира, средоточие нетварного бытия Троицы, которое изливается в виде световых энергий во всех онтологических «направлениях». Это также четыре реки рая[80], но не земного, и даже не небесного, а божественного, Троического. Причем в этом аспекте более всего важна та точка, которая является *центром* пересечения двух перекладин креста. Это и есть символ божественной реальности, откуда проистекает световая благодать. Такое метафизическое понимание креста сопряжено со славной, триумфальной, побеждающей стороной этого символа как знака абсолютной победы[81]. Это крест небесный и сверхнебесный, знаками чего являются четверо священных животных, херувимов, четырехкрылых ангелов. Это крест сияющий, благодатный, «пречестный и животворящий», знак чистый и лишенный всякой материальности. И радостное почитание креста, вытекающее из

этого значения, характерно как раз для наиболее духовных сверхисторических направлений в христианстве, особенно для Православия. Совершенно очевидно, что один и тот же знак в обоих случаях (в историческом аспекте и в метафизическом аспекте) имеет диаметрально противоположное значение и должен вызывать у верующих различный духовный настрой.

Промежуточным аспектом креста является как раз его циклический символизм — тот великий крест солнцестояний и равноденствий, который делит годовой цикл. Этот крест не является символом ни чистого страдания, ни чистого торжества. В нем есть и то, и другое. Особенно выразительна эта специфика двойственности креста года в восьмиконечном Православном Кресте. Здесь верхняя часть вертикали креста относится к свету летнего солнцестояния. Это позитивная часть года, связанная с Божественной природой Христа и с Вознесением. Нижняя часть вертикали символизирует Его Сошествие с небес и Воплощение, результатом чего было мученичество на Голгофе. При этом наклон нижней, горизонтальной (третьей) перекладины указывает на отрицательный символизм осени в случае опущенного конца (это также трактуется как указание на «злого разбойника», распятого вместе с Христом) и на символизм весны в случае поднятого конца (это «добрый разбойник», признавший Христа в последний момент и первым, по обещанию Богочеловека, вошедший в рай).

Очень важно подчеркнуть также аналогичный циклический символизм в традиционном для Православия схематическом изображении креста на ступенях[82] с двумя атрибутами крестных мук Спасителя: слева — трость и губка с уксусом, справа — копье центуриона Лонгина.

Иногда справа и слева от верхней части вертикали креста изображаются также солнце и луна, что недвусмысленно указывает на циклический годовой символизм данного сюжета. Здесь легко соотнести изображение «черепа», помещенного внутрь «горы», то есть в «пещеру», с зимним солнцестоянием, с местом, где солнце умирает. Кроме того, в древнейших календарях зимнее солнцестояние представлялось иероглифически именно как «пещера». Трость с прикрепленной к ней губкой

предстает в виде круга, расположенного на вершине прямой линии. Эта часть схемы соотносится с Востоком и весенним равноденствием[83], «местом» подъема солнца, которое и зашифровано в круге губки. Поразительно, что именно такой иероглиф соответствовал весеннему сезону и весеннему равноденствию на древнейших пещерных календарях, и, согласно профессору Герману Вирту, именно эта фигура лежит в основе изображения древнейшей буквы «Р» («ро») греческого алфавита.

Копье Лонгина, изображаемое в левой части этого символа, представляет собой жердь с наконечником, подобно стилизованной букве «Т» с опущенными концами верхней перекладины. Но древнейшие сакральные календарные круги именно этим символом обозначали осеннее равноденствие, точку, где солнце опускается к зиме, как опускает «руки» схематически изображенный таким образом человек. Согласно исследователям мифологии, древнейшие религиозные сюжеты, в которых фигурирует копье, всегда так или иначе связаны с календарным смыслом этого знака[84].

Так, исторические подробности крестных мук на космическом уровне живописуют устройство космоса, сакральную ритмику его цикла, световую структуру творения.

На метафизическом уровне те же символы означают более трансцендентные реальности. Так, губка с уксусом, протянутая страждущему Христу для утоления жажды глумливыми палачами, символизирует принятие в себя Богом ядовитого вкуса имманентного творения, в которое Он погружается (или которое Он вбирает в себя) в момент Воплощения[85].

Копье Лонгина[86] символизирует в метафизике сакральный «инструмент» («созерцательную волю»), благодаря которому преображающая Кровь Бога благодатно изливается на человечество, жаждущее спасения и обожения.

ДВЕ ГОРЫ

На православных иконах очень часто повторяется одна и та же символическая деталь, которая неизменно сопровождает самые различные священные сюжеты независимо от того, идет ли

речь о евангельских и ветхозаветных мотивах или об изображении житий христианских святых. Эта деталь — помещение на заднем фоне иконы *двух гор*. Безусловно, они имеют чрезвычайно важное сакральное значение, которое, однако, довольно трудно вывести из самого православного предания, поскольку *две горы* изображаются независимо от догматического смысла того или иного эпизода.

Здесь, как и во всех остальных моментах, символ может иметь три различных уровня описания, соответствующих исторической, циклической и метафизической реальности. При всем сказанном в данном конкретном случае однозначно установить исторический смысл двух гор не всегда удается.

Что же касается высшего метафизического значения этого символа, то он заключается в двух аспектах. С одной стороны, гора — это образ оси мира, центральной точки творения, вокруг которой оно «вращается». Это образ полюса, центра. И как таковой он присутствует на священных изображениях, иконах, подчеркивая их метафизическую освященность, связь с полярной, центральной, сущностной стороной реальности[87].

С другой стороны, горы могут символизировать тварную реальность как массу, как первоматерию, как космический фон, подлежащий преображению в процессе духовного делания. К этому относятся, в частности, те иконописные сюжеты, где вместо двух одинаковых гор симметрично изображается с одной стороны дикая гора (природа, материя, тварное бытие), а с другой — храм, город[88] и т.д., то есть результат божественного воздействия на структуру мироздания. Таким образом, этот сюжет может означать переход от естественного состояния к сверхъестественному и даже от тварного к нетварному.

На уровне годового цикла те же две горы приобретают новое значение, на сей раз связанное с иероглифическим символизмом сезонов. Дело в том, что две горы были древнейшим календарным иероглифом, обозначавшим зимнее солнцестояние, то место, где осуществляется таинство смерти и возрождения, таинство перехода от ветхого (старого) к преображенному (новому). Этот момент годового цикла был наиболее важным с инициатической точки зрения, поскольку в нем суммировалась вся полнота ини-

ИЮЛЬ АВГУСТ ИЮНЬ МАЙ С
СЕНТЯБРЬ АПРЕЛЬ
ОКТЯБРЬ З В МАРТ
НОЯБРЬ ФЕВРАЛЬ
ДЕКАБРЬ НОВЫЙ ГОД РОЖДЕСТВО ЯНВАРЬ
Ю

Сакральный вышитый календарь, обнаруженный этнографами на Русском Севере. Одновременно это эзотерическая карта России. В центре — Шестиконечная Звезда, соответствующая шести осевым направлениям пространства (север, юг, восток, запад, верх, низ). Круг под нижним из этих шести начертаний обозначает Солнце. 73 радиальных членения основного календарного круга — это 73 пятидневных недели древнего года (72 x 5 = 360 + 5). Счет по пятидневным неделям восходит к примордиальной эпохе; память об этом сохранилась в русском обычае «вруцелето», подсчета календарных дат и пасхалий по суставам тыльной стороны ладони, в соотнесении с буквами русского алфавита. В изначальной парадигме сакральной географии Русской равнины особым знакам этого календаря (за пределами основного круга) должны были соответствовать как праздники, так и святые места, а также культовые сооружения. Полная расшифровка этой вышивки (и других аналогичных сакральных схем) еще ожидает своего часа.

циации как таковой, являющейся переходом от одного состояния существования (материального, природного, инерциального) к другому (духовному, сверхприродному, сознательному).

Две горы — две дуги солнечной траектории перед зимним солнцестоянием и после него[89] (по меньшей мере так обстоит дело на Севере, в гиперборейских регионах, откуда, согласно Традиции, начался спуск человечества на Юг, в исторически известные районы древних цивилизаций). Согласно Герману Вирту, эти две дуги или две горы дали начало древнейшему священному иероглифу, представляющему собой повернутую на 90 градусов латинскую (и греческую) букву «В». Да и сама эта буква развилась, по Вирту, из этого знака. Отсюда, кстати, берет начало особое почитание буквы «В» в некоторых инициатических традициях, ссылающихся на тот факт, что сама Библия в ее древнееврейском оригинале начинается с буквы «бэт» — «Bereshit bara Elohim». Интересно заметить, что в греческом переводе первой буквой Библии становится ε, «эпсилон» — «Ἐν ἀρχῇ ἐποίησεν ὁ Θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν», а, в свою очередь, в славянском переводе тот же иероглиф «В» — две горы — вновь становится на свое священное место: «В начале сотвори Бог небо и землю» (Быт. 1, 1).

То, что происходит *между* двух гор, обладает в календарном символизме наивысшим духовным значением. Это мистерия Божественного Рождения, вочеловечение Бога и открытие дороги к обожению человека. Следовательно, все инициатическое содержание Православия находится под сенью именно этого символа (двух гор), который оттого так часто и появляется на иконах, являющихся, в свою очередь, зрительными изображениями инициатических реальностей.

РУССКИЙ ГОД И ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ

Православный литургический календарь наложился в случае Руси на более древний круг Священного Года, где все важ-

нейшие точки годового символизма связывались с разнообразными языческими мифами. Обнаружение множества явных параллелей между системой сугубо христианских праздников и языческими обрядами и календарными мифами заставило исследователей этого вопроса говорить о «паганизации» христианства, о перетолковывании его сюжетов и доктрин в языческом ключе, о подстраивании его под предшествующую нехристианскую парадигму. Чаще всего аргументом в пользу такой точки зрения служит заметное переосмысление русскими функций тех или иных святых на основании формального сходства их имен с какими-то русскими словами (так называемая «народная этимология»). В частности, мученики-бессребреники Косма и Дамиан становятся покровителями кузнецов или христианским эквивалентом мифического подземного Кузнеца — славянского Гефеста — лишь на том основании, что греческое имя Косма[90] (русское Кузьма) похоже на русское слово «кузнец». То же самое очевидно в случае святого Власия, ставшего покровителем скота («Власий» похоже на «волос»). Святая великомученица Елена превратилась в покровительницу прядения льна («Елена» созвучно «лен»), а праздник св. Варвары отмечался варением («Варвара» — «варить») каш и т.д.

Чаще всего в таких случаях говорят о «двоеверии» (то есть о сохранении языческих верований под маской христианства) или о глубоком невежестве и детской наивности «дикого» народа. На самом деле с точки зрения традиционализма все обстоит гораздо сложнее. Дело в том, что дохристианская традиция (в нашем случае — русская сакральная традиция) не была ни результатом примитивных фантазий «неразвитого народа», ни особой формой самостоятельного и законченного демонопочитания, как полемически утверждали иногда христианские авторы. «Эллинская» традиция — а в символическом смысле русская, славянская, индоевропейская традиция имеет все основания для включения в разряд «эллинских»[91] — с полноценной христианской точки зрения была искаженным продолжением иафетической сакральности, развивавшейся, однако, в русле, отличном не только от закона Моисея и народа Израиля, но и от всей авраамической линии, связанной с Симом, — таким же сыном Ноя, как и Иафет. Следо-

вательно, отрицая «эллинство» как законченную богословскую конструкцию, христианство не могло не признать наличия в нем некоторых адекватных сакральных элементов, связанных не с метафизикой, но с космологией и другими второстепенными сферами. Так, ничто не мешало святым отцам изучать эллинскую философию, риторику, эстетику, физику, вводя все эти вспомогательные дисциплины в общий строй чисто православного богословия как дополнительные компоненты. Кстати, даже язык Евангелия — греческий, «эллинский», а язык играет в священной традиции огромную роль[92].

Сама сфера Священного Года имеет отношение именно к космологии, к сакральной структуре мира, относительно общего строя которого у полноценных традиций практически нет разногласий. Разногласия начинаются там, где речь заходит о метафизической оценке, о трансцендентном смысле и теологической значимости того или иного космического явления, и тогда, действительно, и «эллинство», и «иудейство» вступают с подлинным христианством в неразрешимое противоречие. Но на более низком уровне, на уровне описания, констатации (хотя и сакральной!), все традиции в основных чертах сходятся.

Согласно этой логике, отождествление сугубо христианских праздников с некоторыми дохристианскими священными сюжетами календаря у русских следует рассматривать как провиденциальное, духовно обоснованное и совершенно неслучайное явление, в котором отразилась христианизация космоса, воцерковление и преображение одной из ветвей древнейшей иафетической традиции, приведенной в Православии к высшей метафизической перспективе. Не отмена одного ради радикально другого, но превращение одного в другое — вот в чем заключается сакральный смысл русского христианского Года. Не наивность, не пережитки язычества, не «дикость народная» стояли за выработкой русских поместных православных преданий, связанных с календарем, но промыслительное возвращение священного славянского языка, состоящего не только из названий предметов, но из символов, мифов, календарных соответствий и образов, к полноте и небесной гармонии истока. Через Воплощение Слова, через Церковь произошла реставрация почти стершихся

и поблекших следов созидательного, изначального участия Логоса в творении мира, сакральных воспоминаний о том, что «Имже вся быша», что все возникло через Него и было создано Им. Если «народная этимология» на рациональном уровне и противоречила исторической этимологии, то на уровне древнейших изначальных прасмыслов слов — довавилонского языка, «языка ангелов» — календарные отождествления были отнюдь не случайными и восстанавливали давно забытую, но возрожденную Церковью мудрость, инициатическое знание о связи между собой всех естественных и сверхъестественных явлений.

Поэтому специфика русского православного календаря и связанных с ним обрядов и преданий помогает понять стройную логику полноценной Традиции, нашедшей свое высшее завершение и преображенное воплощение в православной метафизике и христианской доктрине.

Можно уподобить христианизацию Священного Года у русских символическому жесту, совершенному апостолом Павлом в Афинах. В Ареопаге апостол указует на алтарь *Неведомому Богу*, Deus Absconditus, говоря, что это и есть Бог-Троица[93]. Важно заметить, что этот «неведомый бог» греков понимался не просто как «какой-то еще один, пока не известный, бог» в общем политеистическом ансамбле, но как высший трансцендентный апофатический принцип, пребывающий по ту сторону проявления. Эсхатологическое Откровение этого трансцендентного Бога в Исусе Христе преобразило «эллинство», уничтожило его «языческую», «политеистическую» сторону и указало надлежащее место в рамках Православия тем сторонам греческой традиции, которые гармонично сочетались с метафизической истиной Нового Завета. Так и в случае славянского календаря: в ходе его совмещения с христианским литургическим циклом произошло промыслительное обнаружение его «неведомого центра», спасительного креста, его высшего метафизического смысла. Вместо разрозненных мифов и почитания священных символических событий года как самостоятельных сущностей, богов, идолов в русском православном календаре были восстановлены истинные пропорции: важнейшие космические явления и символические соот-

ветствия пространственно-временного плана были включены в непротиворечивую и стройную картину православного космоса, подчиненного Господу Исусу Христу, пронизанного энергиями Святого Духа, устроенного по предвечному совету Пресвятой Троицы. При этом все истинное было сохранено, а случайное или извращенное отброшено.

Собственно говоря, именно этим и объясняется исчезновение следов язычества у русских гораздо в большей степени, нежели у народов Запада. Дело в том, что дохристианская традиция славян практически *полностью* перешла в сферу русских православных преданий, и искать ее следы надо не вне Церкви, но именно *в самой Церкви*, где она обрела метафизическую полноту, преобразившись в лучах Благой Вести.

ЛЕТНЯЯ КОЛЕСНИЦА ПРОРОКА ИЛИИ

Приведем всего несколько примеров того, как проходила христианизация Священного Года у русских.

Одним из самых выразительных сочетаний дохристианской традиции с православным циклом Русской Церкви является праздник пророка Илии, отмечаемый 20 июля (по старому стилю). Уже очень давно исследователи заметили, что цикл легенд и преданий, связанных с этим праздником, имеет древнее, архаическое, дохристианское измерение. Часто выдвигается гипотеза, что раньше в этот день славяне праздновали день Перуна, «бога» грозы и дождя, аналога греческого Зевса или римского Юпитера. Так обычно и принято считать в наше время: мол, верные своим языческим привычкам славяне «паганизировали» ветхозаветного пророка и под маской Илии продолжали совершать жертвы древнему божеству и почитать его в языческих ритуалах.

Эта точка зрения характерна для профанических исследователей, которые (сознательно или бессознательно) исходят из сущностно атеистических представлений о религии, считая ее социальной условностью, искусственно выработанной идеологией, продуктом «рук человеческих». Тогда, естественно, речь может

идти только о случайных и фрагментарных совпадениях, а священное, промыслительное, духовное, циклическое воспринимается только как метафора. С точки зрения Традиции, вся история является, напротив, промыслительной и священной. В ней нет случайностей, а человеческий фактор, сознательно или нет, подчиняется определенному Божественному плану, который исполняется с неукоснительной последовательностью и через субъекта истории (человека), и через объекта истории (внешний космос). Бог управляет миром двояко — через разум людей и стихии внешнего мира, приводя все к единой гармонии и конечной цели. Следовательно, и дохристианская традиция не есть продукт примитивных, упрощенных фантазий «недоразвитого» человечества, но, в худшем случае, результат *вырождения* некогда полной и духовной картины мира, наследуемой народами от истоков истории, от земного рая, от того состояния мира, когда в нем следы Божественного Слова были очевидны и внятны.

В нашем конкретном случае сам славянский Перун не есть какое-то самостоятельное существо, искусственно совмещенное впоследствии с совершенно самостоятельным ветхозаветным персонажем, но персонификация некоторой космической силы, которую можно возвести к небесному архетипу; последний, в свою очередь, обязательно имеет определенное место в контексте полноценной христианской доктрины о структуре реальности. Иными словами, вместо того чтобы объяснять одно частное и индивидуализированное лицо через другое (Перуна через пророка Илию или наоборот), правильнее было бы обратиться к тому общему священному смыслу, который стоит за обоими персонажами по ту сторону исторических или языческих контекстов.

В празднике пророка Илии у русских сразу поражает следующее: он приходится на ту точку календарного круга, которая в рунических календарях древних германцев (а возможно, и всех индоевропейцев) соответствовала руне «Ilx», обозначавшей одновременно *оленя с рогами*, *лилию* (кувшинку), *пучок стрел*, а также *дерево* с корнями и кроной. Эта руна относится ко второй половине июля. Корень «il», согласно современным лингвистам, означает «свет», «белизну», «огонь» во многих ин-

доевропейских языках. Так, в частности, русское слово «солнце», греческое «гелиос», латинское «sol», санскритское «surya» образованы как раз от этой древнейшей основы. Но самое удивительное то, что семитский корень «Il», «Ilu», означающий «бога», «божество» и входящий этимологически в состав имени Илия (дословно: «крепость Господня» на иврите), в соответствии с новейшими исследованиями в области лингвистики имеет *то же самое* происхождение[94]. Иными словами, индоевропейское название календарной руны и имя ветхозаветного пророка связаны не только на уровне «народной этимологии», но совершенно непосредственно и исторически.

Теперь обратимся к самому иероглифу, изображающему пучок стрел или молний. Тот же самый иероглиф встречается в архаических изображениях греческого Зевса или римского Юпитера, мифологически родственных славянскому Перуну. Но если руна «Ilx» является более древней и изначальной, чем имя Перуна (а известно, что сплошь и рядом атрибуты мифологического персонажа предшествуют ему самому), то некий герой или символическое существо по имени «Il» может оказаться гораздо древнее, нежели собственно языческие божества предхристианских мифологий. Перуновы стрелы, таким образом, с большим основанием следовало бы назвать стрелами «Ила» или «Илии». А значит, православный календарный праздник пророка Илии должен был восприниматься новообращенными славянами не как нововведение или привлечение в священный контекст какого-то чуждого или неясного персонажа, но как *возврат* к более древним и изначальным «райским» временам своей собственной священной традиции, предшествующей Вавилонскому смешению языков.

С другой стороны, сам ветхозаветный Илия только в рамках строгого иудейского креационизма может восприниматься как исключительно историческая личность, все существование которой есть последовательность уникальных индивидуальных поступков и происшествий, не имеющих никакого символического или прообразовательного значения. С православной же точки зрения, напротив, *все* сюжеты Ветхого Завета без исключения имеют в себе символическое измерение. В первую очередь

они прообразуют Новый Завет, но во вторую — они служат описанием структуры священного космоса. Таким образом, ветхозаветный пророк Илия, взятый в огненной колеснице на небо, есть и провозвестник Вознесения Христова, и символ, открывающий структуру священного космоса, где по ту сторону тверди находится мир невещественного огня и невещественной воды. Молния и дождь суть природные формы обнаружения сверхъестественных небесных реальностей. Праведник, осуществляющий личную духовную реализацию, восходящий в небеса, помимо субъективных душевных явлений и состояний вступает во взаимодействие и с объективными природными аспектами космоса[95], соучаствуя в осуществлении мировой гармонии и духовно, и телесно. Следовательно, сам ветхозаветный пророк Илия в полноте своего духовного подвига соприкоснулся с объективной стороной космоса и реализовал тот ангелический, световой архетип, который запечатлен в древнейшем иероглифе «Ilх». Историческое в нем соприкоснулось со сверхисторическим, он совершил переход от периферии Великого Года к его центру и отождествился в ходе этого с архетипом цикла, с солнечной руной света и неба.

Учитывая все эти соображения, можно сказать, что небесный архетип пророка Илии — того же самого Илии, которого почитают 20 июля православные христиане, — древнее и изначальнее и Перуна, и Зевса, и самого ветхозаветного праведника. Он восходит к райской эпохе, когда было создано время. И эта начальная точка священной истории снова проявилась в последние времена, когда Христово Откровение восстановило во всей полноте райскую парадигму космоса.

ПОЛЯРНАЯ ПАРАСКЕВА-ПЯТНИЦА

Наряду с праздником пророка Илии часто за образец языческого влияния берут особое почитание на Руси Параскевы-Пятницы (св. мц. Парасковия — память 28 октября по старому стилю), с которой традиционно было связано множество легенд и преданий. Большинство исследователей видит в этом пе-

режитки культа некоего женского языческого дохристианского божества.

На самом деле здесь, как и в случае пророка Илии, следует говорить о существовании древнейшего сакрального архетипа, предшествующего его языческому вырождению и восстановленного во всем полноценном объеме именно в контексте православного года. Попробуем разобрать, о какой, собственно, символической концепции в данном случае идет речь.

По-гречески «Параскева» означает как раз «день подготовки (перед субботой)», то есть «пятница», «пяток», «пятый день седмицы». Следовательно, в дохристианском контексте должно играть особую роль именно число 5 и соответствующий ему день недели.

Общеизвестно, что пятница у индоевропейских народов была посвящена «женскому божеству»: Афродите — у греков, Венере — у римлян, Фрейе — у древних германцев[96] и т.д. Можно предположить, что и у славян существовала какая-то аналогичная мифологическая фигура[97]. Скорее всего, конкретный персонаж не имеет большого значения, так как общим элементом здесь является именно сближение пятого дня недели, числа 5, с женской стихией и соответствующим ей символическим комплексом — от ритуальных предметов, орнаментов, узоров до названия планеты или водной стихии.

Относительно символизма числа 5 и соответствующего ему древнейшего (даже изначального) иероглифа *пятиконечной звезды* наиболее убедительными, на наш взгляд, являются работы Германа Вирта[98], который показал, что этот знак соответствует иероглифу года — шестиконечной звезде — без нижней черты. Согласно концепции Вирта, это означает, что в полярных областях солнце зимой вообще не появляется, что и объясняет отсутствие нижней (= южной) черты на древнейшем годовом знаке. Зима с примыкающей к ней осенью (которые некогда рассматривались как одно время года в трехчастном его делении) или ночь, как нижние регионы творения, куда спускается солнце духа («Il»), в природном символизме уподобляются материнскому чреву, откуда и появляется новая жизнь (= новое весеннее солнце). Такой естественный символизм и делает из

пятиконечной звезды знак матери, женщины, священной ночи, земли, воды, а следовательно, и само число 5 прочно связывается с ним в сакральном сознании человечества. Память об этой связи сохраняется и много тысячелетий спустя после ухода из северных областей, но символические комплексы, сформированные в незапамятные времена, продолжают жить в преданиях, легендах, обычаях и обрядах, сохраняющихся и тогда, когда сам их изначальный смысл утрачивается.

Подтверждение этому легко найти в цикле русских преданий о Пятнице, согласно которым «Пятница» портит *прялки* тем девушкам, которые работают, а не отдыхают в посвященный ей день недели. Прялки на Руси традиционно изготовлялись в виде колеса с шестью (или восемью спицами) и символизировали солнце, свет мира или весь год целиком. «Пятница, портящая прялки» есть образ древней северной зимы (материземли), похищающей свет, крадущей солнечное колесо. Часто женский персонаж с прялкой — славянская Доля, германские Норны, греческие Горгоны и т.д. — означает судьбу, будущее, поскольку колесо прялки символизирует цикл, тонкий мир, чистое вращение, а сама пряжа — поступательное однонаправленное движение, что вместе точно соответствует содержанию года как цикла (и это мы показали выше).

Кроме зимы и земли «Пятница» может означать также саму северную прародину, то место, где природный смысл пятиконечной звезды был естественно наблюдаемым календарным явлением. В этом значении данный образ описывает Северный полюс в священной космографии древних.

Можно проследить и связь с символизмом яблок, поскольку сердцевина яблока при продольном разрезе дает как раз пятиконечную звезду[99], «Пятницу». Отсюда образ девицы-яблони в легендах самых разных народов. Цепочка символов «женщина — яблоня — рай (полюс, центр)» встречается и в ветхозаветном описании рая, и особенно в сюжете о грехопадении праотцев. На уровне космического символизма вкушение райских яблок и последующее за ним изгнание из рая есть описание осеннего движения солнца (часто отождествляемого с созревшим плодом) к земле-зиме, могиле, смерти.

Символическим эквивалентом Пятницы является также *ладонь*, которая служила древнейшим календарем[100], память о чем сохранилась в русском обычае «вруцелето», подсчете календарных праздников, отталкиваясь от анатомического устройства ладони — суставов пальцев и т.д.

К тому же, символизму относится и Великая Пятница на Страстной неделе, поскольку именно тогда происходит спуск Спасителя в ад, под землю, в регионы тьмы и холода, в *зимние* области творения. Вполне соотносимы с этим еженедельные пятничные посты.

Характерно, что память св. мц. Парасковии Православная Церковь чтит *осенью*, когда солнце клонится к зимнему солнцестоянию. И в этом частном моменте православное предание сочетается с дохристианской традицией.

КАЛЕНДАРНОЕ «ЧАЯНЬЕ ТВАРИ»

Таковы всего несколько примеров промыслительной гармонии русской Православной Традиции и священного Года древних славян. В принципе такие же закономерности можно было бы найти и в других сюжетах.

Так, первые русские святые Борис и Глеб часто символизируют собой старый и новый год (Борис с бородой, а Глеб без нее). Кроме того, иногда Глеб изображается с колосьями пшеницы, символизируя зерно[101] (фонетическое сходство Глеб и хлеб). Кроме того, первые русские святые возрождают древнейший сюжет священной традиции о братьях-близнецах, что также связано с двумя половинами года или солнечного цикла.

С символизмом Нового Года, рождения солнца сближается святитель Николай, также безмерно почитаемый на Руси. Само его имя — Николай, Никола — напоминает русское «коло», то есть круг, год, вращение. Иногда *зимний* святой Никола связывается с *летним* пророком Илией, и тогда они образуют символическую пару двух противоположных сторон годового цикла — лета и зимы. Часто именно такая пара — Никола и Илия — выступает в разнообразных легендах и преданиях в связи с дру-

гими символическими комплексами отчетливо календарного характера.

Важно также указать на одно обстоятельство, которое, без сомнения, поможет отчетливее понять соответствия православного литургического года и древней священной структуры славянского календаря. Дело в том, что в изначальной форме священный круг года в качестве своей главной точки имел именно *зимнее солнцестояние*, истинный Новый Год. К этому «революционному» моменту космического цикла относилось большинство символов, преданий, иероглифов, так как в этот момент происходит чудесное событие — переход от смерти к жизни, от зимы к лету, от упадка к возрождению, от старого к новому. Причем происходит наглядно, убедительно и макрокосмически, являя божественную гармонию через весь строй природы. И даже на основании чисто географических особенностей становится понятным, что самая яркая картина Нового Года, его природного символизма, его наглядной значимости наблюдается на Севере, где годовой ритм сезонов выделен, отчетлив и предельно выразителен. Можно сказать, что *празднование Нового Года в день зимнего солнцестояния является наиболее древним и правильным, изначальным*. И неслучайно Рождество Господа нашего Исуса Христа промыслительно произошло именно в этот момент.

Но в более поздние периоды точка Нового Года и связанные с ним праздники и предания были перенесены на другие календарные даты — особенно на осеннее и весеннее равноденствия. Единый символический календарный комплекс раскололся на три точки, претерпев, естественно, некоторые изменения. Осеннее равноденствие связалось с фигурой женщины-матери, земли, зимы. Часто (но не всегда и не обязательно) в календарном символизме она имеет зловещий характер, сочетаясь с низом, водой, холодом, смертью. Но и в этом состоянии в ней провидится перспектива грядущего рождения. Осеннему равноденствию соответствуют праздник церковного Новолетия и три из четырех двунадесятых праздников, посвященных Деве Марии.

Весеннее равноденствие, напротив, подчеркивает победную, триумфальную фазу родившегося (воскресшего) света после

зимнего плена. В русском язычестве — это Масленица, солнечный круглый каравай или блин. В Православии — это великий праздник Святой Христовой Пасхи.

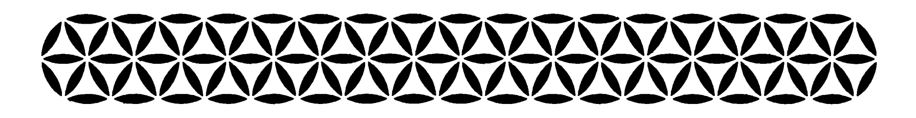
Но во всех этих точках — зимнее солнцестояние, осеннее и весеннее равноденствия — в сущности, главным является момент *инициации*, перехода от ветхого к новому, смерть и попрание смерти, умаление и возвышение. Отсюда и сходство некоторых обрядов и символических элементов, свойственных всем трем праздничным циклам.

В православном годе эти ключевые инициатические «новогодние» точки отмечены особыми праздниками, которым предшествуют посты. Пост означает очищение, а также страдание, сознательное погружение в *умаленную* качественно реальность, соответствующую ветхости, для того чтобы в полной мере соучаствовать в грядущей победе света над тьмой, духа над плотью. На осень приходится Успенский пост. На зиму — Рождественский (Филиппов пост). На весну — Великий пост[102]. Можно сказать, что все три поста, а также обрядность праздников, к которым они относятся, имеют инициатический характер, детальное изучение которого открыло бы перед нами невероятные богатства православного эзотеризма, а также дало бы больше информации о дохристианской традиции русских, славян, нежели все профанические поиски археологов и позитивистских историков.

Если ясно понять символическую синонимичность трех главных «новогодних»[103] точек и их изначальную связь с таинством зимнего солнцестояния, множество труднообъяснимых символических деталей станет на свои места и приобретет осмысленность и внутреннюю гармонию. При этом подобное исследование не подорвет Православную Веру, но, напротив, укрепит ее — поскольку обнаружение Премудрости Божьей, столь явно присутствующей в самой ткани окружающего нас бытия, должно убедить в Торжестве Православия даже скептиков.

Как бы то ни было, нет сомнений, что Священный Год в православной традиции имеет огромное значение. Его структура тщательно проработана на богослужебном уровне. Подвижная часть литургического календаря — пасхальный цикл — являет

собой переменный, динамический аспект христианского года, а фиксированные праздники — статичный аспект. При исчислении пасхалий учитывается совокупность космических календарных циклов — солнечного, лунного, недельного. Таким образом, мистическое бытие Церкви не устраняется от природного существования, но *преображает* это существование, просветляет его, придает ему особое световое измерение. Естественное через Церковь переходит в сверхъестественное. Ведь, по словам апостола: «Чаяние бо твари откровения сынов Божиих чает»[104]. Через Православный Год, его литургический цикл, ритм праздников и динамику богослужения, ежедневная ткань которого прямо зависит от календаря, непрестанно осуществляется таинство церковного домостроительства; из вечности Небесной Церкви — центра великого круга — исходят прямые лучи к каждому дню года, протягивая христианам, а сквозь них и всему космосу благодать обожения и восхождения в рай, в сердце мира, в Святую Святых творения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Герман Вирт

СВЯЩЕННЫЙ ГОД

Вращение и Год как Мировой Порядок

Не существует более великой тайны в бытии человека, чем тайна жизни и смерти, умирания и становления. Ничто не может наполнить душу «одночастного» (еще не «двухчастного») человека ощущением высшей Силы, кроме вечного ритма природного года (Lebensjahre), в тесном соприкосновении и в полной гармонии с которым развертывается человеческая жизнь.

Год[105] для человека есть высшее Откровение божественного действия во Вселенной. Он есть выражение данного Богом космического закона, в согласии с которым происходит в бесконечном и непреходящем возвращении становление мира. Волшебный, глубочайший образ является нам в природе — это Год Божий. Много дней составляет Год, и в каждом из дней снова открывается образ Года: рождение Света, из которого происходит вся жизнь, его подъем на высшую вершину, и его спуск, смерть, нисхождение, чтобы снова восстать. То, чем являются утро, полдень, вечер и ночь в сутках, соответствует в Году весне, лету, осени и зиме. Весной «Свет Мира» снова пробуждает всю жизнь, выпрямляется, развивается, пока не достигнет полного развертывания и предела роста в полуденно-летнем времени, чтобы снова начать путь к ночи и зиме, готовясь к смерти, за которой неминуемо последует новое рождение.

Нордический человек созерцал образ своего существования ежегодно и ежедневно: раннее утро — детство, позднее —

юность, полдень и лето — взросление, полное созревание, потом увядание жизни, старость, ведущая к зимней смерти, а через нее к новой жизни, к возрождению и новому становлению, воплощенному в потомстве.

Круговращение дня развивает в своем постоянном непрерывном повторении круговращение Года, а Год — круг человеческой жизни.

Круговращение, движение по кругу, вращение само по себе является высшим космическим законом Бога, этическим Основанием Вселенной всего бытия. На этом принципе основывается всякое Богопереживание и всякое правосознание. Закон вечного вращения, чьим откровением являются пространство и время, и особенно в Годе, был осознан атланто-нордической[106] расой в символе Годового и Мирового Древа, Древа Жизни. Мы можем проследить эту изначальную концепцию во всех атланто-нордических языках и культурах. Она связана среди прочих с корнем «t-r» и с его инвертированной версией «r-t», что присутствуют в словах, обозначающих вращение («drehen», «Drehung» — «вертеть», «вращать», «вращение»[107], «Dorn» — «дерево»[108] и т.д.). Отсюда связь «t-r» и «r-t» с Деревом (а также с Крестом, Виселицей) и Колесом как образом Мирового Древа, Древа Жизни. Это же означает «невечерний» закон космоса, «право», «этику», «основу и источник всего бытия» и, соответственно, «происхождение», «зачатие».

Космическая символика слов с этим корнем сохранилась в слове «Art» («тип»), в значении «происхождения», «рода», в латинском «ritus», что значит «обычай», «установленный порядок действия», а также «искусство», «наука», и особенно в древнеиндийском «ṛta». Древнеиндийское «ṛta» Ригведы, «asha» Авесты, «Порядок», «Закон», было «великим установлением» «двухчастного» Бога, Митры-Варуны, «ur-ana», который есть истинный вращатель «ṛta». По небу бежит двенадцатиспицевое колесо «ṛta», которое никогда не стареет, — Год. Солнце отцы-установители Мира, «отталкиваясь от ṛta, забросили в небо»; Солнце, откровение Агни как воплощения Сына Божьего, зовется «светлым видимым ликом ṛta», а сам Агни — «отпрыском ṛta», «рожденным в ṛta». В делах людей действует

«ṛta», как нравственный закон; «ṛta и истина» тесно связаны. В смысле «не-истины» часто используется выражение «anṛta», иными словами, «то, что не есть ṛta». Правым считается то, что «размышляет в соответствии с ṛta», «идет по пути ṛta», «заботится о ṛta, думает о правде».

Современный человек и Божий Год

Эти основополагающие соображения, однако, совершенно чужды современному городскому человеку. Год для него — лишь отвлеченное, временное понятие, которое ничем не отличается от всех остальных промежутков времени, которыми оперирует современная «хозяйственно-научная» жизнь. Год известен ему из настольного календаря, деловых записных книжек и определенной перемены гардероба. С ритмом же творения такой современный городской человек больше никак не связан. Его соприкосновение с Божьим Годом в природе происходит спорадически, во время отдыха или стихийных бедствий. Для того чтобы вернуться к опыту Года, современный человек должен «излечиться» от своего цивилизованного существования, отрывающего от опыта бытия, при том, что темп труда и жизни становится все более и более быстрым, и разрыв с большим человеческим Годом судьбы-жизни человека возрастает. Именно «излечиться» должны современные «социальные» люди, освободившиеся ото всех естественных законов Бога-Года, превратившие ночь в день, а день в ночь, ищущие «оптимально использовать время», тогда как время, на самом деле, использует их, уничтожая.

Божий Год в природе дал бы им обновление, но они не могут более найти внутреннего пути к нему. Если бы они понимали еще свой собственный смысл, они никогда не пустились бы в безумную погоню за Маммоной, сделав из денег цель жизни, не начали бы считать неизбежностью бессмысленную индустриализацию и укрупнение городов, не погрязли бы в глубоком материализме, который опечатал их бедность, слабость и ничтожество их душ, душ «современного человечества».

Так ясно видно разрушение телесной силы, которое является следствием «современной жизни» городов. Они пытают-

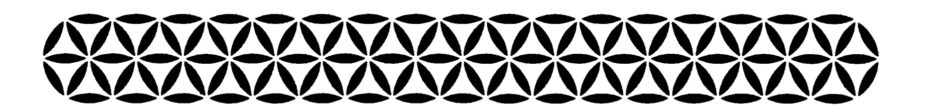
ся победить слабость и бегут прочь к Божьему Году, когда другие средства уже не помогают. Но причины этого, остающиеся в целости и сохранности, они не замечают и не хотят замечать. А главная причина — в их отпадении от вечного жизненного ритма Божьего Года. Поэтому они не живут сами, но их проживает нечто постороннее, чуждое; они гниют телом и душой, стареют уже в юности.

Божий Год как нордический опыт

Из единства и жизненного ритма Божьего Года некогда развилась вся духовная культура нордической расы: Год лежал в основе ее Богопереживания и Богопознания, и из его запечатления в иероглифах, знаках «священного Годового Ряда», развились все системы письменности в мире. Как сегодня мы передаем знания через письмо, так некогда само письмо возникло, будучи передачей высшего Знания о Божественном Откровении во Вселенной, Знания о годовом пути «Света Мира», идущего от Бога.

Но нигде в нашем мире опыт Света не является таким глубоким, как там, где противоположность Света и Тьмы, Дня и Ночи отчетливее всего. Только Крайний Север знает Божий Год в полном единстве его противоположностей, в законе его возвращения, в бесконечном, вечном богатстве его движения, в котором постоянно возобновляется жизнь. Ни вечное лето тропических областей, ни бледные компромиссы южного, средиземноморского климата не знают этого переживания. Знает лишь одна-единственная нордическая Зима, когда Свет Божий все глубже и глубже спускается в своем суточном пути, день укорачивается, ночь удлиняется, пока, наконец, Свет целиком не утонет в смертной тьме зимней ночи, чтобы потом снова прийти к новому подъему и пробудить от смерти всю Жизнь.

Мистерия Зимнего Солнцестояния — священнейший и высочайший опыт нордический души. В нем открывается великий, божественный закон вечного возвращения — Закон, согласно которому всякая смерть есть становление и гибель ведет к Жизни через Свет Божий.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

[1] Таинственным образом попавшие в наши руки фрагменты съемок этой экспедиции мы показывали по Первому каналу в своей передаче «Тайны века» несколько лет назад.

[2] Опубликованную нами в альманахе «Милый Ангел».

[3] В комментариях к своему изданию «Хроники Ура Линда» (Ura-Linda Chronik. — Leipzig, 1933) профессор Герман Вирт предлагает контент-анализ текста, позволяющий выделить три уровня — архаический пласт, добавления голландского копииста эпохи Возрождения и еще более поздние вставки. Показательно, что выступавшие против гипотезы Вирта ученые, доказывавшие поддельность «Хроники», совершенно игнорировали его доводы, подменяя собственно научный спор «политической» аргументацией и усердно критикуя утверждения, которые сторонники подлинности документа никогда и не думали выдвигать. Вставки и стилизаторская обработка «Хроники» не подлежат сомнению. Спор идет лишь о наличии или отсутствии исходного документа. В общем массиве колоссального палеоэпиграфического и историко-религиозного наследия Германа Вирта «Хроника» приобретает совершенно особый смысл, но, увы, это наследие остается до сих пор совершенно неизученным.

[4] *Вирт Герман Феликс.* Хроника Ура Линда. — М.: Вече, 2007. С. 99–100.

[5] *Тилак Бал Гангадхар.* Арктическая родина в Ведах. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. Этот труд виднейшего индуистского традиционалиста и политического деятеля привлек внимание многих европейских традиционалистов XX века, развивавших тему гиперборейского происхождения человечества. Его упоминали Генон, Эвола и т.д. Более того, есть некоторые основания считать, что информаторы Генона относительно индуистских доктрин были близки к кругу Тилака. Эту же книгу Тилака Герман Вирт взял за основу в своих развернутых исследованиях «про-

исхождения человечества». См.: *Wirth Herman*. Der Aufgang der Menschheit. — Jena, 1928.

[6] Большое количество мифологических сюжетов по этой теме собрано в: *Evola Julius*. La Rivolta contro il mondo moderno. — Roma, 1969. См. тж.: *Wirth Herman*. Der Aufgang der Menschheit. Указ. соч.; Он же. Die Heilige Urshrift der Menshheit. — Leipzig, 1936; *Guènon Rene*. Le Roi du monde. — Paris, 1927 (по-русски см.: *Генон Рене*. Царь Мира. Перевод Ю. Стефанова // *Генон Рене*. Символика креста. — М.: Прогресс-Традиция, 2004); Он же. Les formes traditionnelles et les cycles cosmiques. — Paris, 1970 (по-русски см.: *Генон Рене*. Традиционные формы и космические циклы. Перевод Т. Любимовой. — М.: Беловодье, 2004); *Geticus*. La Dacia Iperborea. — Parma, 1984.

[7] Этот матриархальный аспект «Хроники» как нельзя точнее соответствовал теориям самого Германа Вирта об изначальном матриархальном устройстве древнейшей арийской традиции. В этом он следовал за швейцарским историком Бахофеном (см.: *Bachofen J.J.* Gesammelte Werke. — Basel, 1948). Именно эта особенность концепции Вирта была причиной его преследований со стороны Розенберга, убежденного в патриархальном устройстве древнеарийского общества. Юлиус Эвола также критиковал Вирта за эту сторону его теории, хотя учитывал ее в своей собственной усложненной модели ритма цивилизации, изложенной в «Rivolta contro il mondo moderno» (указ. соч.). Эвола считал, что матриархат возник на вторичных этапах развития сакральной цивилизации — в Серебряном веке, а в Золотом веке существовал «изначальный патриархат», который был отчасти восстановлен героической мужской цивилизацией Медного (или Бронзового) века. Но и сам Эвола не избежал преследований со стороны нацистской верхушки, проведшей расследование относительно того, «правильно ли итальянский барон понимает сущность германских древних обществ». По поручению Гиммлера этим занимался эсэсовский ариософ и визионер Карл Мария Вилигут. В докладе Вилигута Гиммлеру Эвола в целом оправдывается, но ему ставится в вину, что он «недооценивает роль женщины у древних германцев». Розенберг репрессировал Вирта за «матриархат», Эволу сотрудники

Гиммлера обвинили в «патриархате». Складывается впечатление, что вожди Третьего рейха только и занимались этими проблемами...

[8] См. напр.: *Иллич-Свитыч В.М.* Материалы к сравнительному словарю. // Этимология. — М., 1967. С. 321—373; Он же. Опыт сравнения ностратических языков. — Т. 1—3. М., 1971—1984 гг.; Он же. Соответствие смычных в ностратических языках. — М., 1968, а тж. различные публикации итальянского лингвиста A. Trombetti.

[9] *Wirth Herman.* Aufgang der Menschheit. Указ. соч. Тж.: Heilige Urshrift der Menshheit. Указ. соч.

[10] Русское слово «год» изначально этимологически означало «подходящий», «достойный», отсюда слова «годный», «угодный», «пригодный», «выгодный», «годиться»; родственно готскому «guots», древневерхненемецкому «guot» — «добрый», «благой», «хороший». Следовательно, в русском языке изначально заложено представление о Годе как о Благе, то есть как об этическом, качественном понятии, а не о количественной единице измерения времени. Характерно также, что часто используемое Виртом выражение «Gottesjahr» — «Божий Год» — содержится в самом по себе русском слове «год», если, конечно, принять спорную этимологически, но саму собой напрашивающуюся параллель между словами Gut («благо») и Gott («бог»).

[11] См.: *Тилак Б.Г.* Арктическая родина в Ведах. Указ соч.; Он же. Orion. — Poona, 1955; *Georgel Gaston.* Les quatres âges de l'humanitè. — Besançon, 1949; Он же. Les rythmes dans l'histoire. — Belfort, 1937; *Evola Julius.* La Rivolta contro il mondo moderno. Указ. соч.; *Guènon Rene.* Les formes traditionnelles et les cycles cosmiques. Указ. соч. (*Генон Рене.* Традиционные формы и космические циклы. Указ. соч.); Он же. Le Roi du monde. Указ. соч. (*Генон Рене.* Царь Мира. Указ. соч.); *Wirth Herman.* Der Aufgang der Menschheit. Указ. соч.; Он же. Die Heilige Urshrift der Menshheit. Указ. соч.

[12] *Guènon Rene.* Les formes traditionnelles et les cycles cosmiques. Указ. соч. (*Генон Рене.* Традиционные формы и космические циклы. Указ. соч.)

[13] См. далее. Раздел «Полярная Параскева-Пятница» из 6-й главы «Христианский год».

[14] Эта двойственность может быть выражена самыми разнообразными символическими методами и запечатлена в специфике мифологических сюжетов. Иногда, как в случае латинского Януса, это подчеркивается наличием двух голов, в другом случае мы имеем дело с мифом о близнецах или просто двух братьях (двух сестрах). Иногда двойственность акцентирована в самой симметрии человеческой фигуры (две руки, две ноги, два глаза, два уха, две ноздри и т.д.). Причем часто эта понятая символически двойственность акцентируется именно через ее утрату. Отсюда целая череда мифологических калек, играющих такую важную роль в сакральных сюжетах, связанных особо с зимой, второй половиной года и испытаниями Героя в нижней области Года, в регионах мрака. Так, хромота (дьявола), кривизна (дадджала, «антихриста» в исламской эсхатологии), однорукость (скандинавского Тюра) и т.д. являются характерными признаками расщепления двойственности, что обратным образом указывает на благодатный, сакральный характер того, кто этой двойственностью наделен и кто ее сохраняет. И напротив, сохранение двойственности, акцентируемой часто в случае негативных (а значит, архаических) мифологических персонажей (например, в случае драконов Кока и Викока в Калки-Пуране, смотрящих друг на друга и от этого остающихся бессмертными), является признаком сакральной значимости. Вообще все мифологические мотивы, где наличествует пара подобных существ, предметов, людей или зверей, происходят из этой примордиальной культовой концепции позитивности двухчастного единства (Года, самого космического Спасителя, мира и т.д.) и негативности его утраты.

[15] Слово «целый», родственное «Heil», дало также русский глагол «целовать», означавшее изначально «приветствовать», «желать блага», а значит, «цельности». Выражение «Heil» было приветствием и у германцев.

[16] В этом отношении в высшей степени важно мнение Вирта: «Если мы продолжим наши исследования в предыстории Палестины, мы увидим непрерывную цепь передачи североатлантической культовой символики на этой земле, которая через древ-

неаморейскую культуру перешла к иудеям. Если мы двинемся еще ближе к нам, то сможем увидеть, разбирая символику раннехристианской “могильной лампады” из Гецера, что учение о Сыне Божьем, “Господе”, “Свете Мира” было возрождением наидревнейшего народного верования людей Запада, страны вечера, страны Матери».

[17] Этимологически русское слово «стрела» родственно готскому «stral», то есть «луч», а значит, она определенным образом имеет связь с идеей Света. Луч в данном случае так же однонаправлен, как и стрела (в отличие от прямой черты). С другой стороны, название орудия, сопряженного со стрелой, лука, странным образом созвучно индоевропейским корням, также обозначающим «свет» — латинское «lux», греческое λευκός («светлый»), немецкое «Licht»; кстати, русское «луч» относится сюда же. Некоторые лингвисты признавали возможность такой этимологической связи, хотя Фасмер ее и отрицает. Если в данном случае проблематична чисто этимологическая связь, налицо фонетическое, концептуальное и мифологически-культовое родство. Можно добавить также, что греки изображали созвездие Стрельца (кстати, его астрологический знак представляет собой вариацию «Tiu» — ♐) в виде кентавра, натягивающего лук. Фигура кентавра подчеркивает двойственность природ, характерную для космического Спасителя, что снова подтверждает неслучайность всех этих символических и идеографических соответствий.

[18] Любопытно отметить сходство латинского «Longinus», «Лонгин», имя собственное, этимологически восходящее к слову «длинный», и «lanceo» — «копье», «пика».

[19] Показательно, что такой же дуализм относительно тематики «брака», «любви» существует и в христианской традиции, где божественная Любовь, Бог-Любовь и брачный евангельский символизм (Христос как Жених, души верных как девы, уготованные для брака) сочетаются с жестко аскетической практикой и этикой умерщвления эротических импульсов в телесно-сентиментальном аспекте.

[20] Созвездие Ориона играет ключевую роль в той части Традиции, которая занимается большими вселенскими циклами,

сопоставимыми с прецессионными смещениями точек солнцестояний и равноденствий относительно неподвижных созвездий. По этому поводу см.: *Дугин Александр.* Абсолютная Родина. — М.: Арктогея, 1999. Тж. нашу статью «Орион, или Заговор героев» в ж-ле «Элементы» № 5.

[21] Остальные два: первый — «froys att», второй — «hagals att».

[22] «Tau», à propos, было священным знаком тамплиеров, а основной их эмблемой было двое всадников на одной лошади.

[23] Вирт указывает на родство архаической культовой формулы «tan» с серией слов, означающих «камень» в германских языках — «stan», «stone», «Stein» и т.д. Смысловое сближение основано на идее того, что зимнее солнцестояние — нижняя точка года, неподвижная и центральная, как камень, а также тяжелая — к ней тяготеет весь Год, точка гравитации, уплотнения бытия. В русском этому корню этимологически соответствует слово «стена». Возможно, что сюда же относится и слово «тень» (зима на полюсе время темноты, «тени»). Не исключено, что древнеперсидское слово «tan», «тело» некогда связывалось с этим смысловым комплексом, выражая идею тела, как наиболее плотной, тяжелой, теневой, «минеральной» составляющей живых существ. Русское «тело» имеет то же значение, оно родственно словам «тло», то есть «дно», «низ» (откуда «утлый», «плохой», «низкий» и т.д.

[24] От той же формулы — «Burg», «город», «Berg», «гора» и т.д. Заметим, что и в русском, где «b-r» перешло в «g-r», сохранилась этимологическая связь между словами «город», «гора», «огораживать», то есть возвышенность в виде ᛒ, изначальное «гора», от которой переход к ограждению и к обозначению того, что огорожено, — «город» или к совокупности выдающихся вверх объектов (другое объяснение слова «город» — множество нагороженных строений). Любопытно также, что такая же аналогия прослеживается между немецким «Brust» («грудь», «женская грудь»), а это слово Вирт считает происходящим из визуального сходства иероглифа двух гор и формы женской груди, то есть от той же формулы «bi-ur» («Burg») и русским «грудь», с такими же согласны-

ми, как и слово «гора». Змей Горыныч, персонаж русских сказок, есть не кто иной, как иероглиф свернувшейся, спиралевидной траектории солнца между двух гор, двух солнцестоянческих дуг. Возможно, что на каком-то этапе Змей Горыныч был просто синонимом дуги, «ur», «u», то есть Змеем-Горой. Негативность его функций в волшебной сказке является следствием его связи с зимой и солнцестоянием.

[25] Славянское божество Велес есть не что иное, как развитие фонемы «ul» с затвердевшим «u». Отсюда и вся специфика его мифологических действий, в которых запечатлена идея его связи с землей, с водой, с нижними регионами творения (= Года), его змеевидность, близость к животным («скотий бог») и т.д. Борьба Велеса с Перуном (Перун ранее имел иное имя, скорее всего, связанное с корнем «il», поскольку его символические действия ближе всего к летнему — после летнего солнцестояния — периоду года, соответствующему идеограммам «ilx», ᛉ, и «sig», ϟ, есть типологизация и мифологизация соотношений лета и зимы, неба и земли, что на изначальном культовом языке выражалось как переход «il» в «ul» или их диалектические взаимоотношения. Можно сказать, что речь идет об описании движения «Tiu» по нисходящей дуге Года — Il-Перун («Tiu» в начале спуска) поражает молнией Велеса-быка («Tiu» в конце спуска), подобно тому, как в скандинавской Эдде Один («Tiu» как «odal», «wuotan») подвесил сам себя на копье (тоже «Tiu»!) на Мировом Древе (и это «Tiu»!) в жертву самому себе. В изначальном космическом видении гиперборейской расы нет строго дуалистического деления — это нордическая полярная диалектика, где жизнь переходит в смерть, чтобы стать воскресением, а страдание и холод ночи несут в себе же самих пылающую роскошь весны. Мир, населенный Божьим Духом, есть сцена непрерывных сакральных метаморфоз, диалектического становления. Неслучайно немецкий философ Гегель (Hegel), развивший диалектику, носил сакральную фамилию, восходящую к «Hagal», руне святости («heilig»), непрерывного вращения Года, божественного становления Света.

[26] С этой календарной спецификой волка связан древний русский обычай переодеваться на зимние святки (то есть пе-

ред зимним солнцестоянием) в волчьи шкуры. Отсюда же и приобретшие со временем демонический характер истории о «волкодлаках», «оборотнях», «ликантропах», «человеко-волках» и «вампирах». В основе всего сказанного лежит идея о восстании солнца из могилы зимы, из чрева волчьей пасти. Выходящий из пасти волка солнечный свет дает образ получеловека (синоним Света) — полуволка (синоним зимы). Как и многие другие дохристианские сакральные сюжеты, мотивы волкодлаков, вурдалаков, упырей приобрели отрицательные, инфернальные черты.

[27] Появление «ka» в сочетании «beork» объясняется предвосхищением весеннего воскрешения солнца уже осенью. См. следующую главу. По этой же логике солнцестояническая дуга «ur» устойчиво называется в некоторых культурах «ku», что «календарно» означает «воскресающий Сын Божий в пещере, под землей» и т.д.

[28] Возможно, с формулой «b-r-g» связаны русские слова «берег» и «беречь». Здесь, возможно, смысловой перенос от изначального значения «гора», «b-r», как возвышенность, на то, что за этой возвышенностью «сберегается», «скрывается», «прячется». Не исключено, что славянские языческие «берегини» были изначально не названием демонических существ, но мифологизированными древними жрицами, которые, по Вирту, осуществляли важнейшие сакральные функции в изначальной нордической цивилизации, а отправлялись важнейшие культы этой цивилизации в урочищах (урочище — от «ur»), имевших имена, близкие к «bi-ur» или «bi-urka». Сама по себе нижняя часть года была связана с женским началом — в Мать-Сыру Землю сходили умершие (повторяя зимний путь солнца), чтобы снова родиться из ее священного чрева. Соответственно, и в человеческом обществе над сакральными алтарями — дольменами, менгирами, капищами — отправляли культы Белые Девы, Матери, прототипы римских весталок. Сами же русалки — «подводные девы» — скорее всего, являются фигурами, связанными с нижней, зимней половиной года и женским жречеством. Отсюда — «русалии».

[29] См., что мы писали выше.

[30] Русские слова «узел», «узы» и родственное им «вязать» возможно, восходят к той же формуле «os» и к той же идеограмме петли, «odil». Петля имеет важнейшее значение в традиционном символизме. В самом христианстве Исус назван тем, кому дана власть «связывать и разрешать», то есть затягивать бытийную петлю и ослаблять ее. Это имеет явную параллель с циклическим символизмом — стягивание петли (уз) равнозначно зимнему, «стужалому периоду Года (слово «стужать» в русском означало как раз «стягивать»; стужа — это «стягивание погоды», отсюда же и метафора «стужать» — «быть одержимым злым духом», «être hantè» по-французски), а также человеческой смерти (откуда форма казни через удушение или повешение); разрешение соответствует весне, выпуску Света и тепла наружу, освобождение, «отпущение грехов», «новое рождение», «воскрешение» и т.д. Петля в виде идеограммы «odil» — атрибут многих древних божеств, особенно она часто встречается в индуизме — у Шивы, Кали, Вишну, Брамы и т.д.

[31] Не исключено, что сюда же относится и слово «снег», поскольку он связан с зимой, а следовательно, с идеограммой зимы — «ing».

[32] Подробнее см. раздел в этой книге «Гиперборейская теория». Переход от арктического десятимесячного года к североатлантическому 8(16)-месячному и позже к южноатлантическому 12(24)-месячному соответствовал замерзанию Арктики (fimbulvinter скандинавских саг, «оледенение арктического города Вара в зороастрийских текстах» и т.д.) и движению изначальной расы на юг, где годовая картина сезонов и сезонных явлений резко менялась, и в священные календарные круги вносились элементы, отсутствовавшие в арктическую эпоху. Так появились фиксированные точки самого южного (и соответственно северного) годового восхода (заката) солнца, что в Северной Атлантике дало основание для вычленения новой (по сравнению с изначальным арктическим миром) точки (вернее, четырех точек) — самого южного (северного) пункта восхода (захода) солнца в году, а это, в свою очередь, вносило в солярный цикл членение, соответствующее 1/8 всей окружности Года. В Южной Атлантике эта же точка приходится на 1/12. Из

этого различия и происходят два исторически зафиксированных рунических круга: малый 16-рунный (североатлантический), Вирт вопреки другим ученым считает именно его более древним, и большой 24-рунный, южноатлантический, более поздний.

[33] Можно выдвинуть гипотезу относительно соотношения 10 и 12. Эти два циклических числа соответствуют двум этапам календарных реформ изначальной традиции, что в позднейшие периоды служит указанием и на географические особенности той или иной религиозной сакральной формы. Так, двенадцатиричный цикл является следом западных или юго-западных (атлантических) влияний, восьмеричный — северо-западных, а десятиричный является знаком самой Примордиальной Традиции и соотносится с севером, Арктикой, гиперборейской филиацией. Если это так, то многие загадки числового символизма в самых разных традициях могут быть легко расшифрованы.

[34] То, что «козой» должен быть именно подросток, юноша, вытекает из идеи «юности» нового солнца, «Ка» всегда юн, молод.

[35] Мы не затрагиваем здесь различие в метафизическом подходе разных традиций, которое, на самом деле, в высшей степени важно, и не спешим соглашаться с расхожим (в традиционалистской среде) поспешным выводом о «трансцендентальном единстве религий» (термин Ф. Шуона). Подробнее мы развили идею совершенной метафизической уникальности христианства в книге «Метафизика Благой Вести (православный эзотеризм)». Но все же нельзя пройти мимо поразительно буквального — даже тотально структурного (только структурного (!), а не метафизического) совпадения между христианской традицией в ее догматико-календарном аспекте и изначальными парадигмами гиперборейской сакральности, столь блистательно разобранной и восстановленной Виртом. Все в христианстве — и воплощение, и страдание на кресте, и мученическая смерть Спасителя, и его (весеннее) воскресение, и его вознесение — точно соответствует изначальному священному кругу. Если не рога, то воздетые вверх руки грядущего во славе Христа, изображения которого украшают многие алтари, идеально вписываются в тему космического воскресения.

Напомним также случай с противопоставлением Шивы богу любви Каме — оба связаны с символизмом лука и стрел, полом, любовью и т.д., но забвение о единстве их изначального происхождения или (что не исключено) наложение друг на друга двух редакций единого гиперборейского сюжета, что, возможно, связано с различными хронологически и географически этапами ее получения, заставляет утверждать плоскую «моралистическую» (глубоко искусственную) метафору вместо роскошного поливалентного диалектически абсолютного арктического символизма. Таких примеров можно привести множество.

[36] На этом основании арктический год делился на 20 полумесяцев — десять пальцев на ладонях и десять пальцев на ступнях.

[37] Вполне вероятно, что личное местоимение 2-го лица развилось из симметричной осенней идеограммы — «Tiu»; «ты», «твое», «тебя», «тебе» и т.д. Третьего же лица у личных местоимений, как известно, в большинстве индоевропейских языков не было; оно развилось очень поздно из указательных местоимений. Так, русские «он», «она», «оно» и т.д. возникли из краткой формы указательного местоимения «оный», то есть «тот».

[38] Гипотеза о динамике трансформаций личного местоимения 1-го лица в русском языке изложена далее. См. главу «Аз и юс».

[39] Эта защита Виртом нордического матриархата сделала его врагом многих идеологов Третьего рейха. В особенности его возненавидел Альфред Розенберг, бывший идейным врагом в том числе и таких глубочайших консервативно-революционных мыслителей, как Хайдеггер и Клагес. Юлиус Эвола, который называл Вирта вместе с Геноном и да Джорджо в тройке своих главных духовных учителей, также не разделял восторгов Вирта перед Mutterrecht. Любопытно, что эта же тема — доисторический патриархат-матриархат — возникла в деле самого Эволы, когда Генрих Гиммлер поручил своим аналитикам дать заключение об общем мировоззрении Эволы. Карл Мария Вилигут (Вайстор), который занимался этим вопросом, приводит воинственный, агрессивный маскулинизм (доходящий до мизогинии) Эволы в качестве негативной (!) черты его мировоззрения.

[40] Относительно слова «Dorn», «колючка», «шип», а также «куст», смотри соответствующее примечание к тексту Германа Вирта «Священный Год», данному в приложении.

[41] Подробнее о символизме буквы «Ж» см. далее.

[42] В сербском аналогом слова «все» является слово «све», то есть перестановка согласных в корне фиксируется, не выходя за пределы славянских языков.

[43] Иез. 1:22, 26, 29.

[44] Быт. 3:24.

[45] Исх. 25:8.

[46] Исх. 36:35

[47] Праздник иконы «Неопалимая Купина» отмечается Православной Церковью 4 сентября по старому стилю.

[48] *Wirth Herman*. Die Heilige Urshrift der Menshheit. — Leipzig, 1936.

[49] Характерное для всей Православной Церкви особое почитание Креста Господнего распространено у русских староверов. В некоторых беспоповских толках оно стало в центре всего учения. Так, например, «Согласие по Кресту», иначе называемое «рябиновцами», настолько чтили святой символ, что считали приличным изготовлять распятия только из тех же пород дерева, что и сам Крест Спасителя. Поскольку кедр и кипарис на Руси было получить непросто, «рябиновцы» сделали акцент на третьей породе — «певге», который принято отождествлять с рябиной. Все кресты староверы этого согласия изготовляли только из рябины, считая это обязательной практикой.

[50] См. далее, что мы пишем по этому поводу в главе «Христианский Год», раздел «Символизм Креста».

[51] См. выше главу «Мистерия буквы “живете”».

[52] *Guènon Rene*. Le Roi du monde. — Paris, 1927 (по-русски см.: *Генон Рене*. Царь Мира. Перевод Ю. Стефанова // *Генон Рене*. Символика креста. — М.: Прогресс-Традиция, 2004); Он же. Le Règne de la Quantitè et les Signes des Temps. — Paris, 1945 (по-русски см.: *Генон Рене*. Царство количества и знамения времени. Перевод Т. Любимовой. — М.: Беловодье, 2003); Он же. Les formes traditionnelles et les cycles cosmiques. — Paris, 1970 (по-русски см.: *Генон Рене*. Традиционные формы и космические

циклы. Перевод Т. Любимовой. — М.: Беловодье, 2004).

[53] *Agrippa H.C.* La philosophie occulte. — Paris, 1981 (по-русски см. тж.: Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII–XIX вв. — М.: Канон+, 1999).

[54] *Evola Julius.* Il Cammino del Cinabro. — Milano, 1972.

[55] Рецензия «Место атлантической традиции в манвантаре» переведена на русский в альманахе «Милый Ангел» № 1, 1990.

[56] *Wirth Herman.* Der Aufgang der Menschheit. — Jena, 1928; Он же. Die Heilige Urshrift der Menshheit. — Leipzig, 1935; Он же. Ura Linda Chronik. — Leipzig, 1933. См. тж.: *Guènon Rene.*Les formes traditionnelles et les cycles cosmiques. — Paris, 1970 (по-русски см.: *Генон Рене.* Традиционные формы и космические циклы. Перевод Т. Любимовой. — М.: Беловодье, 2004).

[57] *Otto Rahn.* Kreuzzug gegen den Gral. — Berlin, 1933 (по-русски: см. *Отто Ран.* Крестовый поход против Грааля. — М.: АСТ, 2004.)

[58] *Guènon Rene.*Le Roi du Monde. Указ. соч.

[59] *Guènon Rene.* Les formes traditionnelles et les cycles cosmiques. Ук. соч.

[60] Подробнее об этом см. раздел «Гиперборейская теория».

[61] *Майринк Густав.* Белый Доминиканец. — М., 1992. Тж.: *Майринк Густав.* Белый Доминиканец. — СПб.: Азбука, 2004.

[62] *Wirth Herman.* Der Aufgang der Menschheit. Указ. соч.

[63] *Wirth Herman.* Die Heilige Urshrift der Menshheit. Указ. соч.

[64] Имеется в виду первое издание: *Дугин Александр.* Гиперборейская теория. — М.: Арктогея, 1993.

[65] Альманах «Конец Света». — М., 1998. Речь идет об обширной публикации относительно «гиперборейской темы», куда вошли как собственно тексты автора настоящей книги, так и его же общесобирательный перевод из трудов Германа Вирта.

[66] *Evola Julius.* La tradizione ermetica. — Roma, 1971.

[67] Подробнее см. об этом в разделе «Расы, руны и культы».

[68] *Frazer James George.* The Golden Bough. — NY, 1922. По-русски: *Фрэзер Дж.Дж.* Золотая Ветвь. — М.: ЭКСМО, 2006.

[69] Об аналогах этого культа в европейском Средневековье см. книгу *М. Блока* «Короли-целители»: *Bloch M.* Les rois Thaumaturges. — Strasbourg, 1983.

[70] *Frazer James George.* The Golden Bough. Указ. соч.

[71] Заметим, что современная профаническая наука стремилась до определенного момента относиться к земному миру именно как к чисто материальной реальности, в результате чего появились странные физические теории, довольно быстро пришедшие в полное противоречие с реальностью, так как неспособны были действительно объяснить ни одного явления по той причине, что основывались на нелепом картезианском допущении полной независимости материального мира от остальных уровней реальности. Однонаправленное и необратимое время, с которым оперирует современная наука, является не более чем теоретической гипотезой, опровергаемой на каждом шагу обратными, «негэнтропическими» процессами, присутствующими в каждой вещи и в каждом физическом явлении. Сегодня даже эта профаническая наука стремится как-то скорректировать свои материалистические абсурдные предпосылки, заведшие ее в тупик.

[72] Наибольший интерес в области исследования годового символизма представляют работы немецкого ученого Германа Вирта, который в своих книгах: *Wirth Herman.* Die Aufgang der Menschheit. — Berlin, 1927; Die Heilige Urschrift der Menschheit. — Berlin — Leipzig, 1936; Euroasiatische prolegomena zur Geschichte der indoeuropäischen Urreligion. — Leiden, 1973; Ura Linda Chronik. — Berlin, 1936; Die Symbolhistorische Metode. — Marburg, 1955 и т.д. — подробно проследил в самых разнообразных древних традициях, вплоть до пещерных рисунков и наскальных надписей, постоянство единой универсальной парадигмы Священного Года, давшей начало всем языкам и письменам народов земли, а также основание всем мифологическим и религиозным сюжетам. Тексты Вирта настолько же важны для исследования символизма Традиции, как и книги Рене Генона, хотя Вирт не придерживается в строгом смысле традиционалистской точки зрения и в его трактовках определенных явлений часто сказывается профаническое научное образование. Но при адекватной сверке исследований Вирта с концепциями Генона можно достичь уникальных результатов по выяснению общей структуры Изначальной Традиции, которая, при всем

сказанном, оказывается не только не противоречащей христианству, но открывается как его *предвосхищение*, как его естественное, природное, но одновременно и богодуховенное провозвестие.

[73] Подробнее см. *Wirth H.* Указ. соч.

[74] Порядок обхождения иереем алтаря — посолонь (по солнцу) или противосолонь (против солнца) — был одним из противоречий между старообрядцами, отстаивавшими движение посолонь, и никонианами, настаивавшими на противоположном направлении. Учитывая инициатическую значимость таких элементов, легко понять, вопреки профаническим исследователям, считающим подобные вещи мелочами, насколько глубоки были истинные корни русского раскола. Кстати, определенный «годовой» смысл имеют и два других объекта дискуссий. Так, «аллилуйя» толковалась русскими в соответствии не с еврейской этимологией, но по законам древнейших календарных фонетических соответствий — «алл», гласный «а» — начало года, первая треть, как в древнейших рунических кругах; «ил», гласный «и» — середина года, летнее солнцестояние; «уйя», гласный «у» — конец года. «Алл» сопоставляли с Богом-Отцом, «ил» — с Богом-Сыном, «уйя» — с Богом-Святым Духом. Староверы категорически настаивали на троекратном произнесении этой священной формулы (два раза — на еврейском и один раз — на русском), подчеркивая инициатический характер числа три, соотносимого с самим содержанием славословия. Кроме того, написание имени Исус с одним «и» хотя и противоречит лингвистическим законам перевода с греческого на церковно-славянский, но подчеркивает близость имени Спасителя с древнейшей индоевропейской руной «Ис», которая находилась как раз в точке летнего солнцестояния, являясь фонетико-ритуальным календарным синонимом «летнего» гласного «и» и слога «ил». Таким образом, споры об орфографии имени Спасителя и «аллилуйе» имели под собой глубинное инициатическое основание, прозрачное для современников раскола, но совершенно забытое впоследствии.

[75] Нарицаемым отныне «Иммануилом», что означает «С нами Бог».

[76] *Св. Григорий Палама.* Беседы. — М., 1994. 3 т.

[77] «Оному [Христу. — *А.Д.*] подобает расти, мне же малитися», — говорит Иоанн Предтеча в Евангелии от Иоанна III, 29.

[78] Другой важный праздник Иоанна Предтечи — Усекновение Главы — приходится как раз на осень. Отрубленная по приказу Ирода голова подобна солнцу осени, ниспавшему со своей высшей точки и катящемуся к мраку зимы.

[79] Николай Угодник и пророк Илия играют огромную роль в русской православной традиции, структурируя православную версию священного года в его двух экстремальных точках — летнем и зимнем солнцестояниях. Поскольку в священном Кресте года верхняя точка иероглифически сопряжена с нижней, а, кроме того, обе они являются моментами, где кончается одно и начинается другое, то с этими персонажами связываются многочисленные предания и легенды, имеющие отношения к *дуальности*. Так, в Новогороде были Церкви, посвященные Илие Сухому и Илие Мокрому, а в других городах — Николе Сухому и Николе Мокрому. Дуализм Огонь — Вода, сухое — мокрое, дождь — солнечная погода промыслительно сочетались с именами и житиями библейских фигур, заложив основы христианской космологии, сопряженной с календарем и сакральной географией православных царств.

[80] Характерно, что в русской традиции рядом со схематически изображенным крестом часто фигурируют четыре буквы М Л Р Б, по две с каждой стороны вертикальной перекладины, что означает «Место Лобное Рай Бысть», то есть «место казни стало местом рая». В этом наглядно можно увидеть ту дуальность символа, о которой здесь идет речь и которая всегда воспринималась православным сознанием как нечто само собой разумеющееся. Эта дуальность в свое время стала истоком споров среди беспоповских толков старообрядчества. Один из активных деятелей раннего раскола соловецкий архидиакон Игнатий развил теорию исключительно небесного понимания православного креста как символа рая и спасения. За этим последовала полемика о возможности или невозможности написания на кресте «титла пилатова» — аббревиатуры «І.Н.Ц.І.» («Исус Христос Царь Иудейский»), в которой Иг-

натий и последователи видели солидарность с пилатовской иронией и оскорбление достоинства Спасителя. Они настаивали на ином написании — «Ц.С.I.Х.С.Б.» («Царь Славы Исус Христос Сын Божий»), которое подчеркивало метафизическое и животворящее, сверхисторическое значение этого символа. Некоторые толки — «рябиновцы» или «Согласие по Кресту» — пошли еще дальше, утверждая, что каноническим трехчастным православным крестом является только крест, изготовленнный из рябины, отождествляемой ими с певгом, одним из трех деревьев, из которых было сделано распятие.

[81] Поэтому на православном кресте обязательно присутствует начертание греческого слова «Ника», что значит «победа». Этот «славный» аспект креста запечатлен видением, бывшим императору Константину на небе перед решающей битвой. По преданию, он увидел тогда сияющий крест и услышал слова: «In hoc signo vinces» — «Сим победиши». Считается, что исполнение этого знамения повлияло на обращение Константина и на воцерковление всей Римской империи.

[82] Эти ступени бывают числом три или пять и символизируют Голгофу. Часто под ними изображается череп Ветхого Адама, поскольку «Голгофа» по-древнееврейски как раз и означает «лобное место», то есть место «черепа».

[83] В традиционном изображении православного Креста происходит наложение двух перспектив: нижняя горизонтальная перекладина наклонена слева направо и сверху вниз, что подчеркивает правую и левую стороны относительно распятого Христа. Одновременно с этим расположение копья Лонгина и трости с уксусной губкой соответствует взгляду наблюдателя, и в этом случае весенний знак — солнечная трость — оказывается слева от Спасителя, но справа от зрителя, а «осеннее» копье — наоборот. Такого рода перестановки часто встречаются в группах символических изображений, так как со временем однозначное понимание инициатического содержания всей картины и ее отдельных элементов утрачивается. Кроме того, данное расположение становится совершенно логичным применительно к суточному символизму, где солнце движется по часовой стрелке, а не против нее, как в годовом круге.

[84] Символическим синонимом копья может служить также стрела или игла. На этом основании можно было бы сделать множество важных выводов относительно истинного содержания ряда мифологических сюжетов и преданий, православных или относящихся к русскому фольклору. Но данная тема слишком обширна и выходит за рамки настоящей работы.

[85] В индуизме сходный сюжет описывается в мифе о выпивании богом Шивой яда калакуты, который хранился на дне Мирового океана и грозил уничтожить вселенную. Вообще говоря, вопреки внешней стороне вещей, с символической точки зрения грозный индуистский Шива гораздо более соответствует христианскому Исусу, нежели «благостный» Вишну, хотя в данном случае речь идет только о типологическом сходстве и ни в коем случае не об отождествлении.

[86] Оно играет важную роль в средневековых эзотерических легендах о Святом Граале. Подробнее см.: *Evola Julius.* Il mistero del Graal. — Roma, 1972. Тж.: перевод первой части этой книги в альманахе «Милый Ангел» № 1. — М.: Арктогея, 1991.

[87] В православной иконописи на этом основании Гора считается символом Святого Духа. Также существует образ «Гора нерукосечная», где изображена Дева Мария, держащая гору.

[88] Любопытно, что фонетическое (и этимологическое) сходство слов «гора» и «город» наличествует не только в русском языке, но и во многих других индоевропейских языках. Так, можно упомянуть немецкие «Burg» («город») и «Berg» («гора»), также сходство латинского «urbs» («город») и «urium» («пустая горная порода»). Это последнее слово близко греческому ὄρος, «гора». Кстати, греческое ὄρος («гора»), подобно другому греческому слову ὅρισμα (дословно «огороженное место», «предел»), равно как и в русском языке слово «огораживать» является однокоренным со словом «гора».

[89] В руническом календаре соответствующая руна носила название «ur». Возможно, отголоски этого древнейшего, «довавилонского» слога сохранились в индоевропейских названиях «горы» — в русском «гора» [g + or(ur)], немецком «Berg» [b + er + g], греческом ὄρος [or(ur) + os], латинском «orbs» [or(ur) + bs] и т.д.

[90] Дословно «украшение», от того же корня «космос», «мир».

[91] В том смысле, в каком этот термин встречается у св. апостола Павла: «эллинская» значит «манифестационистская», предполагающая прямую «эманационную» божественность космоса, непосредственно соединенного с принципом.

[92] Тот факт, что язык становится носителем Божественного Откровения, преображает его природу, возводит к изначальному райскому состоянию, предшествовавшему Вавилонскому смешению. Происходит воцерковление языка. Русский язык в его церковно-славянском варианте, став богослужебным, также был духовно преображен и в некотором смысле возведен к архетипу.

[93] «Став же Павел посреде Ареопага, рече, мужие афинейстии, по всему зрю вы аки благочестивые. Проходя бо и сглядая чевствования ваша, обретох и капище, на немже бе написано, неведомому Богу. Егоже убо не ведуще (благолепне) чтете, сего аз проповедую вам». (Апостол. XVII, 22–23.)

[94] Это можно соотнести и с тем, что мы сказали выше относительно сакральной формулы «аллилуйя».

[95] Каким бы «диким» подобное утверждение ни казалось современному атеизированному, скептическому сознанию, оно справедливо для любых традиционных воззрений. Крайне важен с инициатической точки зрения сюжет о «заключении пророком Илией неба» и о том, что он, после обращения вдовицы, снимает с неба свое проклятие и попускает выпасть осадкам. Тема «заклинания небес» относится к древнейшим архаическим аспектам Традиции.

[96] Вплоть до сегодняшнего дня у немцев пятница называется «Freitag» — от Фрейи, а у французов — Vendredi, дословно «день Венеры» и т.п.

[97] В качестве предположения некоторые авторы, в частности академик Рыбаков, выдвигают гипотезу о том, что ей могла бы быть Мокошь. Но это не так уж и важно, поскольку в данном случае одно неизвестное просто заменяется другим неизвестным, раз о Мокоши мы практически ничего не знаем.

[98] Указ. соч.

[99] Подробнее настоящий вопрос мы осветили в разделе «Гиперборейская теория». См. тж.: ук. соч.: *Herman Wirth.*

[100] По реконструкции Вирта древнейший арктический «райский» год делился на 72 недели, по 5 дней в каждой, что составляло 360 дней (как 360 градусов круга). В дополнение к этому перед «зимними святками», «зимним солнцестоянием» добавлялась еще одна «ладонь» — 5 пальцев-дней, — соответствующая самой Великой Матери, 5 ее аспектам или 5 планетам. Крайне любопытен в этом смысле древнерусский мотив вышивок, чью календарную природу совершенно верно распознал академик Рыбаков (рисунок в книге «Язычество древних славян» и его интерпретация там же). Более подробно на эту тему см.: *Дугин Александр.* Мистерии Евразии. — М.: Арктогея, 1996. Глава «Россия — Дева Солнечная».

[101] Совершенно не обязательно видеть в этом сельскохозяйственный «натурализм». Дело в том, что сам хлеб имел особое сакральное, символическое значение в индоевропейской традиции, а в христианском контексте он вообще стал прообразовательным веществом Божественной Плоти Спасителя. Поэтому не сельскохозяйственный цикл лежит в основе древних преданий, но сакральное знание о глубинных символических соответствиях между природной и духовной сторонами бытия.

[102] Четвертый пост — Петров или Петропавловский — приходится на летнее солнцестояние и имеет иное значение, радикально отличное от трех других постов, что видно уже из того факта, что он не приурочен ни к одному из двунадесятых праздников и не связан с двумя верховными лицами православной традиции — с Сыном Божьим и Девой Марией. Однако показательно, что всего православные имеют 4 поста (не считая нескольких однодневных), что строго соответствует Великому Кресту священного года.

[103] Заметим, что в настоящее время этим трем точкам действительно соответствуют три формы измерения времени: осеннее равноденствие — церковное Новолетие, зимнее солнцестояние — гражданский Новый Год, весеннее равноденствие — пасхальный литургический цикл.

[104] Рим. 18,19.

[105] Русское слово «год» изначально этимологически означало «подходящий», «достойный», отсюда слова «годный», «угодный», «пригодный», «выгодный», «годиться»; родственно готскому «guots», древневерхненемецкому «guot» — «добрый», «благой», «хороший». Следовательно, в русском языке изначально заложено представление о Годе как о Благе, то есть как об этическом, качественном понятии, а не о количественной единице измерения времени. Характерно также, что часто используемое Виртом выражение «Gottesjahr» — «Божий Год» — содержится в самом по себе русском слове «год», если, конечно, принять спорную этимологически, но саму собой напрашивающуюся параллель между словами Gut («благо») и Gott («Бог»).

[106] Подробнее о расовой теории Германа Вирта и о его взглядах на значение рун как примордиальных идеограмм Священного Года см. первый раздел настоящей книги.

[107] Стоит обратить внимание на то, что славянский корень слова «вертеть» родственен, с одной стороны, древнепрусскому «wirst» («становиться»), откуда немецкое «werden», «становление», а с другой стороны, в нем наличествует то же сочетание согласных — «r-t», и даже гиперкритицист Фасмер этимологически сближает этот корень с греческим «ratane», где согласный «v» или «w» отсутствует. Кстати, происхождение этого «v» (или «w») может быть следствием гласного «u», который в ритуальных звукосочетаниях древнейших нордических культовых формул часто выступал вместе с «r». Речь идет о хорошо известной формуле «ur», озвучивавшей важнейшую зимнесолнцестоянческую руну (подкову). Сам Вирт возводит немецкое «werden» именно к «ur», а следовательно, «v» в русском «вертеть» (равно как в латинском «vero», литовском «virsti» и т.д.) оказывается довольно примордиальным и культово обоснованным. От того же древнего корня произошло и русское «время», родственное, в свою очередь (по Фасмеру), древнеиндийскому «vartma» («колея», «рытвины», «дорога», «желоб»), в котором «t» сохраняется.

Сюда же следует отнести важнейшее для русской традиции слово «род», из праславянского «*ordъ» и этимологически

близкое слову «расти». *ordъ же явно напоминает немецкое «Ordnung» («порядок») и само санскритское слово «rta». Снова близость концепций. «Время», «становление», «рост»... При этом следует помнить, что время в Традиции понималось циклически, а следовательно, понятие «Рода» в славянской ментальности означало не просто горизонтальное движение наследственной, семейной цепи в истории, а некую единую, сверхисторическую реальность, как бы заведомо замкнутую сама на себе, подобно кругу. Род — не просто культ предков, но и культ потомков, а также культ этнического настоящего, осуществляющего таинство соединения двух полюсов бытия.

[108] В отношении «Dorn» (в современном немецком «куст», «кустарник») соответствие еще более строгое (напомним о фонетическом тождестве «d» и «t», звонкое и глухое произношение одного и того же звука). Русское слово «дерево», «древо» восходит прямо к индоевропейскому корню «d-r», «t-r». Греческое «doru», древнеиндийское «daru», «dru-», готское «triu», английское «tree» и т.д. Таким образом, в русском языке несколько важнейших, основополагающих сакральных понятий, связанных с ритуальной формулой «r-t», «t-r», составляют этимологически родственные слова: «Время — Дерево — Вращение — Род». Легко представить, какие выводы можно извлечь из этого простого замечания для исследования сакральной семантики русских обычаев, текстов, фольклорных оборотов, ритуальных комплексов, календарных типов и т.д.

Содержание

Научно-популярное издание
Ariana Mystica

Дугин Александр Гельевич
ЗНАКИ ВЕЛИКОГО НОРДА

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Редактор-составитель *О.В. Фомин*
Редактор *Е.С. Лазарев*
Корректор *Л.Г. Сафарян*
Верстка *Н.В. Гришина*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления *Е.А. Забелина*

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.000129.01.08 от 16.01.2008 г.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 24.07.2008. Формат 60x90 1/16.
Гарнитура «MysIC». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 20. Тираж 5000 экз. Заказ № 8535.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Эту книгу написал культовый автор русских традиционалистов — Александр Дугин. Одна из самых смелых гипотез мировой науки — полярная концепция происхождения человечества — под его пером предстает как увлекательный и будоражащий воображение рассказ о забытых истоках цивилизации. Священные руны и мудрые символы легендарной Гипербореи, строгие и светлые праздники древнего Норда в их связи с русской языческой верой и с православным литургическим кругом, — вот главные темы этой удивительной книги.

ISBN 978-5-9533-3352-8

